

P.O. vol. 2988-2

Bulgarin

<36634768120013

<36634768120013

Bayer. Staatsbibliothek

И В А Н Ъ В Ы Ж И Г И Н Ъ,

НРАВСТВЕННО-САТИРИЧЕСКІЙ
РОМАНЪ.

СОЧИНЕНІЕ

Θаддея Булеарина.

Какъ посравнишь, да посмотришь
Вѣкъ нынѣшній и вѣкъ минувшій:
Свѣжо преданіе, а вѣрился съ шрудомъ!

Грибоедовъ.

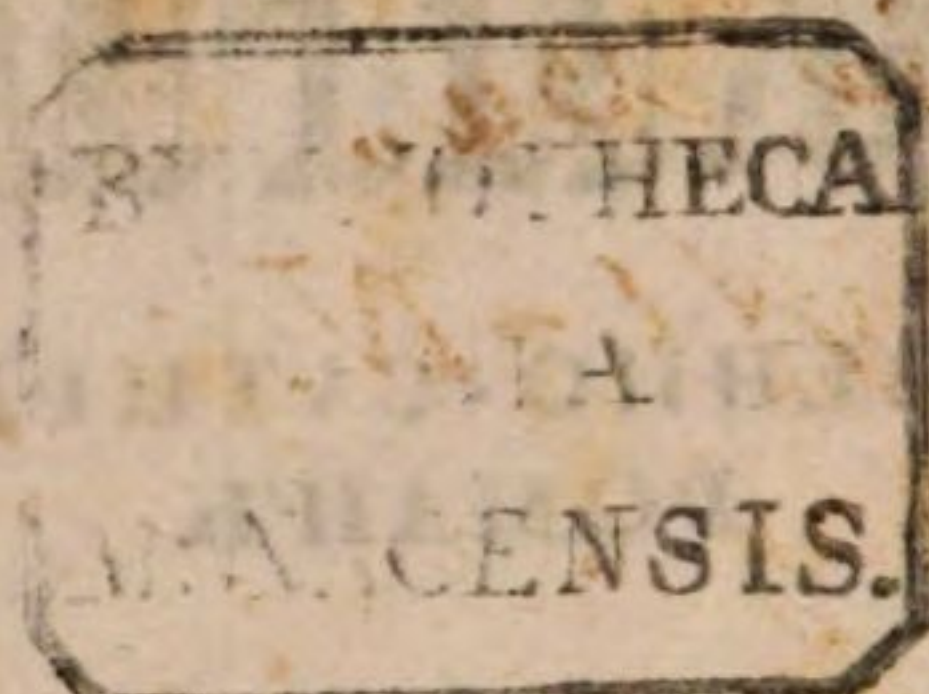
Ч А С Т Ъ П.

Изданіе третіе, исправленное.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Александра Смирдина.

1 8 3 0.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, чтобы по оппечатапаніи предспавлсны
были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра.

С. Петербургъ, Сентября 30 дня 1829 года.

Ценсоръ Н. Щегловъ.

ИВАНЪ ВЫЖИГИНЪ.

ГЛАВА I.

Плѣнь у Киргизцевъ. Киргизскій Философъ Арсланъ-Султанъ. Я сдѣлался наѣздникомъ.

Не помню, сколько времени я былъ въ безчувственномъ состояніи, но я пришелъ въ себя во снѣ. Мнѣ снилось, что я упалъ въ воду, и лежу на днѣ глубокой рѣки. Холодъ заставилъ меня проснуться. Открываю глаза, хочу пошевеливаться, но чувствую, что я окупанъ во что-то мокрое, и связанъ. Звукъ, похожій на игру на гудкѣ, поражаетъ слухъ мой. Съ величайшимъ трудомъ я поворошилъ голову отъ спѣны къ свѣту, и все, что представилось глазамъ моимъ, приводило меня въ удивленіе. Я лежалъ въ палаткѣ, на кучѣ войлоковъ, и, весь нагой, завернутъ былъ въ сырую

Часть II.

баранью шкуру, шерстью вверхъ. Возлѣ моей постели сидѣлъ человѣкъ, въ пестромъ халатѣ, въ высокой, черной бараньей шапкѣ; онъ игралъ на гудкѣ, напѣвалъ унылымъ голосомъ, качалъ въ шакль головою, и дѣлалъ спрашныя гримасы. По сплюснутымъ глазамъ этого человѣка, по смуглому цвѣту лица, выдавшимся скуламъ и рѣдкимъ волосамъ на усахъ и бородѣ, я узналъ Киргизца. Онъ чрезвычайно обрадовался, примѣшивъ, что я открылъ глаза и дѣлаю усилія, чтобы выпутаться изъ моихъ пеленъ; вскочилъ съ своего мѣста, повернулся нѣсколько разъ на каблукахъ, и спалъ крича изъ всей силы, ударяя въ бубны, которые висѣли у него на кушакѣ. На крикъ его вбѣжало нѣсколько Киргизцевъ, и съ ними три женщины. Одинъ Киргизецъ, высокаго роста, въ шелковомъ халатѣ и въ маленькой скуфѣ, вышитой золопомъ, приблизился къ моей постели, и сказалъ мнѣ ласково и довольно чисто по-Русски: «Чего ты хочешь? Лучше ли тебѣ?» — «Мнѣ холодно,» отвѣчалъ я: «и хочется поѣсть

или испишь чегонибудь горячаго. Велише развязать меня, и одѣшь чѣмънибудь теплымъ.» — «Ну, теперъ ты будешь здоровъ, когда захопѣлъ ѣсть,» сказалъ высокій Киргизецъ. Онъ выслалъ женщинъ, и велѣлъ двумъ Киргизцамъ снять съ меня баранью шкуру, вымыть, напереть какою-то крѣпкою мазью, похожею на желчь, и накрыть халамами, что и было пошчасъ исполнено. Я хотѣлъ подняться на ноги, но опъ слабости снова упалъ на постелю. Между тѣмъ, молодая женщина принесла мнѣ въ чашѣ похлебки изъ сарачинскаго пшена, и я, выпивъ этой крѣпительной пищи, почувствовалъ, что кровь моя приняла правильный оборотъ, и что силы мои возобновляются. Сонъ спалъ помиль меня послѣ удовлетворенія голода, и высокій Киргизецъ, примѣшивъ это, велѣлъ всѣмъ удалиться изъ палатки, сказавъ: «Не пужи, выздоравливай. Великъ Богъ на небеси, а въ степи — не безъ добрыхъ людей!»

Я заснулъ съ захожденіемъ солнца, и проснулся съ его восхожденіемъ; припод-

нялъ сперва голову, потомъ привспалъ, и крайне обрадовался, что могу держаться на ногахъ. Съ трудомъ вышелъ я изъ юрты. Увидѣвъ солнце и безоблачное небо, я бросился на колѣна, и со слезами благодарилъ Бога за избавленіе меня отъ тяжкой болѣзни и за сохраненіе жизни. Спранное зрѣлище представилось моимъ взорамъ. По берегу озера раскинушы были юрты; вокругъ видна была необозримая степь, и между небольшими кустарниками паслись многочисленныя стада барановъ, лошадей, верблюдовъ и рогапаго скопа. Мужчины и женщины заняшы были работою: одни доили коровъ и кобылицъ, другіе выѣпривали войлоки, прешьи разводили огни и носили воду, иные рѣзали барановъ и жеребятъ. Говоръ и клики людей смѣшивались со ржаніемъ коней, мычаніемъ коровъ и блеяніемъ овецъ. Я догадался, что нахожусь въ Киргизскомъ аулѣ, но не могъ постигнушь, какимъ образомъ попалъ сюда. Последнее мое воспоминаніе ограничивалось свиданіемъ съ Грунею, и прибытіемъ на

кварширу. Послѣ этого, мнѣ казалось, что я не жилъ, и воскресъ въ палаткѣ Киргизской. Высокій Киргизецъ, въ шелковомъ халатѣ, споялъ возлѣ своей юрты, копорая была больше и красивѣе прочихъ. Онъ курилъ трубку, и посматривалъ на всѣ стороны. Увидѣвъ меня, онъ приказалъ одному Киргизцу привести меня къ себѣ. Догадываясь, что это долженъ быть старшина, я поклонился ему, и просилъ позволенія присѣсть на землю, по причинѣ моей слабости. Старшина велѣлъ подослать мнѣ войлокъ, и самъ, сѣвъ на коврѣ прошивъ меня, сказалъ: «Ты долженъ знать, Иванъ, что ты рабъ мой. Я старшина одного знамениаго поколѣнія Киргизской орды. Зовушъ меня Арсаланъ-Сулпаномъ. Служи мнѣ вѣрно, если хочешь жить счастливо; когда жъ я замѣчу въ тебѣ охоту къ побѣгу, то продамъ въ Хиву, или велю убишь какъ барана.» Эта привѣтственная рѣчь не слишкомъ утѣшила меня послѣ выздоровленія, но дѣлать было нечего, и я отпѣчалъ съ припворнымъ равнодушіемъ:

— «Я буду тебѣ служить вѣрно, и хощя до сихъ поръ ничѣмъ не могъ угодишь тебѣ, но осмѣливаюсь просить одной милоспи, въ задапокъ будущихъ: скажи мнѣ, какимъ образомъ я доспался къ тебѣ въ неволю? Я былъ такъ боленъ, что не помню, что со мною дѣлалось.» — «Изволь, я расскажу тебѣ. Я былъ за дѣлами въ Оренбургъ, тому недѣли три. Выѣхавъ вечеромъ изъ города, и свернувъ съ дороги, чтобы возвращишься въ степь извѣстными намъ пушями, я увидѣлъ двухъ вооруженныхъ людей, которые снимали что-то съ шельги. Со мною было только чепыре Киргизца, для провожанія моихъ верблюдовъ: прочіе поѣхали впередъ. Опасаясь, чтобы казачьи разъѣзды не услышали выстрѣловъ, я не хощѣлъ напасъ на этихъ разбойниковъ, которые спорили между собою, что надобно съ тобою сдѣлать. Одинъ, высокій и плотный головорѣзъ, хощѣлъ опрубить тебѣ голову; другой, блѣдный и сухощавый, совѣшовалъ бросить въ поле, чтобы не проливать крови, говоря, что ты и

безъ ихъ помощи скоро испустишь духъ. Я слышалъ ихъ разговоръ издалека, по въпру. Они ужаснулись, когда я прискакалъ къ нимъ, и весьма обрадовались, когда я объявилъ, что не хочу запѣвать съ ними драки подъ городомъ, и намѣренъ избавить ихъ отъ хлопотъ, взявъ съ собою человека, объ участи котораго они спорили между собою. Злодѣи согласились, и отдали себя мнѣ, съ тѣмъ, чтобы я не позволялъ себѣ писать въ Россію и откупиться. Я обѣщалъ, и они возвратились въ городъ. Ты лежалъ въ жару, безъ чувствъ, закутанный въ одѣяло. Я тотчасъ велѣлъ убить двухъ запасныхъ барановъ, закусалъ себя голаго въ сырыя шкуры (*), и привязалъ къ поклажѣ моей на верблюда. Сырыя шкуры, и порошокъ изъ сушеныхъ ногъ птицы *тилегусъ* (**), который я всегда вожу съ собою, потому, что онъ помогаетъ также и отъ укушенія бѣше-

(*) Это одно изъ средствъ, которыми лечатся Киргизцы.

(**) Птица, похожая на куропапку.

ныхъ собакъ, удержалъ жизнь въ швоемъ шѣлѣ. Прибывъ въ аулъ, я, по просьбѣ моихъ женъ, призвалъ самаго искуснаго Баксу (*), велѣлъ ему гадать надъ шобою и играть на кобызѣ (**) во все продолженіе швоей болѣзни, перемѣняя безпрестанно свѣжія шкуры разныхъ животныхъ, иногда по два и по три раза въ день. Жены мои поили шебя похлѣбкою изъ пшена, и наваромъ шравы шираза (***), и наконецъ Богу и Его Пророку угодно было сохранить шебя, для славы и чести служишъ мнѣ, Сулшану Арсалану. Мнѣ жаль было швоей юности! Теперь жизнь швоя принадлежишъ мнѣ, и ты долженъ навсегда опказашъся

(*) Бакса, шже, что Сибирскій Шаманъ: гадатель и лекаръ.

(**) Родъ гудка, или скрипки, безъ верхней доски. Сшруны на немъ изъ конскихъ волосъ. Играюшъ на немъ смычкомъ, какъ на віолончель. Баксы употребляютъ эшопъ инструменшъ при своихъ гаданіяхъ.

(***) Сшепная шрава, употребляемая для произведенія испарины.

опѣ всякой надежды увидѣшь свое опечесство. Но, скажи мнѣ, кто таковы были эти разбойники, которые хотѣли убить тебя, и за что они на тебя озлобились? Поблагодаривъ сперва Арсаланъ - Султана за его обо мнѣ попеченія, и возобновивъ увѣренія въ моей вѣрности, я рассказалъ ему, какимъ образомъ выѣхалъ изъ Москвы съ Воровашинымъ, чѣмъ увидѣлся съ Грунею; какъ я встрѣшилъ Ножова, и подслушалъ его рѣчи, и наконецъ, какъ узналъ объ измѣнѣ Груни, и послѣ того впалъ въ горячку опѣ сильныхъ душевныхъ потрясеній. Я объявилъ моему новому господину, что никого не подозреваю въ намѣреніи убить меня, кромѣ Воровашина и Ножова; но, что побудило ихъ сговори́вшись пропить меня заговоръ, того я не могъ рассказать, потому что я самъ не посмѣлъ. Мнѣ не хотѣлось вѣрить, чѣмъ злодѣи эти посягнули на убійство, изъ нѣсколькихъ сотъ рублей, которые Воровашинъ удержалъ у себя, взявъ на сохраненіе. «Жаль,» сказалъ Арсаланъ-Султанъ; «что я не свѣ-

ялъ съ земли эшихъ бездушныхъ злодѣевъ, копорые испытывають свои силы и мужество надъ больнымъ юношею! Если они попадутся ко мнѣ въ другой разъ, то я ихъ заспаваю просушивъ кости въ сшепи, и опдамъ черепы на гнѣзда змѣямъ, копорыя гораздо лучше ихъ. Слушай, Иванъ, пока ты не укрѣпишься, тебѣ не будешь работы. Жены мои будутъ тебя кормить и поить, а тамъ, увидимъ, къ чему ты мнѣ пригодишься.»

Семейство Арсаланъ-Сулпана состояло изъ трехъ женъ и чепырехъ дѣтей: трехъ дочерей отъ 5 до 7 лѣтъ, и одного сына, юноши въ мои лѣта. Всѣ три жены были молоды и хороши собою. Если принявъ правиломъ, что сѣуженные глаза и выдавшіяся скулы не составляютъ безобразія, то жены Арсаланъ-Сулпана были бы красавицами и въ Европейской столицѣ; а онъ самъ, хотя уже имѣлъ лѣтъ за сорокъ, могъ назваться Киргизскимъ Аполлономъ. Сынъ его рожденъ былъ чепвертою женою, копорой уже не было въ живыхъ; но мо-

лодой Гаюкъ, въ каждой изъ прехъ своихъ мачихъ, находилъ ласки и нѣжностъ, копорыми не всегда могутъ похвалиться пасынки между образованными народами. Мой господинъ былъ счастливъ своимъ семействомъ. Жены его жили дружно между собою, имѣли нравъ веселый, и старались угождать мужу всѣми возможными средствами. Онъ опмѣнно ласково обходились съ служителями, и меня любили какъ роднаго брата. Имъ обязанъ я своимъ выздоровленіемъ.

Наступила осень, и нашъ аулъ началъ собираться въ походъ, для пріисканія зимняго кочевья. Арсаланъ-Сулпанъ разослалъ вѣспниковъ въ ближніе, дружественные аулы, съ извѣстіемъ о перемѣнѣ жилища и о направленіи, которое онъ намѣренъ взять въ степи. По возвращеніи посланныхъ, всѣ вещи уложили въ разныя кипы, собрали юрты, нагрузили тяжесты на верблюдовъ и на заводныхъ лошадей, и по данному знаку поспроились въ походный порядокъ. Каждое семейство составляло осо-

обе отдѣленіе. Дѣти, спарухи, молодые дѣвицы, спарцы и больные сѣли на верблюдовъ, а всѣ мужчины, способные носить оружіе, и всѣ молодые женщины — на коней, въ лучшемъ своемъ плащѣ, какъ въ торжественное празднество. На концахъ и по сторонамъ каравана, находились толпы наѣздниковъ, вооруженныя пиками, луками, саблями, а нѣкошорыя шамхалами (*). Спада охраняемы были особымъ опрядомъ, въ виду каравана. Когда все было готово къ выступленію въ походъ, Арсаланъ-Султанъ велѣлъ Баксѣ начать гаданіе объ успѣхѣ предпріятія. Бакса выступилъ впередъ, вынулъ изъ-за пояса ножъ, провелъ вокругъ себя черту по песку, и пошомъ, приспавивъ себѣ ножъ къ горлу, началъ громко пѣть. Пѣніе его сопровождалось ужасными кривляньями и скачками, копорые скоро привели его въ истощеніе силъ. Онъ упалъ за-мертво, едва переводя дыханіе, и казалось, что заснулъ. Цѣлый аулъ

(*) Длинное ружье безъ замка. Спрѣляютъ изъ него каршечью, посредствомъ фишиля.

смопрѣлъ въ молчаніи и съ благоговѣніемъ на сіе мнимое чародѣйство. Чрезъ четверть часа, Бакса началъ двигаться, и какъ будто во снѣ бредишь. Арсаланъ-Сулпанъ и другіе старшины внимательно прислушивались къ его словамъ, и заключили изъ оныхъ, что путь нашъ будетъ благополученъ. Изнеможенного Баксу посадили на верблюда, и по данному знаку двинулись впередъ.

Я находился возлѣ Арсаланъ-Сулпана, на лихомъ конѣ, и одѣтъ былъ по-Киргизски. По особенной ко мнѣ милости и по просьбѣ женъ своихъ, онъ сдѣлалъ меня своимъ оруженосцемъ, или, лучше сказать, военнымъ прислужникомъ. Обязанность моя состояла въ томъ, чтобы держа въ лошадь, когда Арсаланъ-Сулпанъ слѣзалъ съ нея, подавалъ ему кумысъ (*), накладывалъ шрубку, чистилъ оружіе, прислуживалъ за обѣдомъ, и забавлялъ рассказами и пѣснями. Во время перваго перехода, Арсаланъ, опѣдалившись

(*) Крѣпкій напишокъ изъ кобыльаго молока, приведеннаго въ броженіе.

нѣсколько опѣ своихъ, и подозвавъ меня къ себѣ, сказалъ: «Ты присмотрѣлся къ нашей жизни, Иванъ, и надѣюсь, что не захочешь промѣнявъ нашихъ спесей на ваши душевные города, гдѣ люди собираются, чѣмъ обманываешь другъ друга и выдумываешь нужды, копорыя дѣлають ихъ рабами всѣхъ возможныхъ глупостей, и заспавляють ползати и пресмыкаться предъ всякимъ, кто можетъ возвыситься ихъ въ глазахъ глупцевъ, и надѣлать богатствомъ, копорому они не знаютъ ни цѣны, ни мѣры? Чѣмъ нужно человѣку? — чѣмъ онъ быть сытъ, одѣтъ и спокоенъ. Все это ты найдешь у насъ. Безъ труда и заботъ, мы имѣемъ пищу и одежду опѣ спадъ нашихъ. Не мучимъ себя безпокойствомъ о будущемъ, и всегда готовы силою опразить враждебнаго или хищнаго сосѣда, предпочишая оружіе хитроспямъ, лжи и обманамъ, копорыми воюють между собою ваши городскіе жилища. Вы оцѣняете красоту вашихъ городовъ широкою улицъ, обширностью, величиною зданій. Наша

мечешъ — открытое небо, а городъ — необозримая степь, гдѣ никому не пѣсно, и гдѣ ни спѣна, ни заборъ не удерживаешъ воли. Я былъ въ Москвѣ и въ Петербургѣ, видѣлъ всѣ ваши чудеса, и удивлялся, смотря на умныхъ людей, занимающихся игрушками, побрякушками, и жертвующихъ здоровьемъ и спокойствіемъ для того единственно, чѣмъ бышь всегда закупорену въ блестящей клѣпкѣ въ дорогѣ и на мѣстѣ, и чѣмъ набиваешь желудокъ пахучими оправами. Я полюбилъ тебя, Иванъ, и хочу сдѣлать изъ тебя удалаго наѣздника, научу владѣть конемъ и оружіемъ. Если жъ тебѣ понравится какая нибудь Киргизская дѣвица, я буду твоимъ свашомъ, и самъ постараюсь устроишь новое твое хозяйство.» Я поблагодарилъ его за расположеніе ко мнѣ, и примолвилъ: — «Въ моемъ положеніи мнѣ нельзя выбирать доли своей, и во всякомъ случаѣ, я лучше хочу быть воиномъ, нежели слугою.» Послѣ этого Арсаланъ-Султанъ велѣлъ своимъ наѣзникамъ показывать мнѣ ихъ искусство. Онъ бросалъ мел-

кія Русскія деньги на землю, и его удалцы подбирали ихъ на всемъ конскомъ скаку; вскакивали ногами на сѣдло, спановились на немъ головою, ловили пиками на лешу бросаемые вверхъ камни, обернутые сухою правой, скрывали другъ у друга шапки, и боролись на лошадяхъ. Ловкость и искусство Киргизовъ въ управленіи конемъ и во всѣхъ воинскихъ упражненіяхъ восхищали меня, и я спалъ самъ просишь Арсаланъ-Сулпана, чшобъ онъ скорѣе научилъ меня наѣздничьему ремеслу. «Сознайся, Иванъ,» сказалъ онъ мнѣ: «чшо эша пошѣха мужчинѣ гораздо приличнѣе, нежели ваше печальное передвиганіе ногъ подѣ музыку, прыжки и повороты, копорыми щеголюють ваши юноши на такъ называемыхъ балахъ. Я видѣлъ ваши забавы, и дремалъ на нихъ со скуки. Я примѣшилъ, братель, чшо ты сперва неохотно согласился сдѣлаться Киргизскимъ воиномъ; но я увѣренъ, чшо со временемъ, когда у тебя вывѣприпсѣ изъ головы городской чадъ — ты самъ съ нами не разспанешься.»

Между тѣмъ мы прибыли на ночлегъ. Прежде нежели какой нибудь лѣнивый ку-черъ успѣлъ бы выпрячь лошадей изъ по-возки, уже наши верблюды были развьюче-ны, юрты раскинуты, бурьянъ съ кустар-никами пылалъ и согрѣвалъ наши кошлы. Женщины занялись приготоовленіемъ пищи, и доеніемъ коровъ и кобылицъ; мужчины сославили очередную спражу и разъѣзды. При огняхъ раздавались веселыя пѣсни и звуки кобыза и чибызги (*). Небо было ясно и усѣяно звѣздами, воздухъ благораспоренъ. Арсаланъ, въ ожиданіи ужина, сидѣлъ на сѣдлѣ передъ своею юртой, и подзвалъ меня къ себѣ. «Иванъ,» сказалъ онъ: «ты говоришь на многихъ языкахъ, и пошому ты лучше меня знаешь, какъ надобно имъ учиться. Но какъ у насъ нѣтъ ни книгъ, ни школъ, ни учителей, то я долженъ посовѣтовать тебѣ, какъ скорѣе научишься по-Киргизски. Спраши-вай названіе каждой вещи, и болтай смѣло, что умѣешь, не смущаясь насмѣшками.

(*) Дудка изъ дерева, или изъ камыша, около аршина длины.

Нужда научишь скорѣе, чѣмъ учишель за деньги. Чшобъ скорѣе выучишься языку, я совѣшую тебѣ влюбишься: это самое лучшее и успѣшное средство. Мнѣ также любовь пособила выучишься по-Русски. Я тебѣ когда нибудь расскажу это. Но знай, чшобъ бышь удалымъ наѣздникомъ, недовольно умѣшь владѣшь конемъ и оружіемъ, и знаешь языкъ нашего народа: надобно также умѣшь чишать на небѣ, какъ по книгѣ, Я самъ хочу учить тебя этому искусству.» При сихъ словахъ, я прервалъ рѣчь Арсала, и сказалъ ему: «Какъ! неужели ты хочешь изъ меня сдѣлать Баксу, гадашеля?» Арсаланъ улыбнулся. — «Я сполько же вѣрю гаданіямъ Баксы, сколько и ты,» сказалъ онъ: «не въ шомъ дѣло. Живя въ степяхъ, гдѣ, по счастью, люди не приросли къ одному мѣсту какъ деревья, мы должны знать примѣты, по копорымъ можно было бы направлять путь днемъ и ночью. Днемъ, служащъ намъ указашелями курганы, насыпныя могилы умершихъ нашихъ братьей, кустарники, озера, рѣки, возвышенія

и даже цвѣпъ спешн. Ночью же — небо. Видишь ли ты эту свѣплую звѣзду? Эпо *Темиръ-казыкъ* (жельзный колъ) (*). Она всегда видима на помъ мѣспъ, опкуда приходишь къ намъ зима и холодные вѣпры. Тупъ опочиваетъ солнце. На право опъ Темиръ - казыка солнце восходишь, напрошивъ спановишся въ полдень, а на лѣво заходишь. Эпа звѣзда служишь намъ вмѣсто того ящика съ спрѣлкою, копорой вы называете компасомъ. Вошь *Чубанъ-джулдусъ* (паспушья звѣзда) (**), копорая означаетъ время, когда пригоняшь спада съ поля въ аулы, и выгоняшь на паспу. Вошь *Аркаръ* (дикій баранъ) (***): эти звѣзды прячущся зимою, а появленіе ихъ весною означаетъ появленіе новой правы. Но я не хочу упруждашь тебя на первый разъ множеспвомъ именъ. Учись знашь небо и землю, чшобъ не имѣшь нужды ни въ чемъ, кромъ своего мужеспва.»

(*) Полярная звѣзда.

(**) Венера.

(***) Плеяды.

Ночь прошла благополучно, и мы съ восхожденіемъ солнца снялись съ кочевья, и пустились въ путь.

Прошедъ, одинакимъ порядкамъ, около десяти дней, мы оспановились у подножья горы, заслоняющей степь отъ сѣвера, и расположились кочевать по близости ручья. Какъ спарики, по разнымъ примѣшамъ, предсказывали жестокую зиму, то мы заранее спали разбиваясь двойныя войлочные юрты, приготавливая множество дровъ, камыша и сухаго бурьяна. Изъ жизненныхъ припасовъ мы болѣе всего заготовили сушеного мяса, и пивья изъ заквашенной ржаной муки, похожаго на барду въ винокурняхъ.

Между тѣмъ, по приказанію Арсаланъ-Султана, меня ежедневно учили воинскому дѣлу и конной ѣздѣ. Начали тѣмъ, что привязавъ къ сѣдлу бѣшеной лошади, пустили въ степь, чтобы выгнать изъ меня, какъ они говорили, городскую трусость. Мнѣ не давали иначе мяса, какъ положивъ его на землѣ; и я долженъ былъ доспавать свой

обѣдъ, поднимая оный съ лошади, сперва шагомъ, потомъ рысью, а наконецъ во всю конскую прыть. Печенныя на угольяхъ лепешки изъ муки, величайшее лакомство, я долженъ былъ добывать копьемъ на всемъ скаку, и мнѣ до тѣхъ поръ не давали опивдывать дичи, пока я самъ не спалъ догоняя на конѣ саегъ, и бия ихъ нагайкою. На лошадь мнѣ не позволяли иначе садиться, какъ вскакивая на нее съ размаху. Такимъ образомъ, до наступленія морозовъ, я сдѣлался удалымъ наѣздникомъ, слѣдуя одному правилу: нужда камень долбитъ.

ГЛАВА II.

РАСКАЗЪ АРСАЛАНЪ-СУЛТАНА О ПРЕБЫВАНІИ ЕГО ВЪ РОССІИ.

Выпалъ снѣгъ, и Киргизы большую часть времени проводили въ своихъ юртахъ, сидя вокругъ огня, и слушая расказиковъ. Та-

буны наши и спадà находились безпрестанно въ опкрышомъ полѣ, и пипались подсиѣжною шравой. Кромѣ перегонки скопастъ мѣспа на мѣспо, спереженія его и пригоповленія пищи, болѣе мясной въ зимнее время, намъ не было никакой работы. Киргизы, въ бездѣйствіи, живутъ воображеніемъ. Сказки ихъ наполнены чудесносшью и волшебспвомъ, и всегда имѣютъ предметомъ какого нибудь наѣздника, который, спранспвуя въ степи, сражается съ ширанами и припѣснипелами прекраснаго пола, съ волшебниками, похищаетъ красавицъ, разбиваетъ богатые караваны, и наконецъ возвращается въ свой аулъ, и отдышаетъ на лаврахъ. Любовь всегда служитъ завязкою сихъ рассказовъ; пѣсни ихъ также дышатъ нѣжною спраспю и геройспвомъ. Понимая довольно Киргизскій языкъ, чшобъ чувспвоватъ всю единообразносшь сихъ сказокъ, я вскорѣ соскучилъ ими, и однажды вечеромъ просилъ Арсаланъ - Сулпана, рассказатъ мнѣ свои испинныя приключенія. Онъ исполнилъ свое прежнее обѣщаніе.

Въ семь рассказъ одиѣ мысли принадлежапѣ Арсаланъ-Султану, пошому чшо, по прошествіи долгаго времени, я не могъ удержапѣ оригинальности Киргизскаго слога. Арсаланъ говорилъ по-Русски съ нѣкоторыми малыми ошибками — такъ какъ наши знапные господа и дамы, получившіе опѣ колыбели иноземное воспитаніе. Онъ рассказалъ мнѣ слѣдующее:

«Такъ суждено, чшобѣ человекѣ, одаренный умомъ и душею безсмертною, превосходилъ въ злости и жестокости всѣхъ безмысленныхъ пварей, и, не довольствуясь перзаніемъ и пожираніемъ другихъ живопныхъ, безпрестанно спремился къ испребленію своихъ собратій. Ты видишь, Иванъ, чшо мы въ нашемъ аулѣ живемъ дружно и согласно, какъ родные брапья, но не думай, чшобѣ эшо дружество и эша любовь проспирались на весь нашъ родъ. Нѣпѣ! каждое племя, каждая орда враждуютъ между собою; обида, причиненная въ другомъ аулѣ или въ другой ордѣ одному Киргизу, должна быпѣ опмщена цѣлымъ

его ауломъ или ордою. Эта общая мещь, или *баранта*, хощя простой только обычай, но сильнѣе всякаго закона, ибо люди обыкновенно болѣе повинуются внушенію злыхъ своихъ качествъ и личныхъ выгодъ, нежели правиламъ мудрости. Опець мой, хощя былъ любимцемъ Хана и даже родственникомъ его, но Ханы наши безсильны, и опець мой не могъ покровительствомъ защищиться отъ мщенія сильнаго Сулпана, начальствоваващаго Чизлыкскимъ и Дершъ - Карикскимъ племенами, самыми злѣйшими врагами Россіи. Предлогомъ сей распри были полученные подарки моимъ опцемъ отъ Россійскаго Двора, но въ самомъ дѣлѣ вражда происходила за предпочтеніе, оказанное моею матерью опцу моему, при сватовствѣ обоихъ соперниковъ. Частые набѣги и оскорбленія, причиняемыя врагами ауламъ, подвѣдомственнымъ моему опцу, принудили его откочевать изъ внутренности степи къ Россійскимъ предѣламъ, и просить помощи въ порохъ и оружіи у Русскихъ. Въ доказательство вѣр-

носпи и преданности своей къ Россіи, опецъ мой опдалъ меня съ нѣсколькими молодыми людьми въ заложники, желая припомъ, чпобъ я увидѣлъ свѣтъ, присмотрѣлся къ порядку въ спранъ просвѣщенной, и былъ со временемъ полезенъ соопщичамъ моими познаніями.

«Я былъ тогда въ пвоихъ лѣпахъ, Иванъ; насъ опослали въ Москву, гдѣ намъ дали приспава, то есть, казеннаго чиновника, который обязанъ былъ пещись о нашемъ содержаніи на счепъ казны, сопровождашь меня повсюду, показываешь все любопытное, и наблюдаешь за нашимъ поведеніемъ. Эпопъ чиновникъ, живя долго на Оренбургской Линіи, зналъ нѣсколько нашъ языкъ. Изъ Москвы насъ опослали въ Пешербургъ, гдѣ опъ казны дали намъ переводчика изъ Тапаръ, и учителя Русскаго языка.

«Признаюсь тебѣ, чпо блескъ роскоши и богатства, и видъ общаго довольства, сначала сильно подѣйствовали на меня, и возбудили охоту или оспалъся навсегда

въ городъ, или завестъ у себя городъ, и
такой же во всемъ порядокъ. Любопыш-
ство мое не могло насыпиться: я хоплъ
все видъшь, все знашь, и плакалъ съ доса-
ды, когда не успигалъ видѣннаго или не
понималъ слышаннаго. И м п е р а т р и ц ѣ
Е к а т е р и н ѣ В т о р о й угодно было ви-
дѣшь меня. Меня одѣли великолѣпно, и по-
везли во дворецъ въ карешъ, запряженной
въ шестъ лошадей цугомъ. Съ гордоспью
поглядывалъ я на народъ изъ оконъ карешы,
и думалъ, что цѣлая сполнца занимается
мною, пошому, что всѣ оспанавливались и
съ любопышствомъ смотрѣли на меня.
Проѣзжая чрезъ одну улицу, мы должны
были оспановиться опъ множества спѣ-
снившаго народа, который обспупилъ нашу
карешу, и спалъ спрашивашъ обо мнѣ
Приспава. Вдругъ заиграла музыка, и по-
казались обезьяны въ распворенномъ окнѣ
ближняго дома. Народъ, не выслушавъ ра-
сказа Приспава, побѣжалъ къ обезьянамъ,
и мы спокойно поѣхали впередъ. Это былъ
первый ударъ моему самолюбию, и я весьма

дурно заключилъ о народѣ, предпочитаю-
щемъ обезьянъ Сулпанскому сыну. Я по-
гда не поспигалъ, что поспоянное вниманіе
каждаго народа такъ же трудно удержашъ,
какъ поспоянство въпра, и что народъ
объ шомъ только всегда помнишь, чего
боялся.

Государыня приняла меня весьма мило-
спиво: обласкала, обдарила и оспустила
домой, поручивъ вельможамъ Своего Двора
имѣть попеченіе обо мнѣ, и ввести въ об-
щество, чшобъ я могъ лучше судить о
выгодахъ просвѣщенія.

По слову Государыни, я вошелъ въ
моду, какъ новая прическа или новый по-
крой плащя. Не было въ городѣ бала,
большаго обѣда, званаго вечера, гдѣ бъ не
было *Киргизскаго красавца*. Такъ прозвали
меня знашныя женщины, ошъ того, что
при Дворѣ сказано было: «Эшопъ Князекъ
не такъ дурень собою, какъ описываютъ
вообще Киргизовъ.»

Знашныя господа и дамы упѣшались
моею простотою, а я упѣшался ихъ болп-

ливостью и легкомыслиемъ, съ копорымъ они принимали большія вещи за малыя, а малыя за большія. Однажды я заспалъ одно доброе семейство въ слезахъ и горѣ: всѣ плакали, отъ отца до груднаго младенца. «Что съ вами случилось?» спросилъ я хозяйку. — «Ахъ, любезный Князь, вы знали нашего дядюшку.» — «Что же съ нимъ случилось? Не умеръ ли онъ?» — «О, если бъ онъ умеръ, то это была бы только половина бѣды, потому, что онъ уже начиналъ распроивать свое имѣнье, копорое дѣти мои должны получить въ наслѣдство; но онъ... ахъ!.. онъ впалъ въ немилость у своего сильнаго покровителя!» — «За что же такая внезапная немилость?» — «За нескромность, за лычокъ. Покровитель дяди гордился и хвасталъ тѣмъ, что онъ выдумалъ новый соусъ къ рыбѣ, а мой дядя рассказалъ подъ секретомъ пріятелямъ, что это его собственное сочиненіе, и вотъ — прощай дружба и покровительство!» Я не могъ удержаться отъ смѣха, и это смѣхъ приписанъ былъ моему невѣжеству

и дикоспи. — Въ другой разъ я нашелъ въ опчаяніи моего пріятеля, молодого, образованнаго человека. Онъ хотѣлъ заспрѣ-
лишься, хотѣлъ бѣжать къ намъ, въ Кир-
гизскую степь, чѣмъ скрыться отъ свѣ-
та. «Какое несчастіе поразило васъ, по-
чтенный другъ?» спросилъ я его съ участіемъ
и горестью. — «Любезный Князь — я про-
клялъ отцемъ!» Я ужаснулся. — «Какъ! про-
кляты отцемъ! Неужели вы впали въ пре-
ступленіе, оскорбили родителей?» — «Я не
пошелъ ему въ висѣть въ боспонтъ!» — «Какъ!
и за это онъ васъ проклялъ!» — «Проклялъ
и лишилъ своихъ милостей!» Я принялся
смѣяться отъ чистаго сердца. — «Утѣшь-
тесь, почтенный другъ,» сказалъ я: «такое
проклятіе не дойдетъ до небесъ, и осѣ-
нется подъ каршочнымъ споликомъ, пока
какой нибудь забавникъ не подберетъ его,
чѣмъ посмѣиши добрыхъ людей, на счетъ
сумасброднаго папеньки.» — «Здѣсь дѣло не
о небесахъ, но о землѣ,» возразилъ пріятель:
«слѣдствія этого проклятія — лишеніе
меня денежнаго пособія. Отецъ мой радъ

теперь, что нашелъ случай отказать мнѣ въ деньгахъ.» — «Для чего же вашъ папенька такъ бережеть деньги? — «Для того, что кормишь и поишь толпу случайныхъ людей, копорые смѣются за глаза надъ его спрашью; хваспають своими опборными винами и кушаньемъ, какъ будто это было слѣдствіемъ ума, добродѣтелей, заслугъ, и соспавляло доспоинство челоѡка.» — «Воля ваша, а вы мнѣ кажешесь смѣшны съ своими безполковыми обычаями,» сказалъ я пріятелю. — «Кому смѣхъ, а кому горе,» отвѣчалъ онъ.

«Всего спраниѣ казалась мнѣ оцѣнка людей, принимаемыхъ въ большія общества. Тамъ не справлялись никогда ни объ умѣ, ни о душевныхъ качествахъ, ни о поведеніи челоѡка. Первый вопросъ: сколько за нимъ душъ? второй — какой чинъ? третий — въ какомъ онъ родствѣ? четвертый — въ какихъ связяхъ? Если на всѣ эти пункты отвѣты удовлетворяли ожиданіямъ, или если хотя одинъ пунктъ былъ споль силенъ, что заглушалъ остальные,

погда, будь плушъ, обманщикъ, грабитель, припѣснитель — двери во всѣхъ домахъ для него открыты, вездѣ гошова улыбка при встрѣчѣ, и новое приглашеніе при опускѣ. А деньги? . . . О! за деньги неопесанный мужикъ, копорый за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ продавалъ водку лакеямъ и кучерамъ, разбогатѣвъ обманами, принимаясь въ домъ ихъ господъ лучше, нежели бѣдный воинъ, неимѣющій другаго покровительсва, кромѣ своей заслуги. А обѣды! . . . Ваши обѣды сводили меня съ ума! Подобно собакамъ, копорыя ласкаются къ шому, кшо ихъ кормишъ, ваши просвѣщенные люди, изъ лакомага блюда или бушылки вина, копорыя они впрочемъ могушъ имѣшъ дома, полпяпся въ домъ ко всякому пролазу, ко всякому грабителю, и не только прощаюшъ ему его безсовѣстность, но даже защищаюшъ опъ правосудіа. Кспати о правосудіи. Въ вашихъ судахъ, одни — играюшъ въ жмурки, и на угадъ ловяшъ праваго или виноватаго; а другіе — продаюшъ правосудіе на вѣсь, какъ лекаршво въ аптекахъ,

по рецептамъ секретарей и подъячихъ. Однимъ словомъ, я удостоверился, что ваше просвѣщеніе состоишь въ искусствѣ говорить и писать о томъ, что полезно для другихъ, а дѣлать то, что полезно для себя. Слова и дѣла находясь у васъ въ такой противоположности, что если кто скажетъ о себѣ: я честенъ, это значить, что онъ плутъ; кто говоритъ: я богатъ — означаетъ, что онъ бѣденъ, т. е. въ долгу; а кто сознается самъ и кричитъ вездѣ, что онъ бѣденъ, это значить, что онъ богатъ, но хочетъ быть еще богаче. Кто кричитъ объ общей пользѣ, это знакъ, что онъ ищетъ своихъ собственныхъ выгодъ, а кто проповѣдуетъ вольность, это значить, что онъ хочетъ угнетать другихъ. Присмотрѣвшись ко всѣмъ этимъ превращеніямъ въ печеніе чешырей лѣтъ, и, взвѣсивъ ваше просвѣщеніе и выгоды городской жизни съ нашимъ невѣжествомъ и кочеваніемъ, я почувствовалъ сильное желаніе возвратиться въ степи, и забыть обо всемъ, видѣнномъ и слышанномъ,

какъ о сновидѣніи. Я вознамѣрился уже просить о позволеніи, какъ вдругъ одно обстоятельство удержало меня: — любовь!

«По существующему въ Россіи обычаю, для насъ, дикихъ Азіяпцевъ, нанимали квартиру въ отдаленной части города, для того, чтобы мы свободнѣе могли отправлять свое богослуженіе, и приготовлять пищу по нашему обычаю, не обращая на себя вниманія любопытныхъ. Однажды, прохаживаясь пѣшкомъ по глухой улицѣ, я услышалъ въ одной лачугѣ рыданія и жалостные вопли женщины. По невольному движенію, я вбѣжалъ въ домъ. Горестное зрѣлище поразило меня. Прекрасная, какъ ангелъ, дѣвица держала въ своихъ объятіяхъ спарую женщину въ обморокъ, и плакала въ отчаяніи, не зная, какъ пособить ей. Я, не говоря ни слова, выбѣжалъ въ сѣни, нашелъ ведро съ водою, возвратился въ комнату съ полнымъ ковшемъ, sprysнулъ лице больной, спалъ ей перешъ виски и жилы на рукахъ, и наконецъ привелъ въ чувство, перенесъ на кровать и просилъ позволенія у краса-

вицы побѣжашъ топчасъ за докторомъ. Казалось, что дѣвица сначала не примѣчала меня, будучи занята недугомъ своей матери, но наконецъ она обратила на меня свои прекрасные голубые глаза, въ копорыхъ блеснѣли еще слезы, и, покраснѣвъ, поблагодарила тихимъ голосомъ. Мой Киргизскій нарядъ приводилъ красавицу въ недоумѣнье: она украдкой осматривала меня съ ногъ до головы, и не знала, что сказать. «Не пугайтесь меня, сударыня,» сказалъ я: «я Киргизъ, уроженецъ дикихъ степей; но и у Киргизовъ есть также сердце, и они знаютъ, что такое есть состраданіе къ несчастію ближняго. Будьте опкровенны со мною, какъ съ человекомъ, копорый почитаетъ за богатую добычу всякій случай быть полезнымъ спраждающимъ и несчастнымъ. Я вижу, что вы въ нуждѣ: это обнаруживаетъ ваше жилище. Одолжите меня, и примите отъ меня пособіе для больной вашей матери.» Не дожидаясь отвѣта красавицы, я бросилъ на споль горсть червонцевъ, и поспѣшно удалился. Дѣвица хо-

пѣла удержашь меня за руку, умоляла взять назадъ деньги; но я, не слушая, силою вырвался и побѣжалъ опрометью домой.

«Я видѣлъ много Русскихъ красавицъ, и никогда онѣ не производили во мнѣ сильнаго впечатлѣнія. Но образъ этой бѣдной дѣвушки врѣзался въ моему сердцу и памяти. Она днемъ и ночью предспавлялась моему воображенію, и я мучился болѣе недѣли, не зная, что дѣлать съ собою, и не смѣя возвращишься къ ней въ домъ, опасаясь, чтобы она мнѣ не ошдала обратно денегъ, и тѣмъ не лишила себя пособія. Напрасно я силился забыть красавицу: она поселилась во мнѣ, какъ жизнь, какъ душа, и моя Азіяпская кровь кипѣла, какъ будто въ сердцу моемъ пылало пламя. Ни развлеченія большаго общества, ни чпснѣ, которое я чрезвычайно любилъ, ни уединеніе, не могли меня успокоить. Наконецъ, я рѣшился увидѣть снова красавицу.

«Я пошелъ къ ней вечеромъ. Какая-то непосшижимая робость удержала меня при входѣ; я оспановился подъ окномъ, запертымъ спавнями, и услышалъ споръ въ

комнатъ, и неизвѣстные мнѣ голоса. «Спыдишесь, сударь, спыдишесь!» сказала женщина: «какъ вы смѣете предлагать мнѣ безчестіе, въ обмѣнъ за ваше покровительство, кошерымъ я гнушаюсь. Посмотрите на дочь мою: она не можетъ произнести слова ошъ избышка негодованія, не хочетъ осквернить себя укоризнами. Мы, бѣдныя, беззащитныя сироты, и ошъ того вы такъ дерзки; но если бѣ мужъ мой былъ живъ, то, не взирая на ваше богатство и знатность, онъ бы умѣлъ заставить васъ образумиться.» — «Полно, полно, матушка, не гнѣвайшесь,» возразилъ охрипый голосъ: «гораздо лучше отдать дочь мнѣ на воспитаніе, нежели замужъ за какого нибудь подъячаго или унтеръ-офицера. А ты, красавица, не дичись, подойди, позволь поцѣловать себя въ эти розовыя щечки!» — «Оспавьте меня въ покоѣ!» закричала красавица, и я услышалъ спукъ опрокинутого стола. Мысль объ оскорбленіи невинности, воспламенила меня гнѣвомъ; какъ бѣшеный вбѣжалъ я въ комнату, и

увидѣлъ, что дряхлый спаричишка, одѣтый щеголемъ, шащипъ къ себѣ за руки красавицу, и хочеть насильно поцѣловать ее. Я схватилъ его поперегъ, вынесъ какъ кулъ соломы на дворъ, и бросилъ съ размаху въ грязь. Два лакея, споявшіе за угломъ домика, прибѣжали на крикъ своего господина, и кинулись на меня. Но опчаянье и жажда месши удвоили мои силы. Я схватилъ въ каждую руку по полѣну дровъ, напалъ на моихъ прошивниковъ, и выгналъ ихъ за вороша. Спарый волокиша побѣжалъ къ карешѣ, копорая спояла на углу улицы, и звалъ къ себѣ своихъ служителей. Вскорѣ я услышалъ, что кареша поѣхала по улицѣ во всю конскую прышь; заперъ калитку, и возвратился въ комнату.

«Слезы благодарности были моею наградой. Мать благодарила меня за оказанную милость и покровительство; дочь молчала, но ея молчаніе было гораздо краснорѣчивѣе словъ спарухи. Спарушка рассказала мнѣ свою исторію. Мужъ ея служилъ Коммисаромъ во флотѣ, и былъ честный человекъ.

Послѣ своей смерти, онъ не оставилъ имъ другаго наслѣдства, кромѣ права на получение небольшой суммы изъ казны, за призы, сдѣланные экипажемъ корабля, на которомъ онъ служилъ. Преемникъ его представилъ на покойнаго какіе-то начешы, въ оправданіе пословицы, что умершіе и опсупіспвующіе всегда виноваты. Дѣло находилось въ то время у эшого сладоспраспнаго спаричишки, копорый, увидѣвъ Софію, предложилъ ей безчестіемъ купишь выгодный приговоръ по дѣлу, и покровительство на будущее время. Разумѣется, что ему опказали съ гордостью, приличною благороднымъ душамъ; но спаричишка не оставилъ своихъ преслѣдованій, и даже спалъ спрацашъ несчастную мать, что ее посадятъ въ псѣрьму, за ушрашу казенныхъ вещей, если дочь не переспанетъ упрямиться. Когда я нашелъ мать въ обморокъ, тогда она получила это извѣстіе. Мать и дочь жили шрудами рукъ своихъ, вышивая для модныхъ магазиновъ; но гнусный спаричишка, чпобъ довести несчастную

жертву до крайности, лишилъ бѣдную семью и этого средства, плаща въ магазинахъ за то только, чѣмъ ничего не покупали у Софіи, и не заказывали никакой работы. Нищета, одно изъ величайшихъ несчастій, среди всеобщей роскоши просвѣщенныхъ народовъ, вскорѣ посѣтила добродѣтельное семейство, и если бѣ я не явился къ нимъ къшапи, то Софья нанялась бы полошъ въ огородъ, чѣмъ прокормишъ больную и слабую свою мать; ибо, кромѣ послѣдней пары плаща, все уже было продано. Я никогда въ жизни моей не проливалъ слезъ, и въ первый разъ заплакалъ при рассказѣ старушки объ ея бѣдствіяхъ. «Позвольте мнѣ вмѣшаться въ это дѣло,» сказалъ я: «если я не найду правосудія между знающими, то найду его выше.» — «Оставьте это, добрый Князь,» возразила старушка: «пока солнышко взойдетъ, роса глаза выѣсшъ. Мы намѣрены отказатьсь отъ иска, и удалишъ въ дальній городъ, къ нашимъ роднымъ. Если вы имѣете знакомыхъ, то попросите только, чѣмъ это»

господи́нъ, кошораго вы здѣсь видѣли, насъ не преслѣдовалъ. Онъ называется Фирюлькинъ, и имѣетъ чинъ Генеральскій. Но, пожалуйше, не являйшесь къ нему, попому, что онъ можетъ опмспитъ вамъ, за вашу вспыльчивость. Между тѣмъ, возьмите обратно свои деньги: мы не можемъ принявъ въ подарокъ такой большой суммы.» — «Деньги вы мнѣ опдадите, когда получите изъ казны, что вамъ слѣдуетъ; что же касается до Г-на Фирюлькина, то не опасайшесь: онъ мнѣ не спрашенъ.» Пробывъ нѣсколько времени съ этими несчастными, я возвратился, болѣе влюбленный въ Софію, нежели прежде.

«На другой день поушру, я пошелъ въ присутственное мѣсто, гдѣ засѣдалъ Фирюлькинъ, и дождался его на лѣспницѣ. Онъ ужаснулся, увидѣвъ меня, и вѣрно бы переменился въ лицѣ — если бы могъ. Но у него не было капли крови въ шлѣ. «Что вамъ угодно, любезный Князь?» сказалъ онъ, заикаясь. — «Переговоришь съ вами наединѣ.» — «Очень радъ, только здѣсь не мѣ-

спо. Пожалуйте ко мнѣ въ домъ, завтра по утру, часовъ въ девять. Я приму васъ съ удовольствіемъ.»

«На другой день, я до условеннаго часа былъ уже въ передней Фирюлькина. Лакеи имѣли повелѣніе впустишь меня; но какъ въ залъ было нѣсколько просишелей, а въ кабинетѣ секретарь съ дѣлами, то камердинеръ повелъ меня во внутреннія комнаты, чрезъ уборную Фирюлькина. Проходя мимо, я невольно остановился, чѣмъ разсмотрѣвъ вещи, которыхъ я прежде не видывалъ. — «Что значахъ эти два спеганные мѣшечка съ подвязками?» спросилъ я. — «Это икры моего господина,» отвѣчалъ лакей. — «А это что за черепъ?» — «Это его волосы.» — «А эти кости?» — «Это его зубы.» — «На что же эти краски на щоликѣ, между щечками, пудрою и помадой?» — «Это цвѣтъ лица моего барина.» — «Хорошъ!» сказалъ я съ насмѣшкою: «у него нѣтъ ни плѣта, ни души.» — «Извините,» отвѣчалъ камердинеръ: «у него три тысячи душъ: это важнѣе, нежели одна своя.»

Я понялъ замѣчаніе лукаваго камердинера, и заключилъ изъ этого, что Фирюлькинъ долженъ быть негоднымъ человѣкомъ во всѣхъ отношеніяхъ, когда слуги не имѣютъ къ нему уваженія.

«Меня позвали въ кабинетъ. Фирюлькинъ взялъ меня за руку, и весьма ласково попросилъ садиться. «Забудемъ о прошедшемъ,» сказалъ онъ: «вы поступили со мною весьма невѣжливо, но я прощаю вамъ, потому, что вы не знаете правилъ нашего общежитія. У насъ можно убишь, заспрълишь человѣка, но не должно прикасаться къ нему безоружною рукой. Впрочемъ, вамъ не за что было сердиться на меня. Я такъ же искалъ дичи, какъ и вы, и не зналъ, что эта голубица уже подспрълена вами.» — «Прошу говорить, безъ обиняковъ,» сказалъ я, возвысивъ голосъ. «Я только два раза въ жизни видѣлъ бѣдную дѣвушку, которую вы преслѣдуете, и рѣшился защищать ее изъ одного соспраданія.» — «Соспраданіе въ Киргизской степи!» лукаво сказалъ Фирюлькинъ. — «Его шамъ болѣе, нежели въ

вашихъ позолоченныхъ палахахъ и въ вашихъ судахъ,» отвѣчалъ я съ досадою. «Но какъ бы то ни было, если вы не откажетесь отъ преслѣдованія Софьи, и если не рѣшите дѣла покойнаго ея отца по законамъ, то я клянусь вамъ счастьемъ моей жизни, что самъ упаду къ ногамъ правосудной Государыни, и буду на васъ жаловаться; а между тѣмъ расскажу всѣмъ вельможамъ и придворнымъ о нашей встрѣчѣ у Софьи.» — «Попише, попише, не горячись!» сказалъ Фирюлькинъ: «мнѣ безъ того пріятно одолжить Киргизскаго Князя: я даю вамъ честное слово, что забуду о существованіи вашей Софьи, и завтра же подпишу приговоръ въ пользу ея матери, пошому, что дѣло уже кончено. Условіе — никому ни слова.» — «Вотъ вамъ рука моя!» Фирюлькинъ поцѣловалъ меня, и поспѣшно вывелъ изъ кабинета.

«Я поспѣшилъ къ Софьи съ этою радостною вѣстью, и былъ снова осыпанъ ласками и благодарностью. На другой день приговоръ былъ подписанъ, и чрезъ недѣлю

уплачены деньги. Фирюлькинь не являлся болѣе въ той части города, гдѣ жила Софія. Онъ сдержалъ свое слово: я думаю, въ первый разъ въ жизни.

«Я пересталъ думать о возвращеніи въ степи. Софья любила меня; я былъ счастливъ, и жилъ новою жизнью.

«Мы скрывали любовь нашу отъ матери, потому, что она ни за что бы не согласилась выдать дочь свою за Могометанина. Я не зналъ, на что рѣшиться. Смерть матери дала Софьи полное право располагать собою. Добрая сеструшка, удрученная лѣтами и горестями, умерла съ полгода послѣ нашего знакомства. Софья осталась сиротою, и объявила мнѣ, что она готова слѣдовать за мною не только въ степь, но на край свѣта, въ безлюдныя пустыни.

«Надобно было взять нѣкоторыя предосторожности. Софья поѣхала впередъ въ Оренбургъ, а я, испросивъ позволеніе у Государыни, отправился послѣ. Не зная, позволятъ ли отецъ мой жениться на бѣдной сиротѣ, я оставилъ Софью въ сосѣдствѣ

ауль, у пріятелей, и явился къ опцу одинъ. «Бапюшка!» сказалъ я: «ты испышалъ любовь, и вѣрно не осудишь сына, если онъ выберетъ себѣ жену по желанію сердца, а не по разсчету.» — «Мнѣ бы хопѣлось, чшобъ ты женился на дочери Сулпана, моего благодѣтеля,» сказалъ мнѣ опецъ: «но если ты уже выбралъ себѣ невѣсту, и не хочешь другихъ женъ, — швоя воля. Вѣдь не мнѣ, а тебѣ жить съ швоею женой!» Я рассказалъ ему свое приключеніе, и того же дня Софья была въ его объятіяхъ. Наши старухи сердились, за то, что я женился на иноземкѣ; молодыя дѣвушки негодовали, но храбрые мои наѣзники согласились, что Софія стоишь бышь Киргизкою. Самъ Ханъ хопѣлъ видѣть жену мою, и похвалилъ мой выборъ.» —

Арсаланъ умолкъ и закрылъ руками лице свое. Я видѣлъ его слезы. Наконецъ, онъ сказалъ: «Я десятишь лѣтъ былъ счастливъ съ Софіею. Гаюкъ — плодъ нашей любви. Она умерла! По обычаю нашего народа и по волю Хана, я долженъ былъ же-

нишься; у меня теперь три жены: онъ добрыя женщины, ты знаешь ихъ. Но я любилъ одну Софью, и никогда не утѣшусь въ ея потерю. Иванъ! вѣрь мнѣ, въ степяхъ Киргизскихъ знаютъ любовь и дружбу, хотя не умѣютъ красно объ нихъ рассказывать. Теперь ты знаешь, отъ чего я люблю Русскихъ. Софья соединяетъ меня съ вами. Вотъ отъ чего, вопреки нашему обычаю, я обхожусь съ тобою, моимъ невольникомъ, какъ съ равнымъ. Я былъ счастливъ съ Русскою; Русская кровь течетъ въ жилахъ моего Гаюка, и хотя я въ своемъ опечесствѣ видѣлъ много глупостей, но это принадлежность всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ, какъ я узналъ изъ книгъ, и вы только въ томъ виноваты, что перенимаете чужія глупости. Я нашелъ въ Россіи много добрыхъ людей, достойныхъ жить съ нами, въ этихъ степяхъ — и память ихъ дорога для меня. Теперь, спускай спать, Иванъ! Мнѣ грустно; я сяду на коня, и въ степи развѣю грусть мою. Воспоминаніе прошлыхъ будъ

упившаешь человека, а воспоминаніе минувшихъ, невозвратныхъ радостей наполняетъ сердце горестью. Проспи..... Гей, коня моего!» —

Арсаланъ вскочилъ на своего жеребца, и, при свѣтѣ луны, пустился въ степь, во всю конскую прыть. Мнѣ самому было грустно: я любилъ добраго Сулпана всѣмъ сердцемъ.

Г Л А В А III.

Слѣдствія жестокой зимы въ степи. Навѣтъ. Радостная встреча съ первымъ моимъ благодѣтелемъ.

Мы живемъ въ безпрестанномъ заблужденіи, и не иначе видимъ предметы, какъ въ отраженіи, въ волшебномъ зеркалѣ снѣговъ. Но если человеку извинительно заблужденіе, то это въ такомъ только случаѣ, когда онъ, увлеченный чувствомъ, не

видишь недоспашковъ въ родителехъ своихъ и въ своемъ опечесствѣ. Сколько ни спарался благородный Арсаланъ превозносишь свои спешни; но, ни краснорѣчіе его образованнаго ума, ни пылкость дикаго питомца напуры, не могли заспавить меня позабышь Россію. Зима удвоила мою печаль. Живя въ шѣсной юршѣ, съ Гаюкомъ и нѣсколькими его поварищами, и находя единственное услажденіе въ бесѣдахъ съ Арсаланомъ, я скучалъ въ длинные вечера, и мыслилъ о моемъ опечесствѣ и о моей доброй шепкѣ, кошорая вѣроятно была въ опчаяніи, узнавъ, что я пропалъ безъ вѣспи. Грубая пища, нечиспоша, дымъ въ юрпахъ, и жестпокая спужа въ спешни, гдѣ надлежало дѣлать разѣзды и спорожишь спада, были для меня пыгоспны, и заспавляли сильнѣе чувспивованъ то, чего я лишился. Наконецъ, спужа увеличилась до невѣроятной спепени. Спада наши не могли добывать изъ-подъ снѣга шправы, кошорая припомъ лишилась своей пишапельной силы. Мяшели засыпали скошъ снѣгомъ, и

проницапельные холодные вѣтры спѣсняли дыханіе живошныхъ. Наконецъ появилось бѣдспвіе, ужасное для кочующаго племени: скопскій падежъ.

Тщешно Баксы употребляли свои гада-нія и леченія: спада наши и шабуны безпрестанно уменьшались, и не было средства пресѣчь падежъ. Даже здоровыя живошныя, скишаясь между снѣжными буграми безъ пищи, и не имѣя силъ разгребать глубокой и твердой снѣгъ, падали опъ изнеможенія. Съ симъ вмѣспѣ оказался недостатокъ въ съѣспныхъ припасахъ и въ дровахъ. Уныніе разлилось въ сердцахъ. Вмѣспо веселыхъ пѣсень, слышны были свиспѣ вѣпровъ, и ревъ издыхающихъ живошныхъ. Женщины и дѣши паили свои слезы предъ мужьями и опцами, но притворное равнодушіе не могло скрыть всеобщей печали.

Арсаланъ болѣе всѣхъ оказывалъ мужества. Онъ своимъ примѣромъ поощрялъ къ работѣ. Онъ самъ присушспвовалъ при общихъ трудахъ, и ободрялъ унылыхъ; самъ

добывалъ кормъ для верховыхъ лошадей изъ подъ снѣжныхъ глыбъ; самъ ѣздилъ съ нами за камыщемъ и за вѣшьями молодыхъ деревьевъ; самъ осматривалъ спада, и распредѣлялъ для нихъ новыя пастбища. Опасаясь, чѣмъ падежъ не лишилъ насъ вовсе продовольствія, мы убили большую часть барановъ, и зарыли мясо въ землю, употребляя съ большою бережливостью наши сухіе запасы. По счастію, богатые Киргизы запаслись кирпичнымъ чаемъ (*), который мы пили по нѣскольку разъ въ день, приготавливая его сперва, какъ супъ, съ молокомъ, масломъ и солью, а послѣ, когда не доставало молока и масла, — просто съ солью и бараньимъ жиромъ. Этотъ напитокъ поддерживалъ силы мои. Ржаная мука, которою Арсаланъ-Султанъ запасся въ Орен-

(*) Самый простой и дешевый чай, употребляемый болѣе въ Сибири Монгольскими поколѣніями. Онъ продается въ кускахъ, наподобіе кирпича, и въ пограничныхъ Китайскихъ городахъ служилъ вмѣсто монеты. Количествомъ сихъ кусковъ чаю оцѣниваютъ вещи.

бургъ, служила только для лакомства. Киргизы не употребляютъ хлѣба, но варятъ изъ муки родъ каши, и пекутъ лепешки на угольяхъ. Сарачинское пшено было только у одного Сулпана, и то въ маломъ количествѣ. Пшено берегли для женщинъ и для больныхъ. Хотя мы не чувствовали еще настоящаго голода, но съ лишеніемъ сна, это бѣдствіе угрожало намъ къ веснѣ. Наконецъ прошла зима, снѣгъ растаялъ, земля зазеленѣла, надежда прекратилась, но мы оспались бѣдными. Безъ вѣшняго пособія, голодъ долженъ былъ постигнуть насъ еще до конца весны. Всѣ это предвидѣли, но не знали, на что рѣшиться. Нѣкоторые поговаривали, чтобы вступить въ Русскую службу, на жалованье; другіе хотѣли просить помощи у Хана. Арсаланъ вознамѣрился силою побѣдить несчастіе. Однажды, онъ пригласилъ къ себѣ старшинъ, и когда всѣ усѣлись на полу и закурили трубки, онъ произнесъ слѣдующую рѣчь: «Обязанность моя пещись объ васъ: я дѣлаю, что могу, но при всемъ этомъ

*

я не въ силахъ былъ ни прекрапитъ мороза, ни пресѣчь падежа. Не хочу скрывать передъ вами, что намъ угрожаетъ еще большее несчастіе. Враги наши, узнавъ о нашей слабости и нуждѣ, нападутъ на насъ и испребятъ всѣхъ, или сдѣлаютъ своими рабами. Только опчаянное мужество можетъ спасти насъ. Въ очевидныхъ опасностяхъ лучше предупреждать бѣдствіе соприсиліемъ, нежели малодушно ожидать удара. Я получилъ извѣстіе, что богатый караванъ идетъ чрезъ степи, и что врагъ нашего племени, Сулпанъ Алпынь, провожаетъ караванъ съ лучшими своими наѣздниками. Сядемъ на коней и пойдемъ къ нему на встрѣчу, разобьемъ, возьмемъ караванъ, и однимъ смѣлымъ подвигомъ обезпечимъ себя и отъ врага, и отъ голоду. Вотъ мое намѣреніе. Объявите это удалцамъ моимъ. Кто не боится смерти, и кто желаетъ спасти свой родъ отъ поношенія и бѣды, тотъ пойдетъ со мною. Я не возьму никого, кромѣ охотниковъ.»

Нѣкоторые старшины хотѣли возра-
жасть, но Арсаланъ вспалъ съ своего мѣ-
ста, и сказалъ: «Я никого не принуждаю
идти со мною. Кому не понравится мое на-
мѣреніе, тотъ можетъ остаться въ ау-
лѣ, и послѣ моего отъѣзда полковасть, что
ему угодно. Но теперь я прошу васъ, по-
вторить только въ вашихъ семействахъ
мои слова, безъ всякихъ толковъ; а если
я узнаю, что кто нибудь осмѣлился
посѣвать раздоры, помните, что у
Арсаланъ - Султана есть кинжалъ, ар-
канъ и нагайка. Прощайте! Все вышло
въ безмолвіи, и Арсаланъ велѣлъ мнѣ
остаться.

«Ну, а ты, Иванъ, пойдешь ли со мною,
или останешься съ бабами?» — «Разумѣет-
ся съ побой, въ огонь и въ воду!» восклик-
нулъ я. Арсаланъ сѣлъ на землю, задумался,
и, помолчавъ немного, сказалъ: — «Раздумай
хорошенько, Иванъ; мы идемъ почти на
вѣрную смерть. Въ опчаянномъ положеніи
нашемъ, я не вижу другаго средства къ
избавленію, какъ набѣгъ. Но намъ должно

будешь драться съ храбрыми и сильными прошивниками: ихъ вѣрно вдвое болѣе насъ, и если мы не побѣдимъ, то должны умереть. Я, какъ начальникъ, долженъ подавать собою примѣръ, и скрывать передъ своими опасность. Но съ побою я хочу быть опокровеннымъ. Мнѣ жаль тебя. Даю тебѣ вольность. Возьми моего коня, и спускайся къ своимъ. Зачѣмъ тебѣ разделять горькую мою участь?» Я бросился обнимать добраго Сулпана, и, пропуская до слезъ, опивчалъ: — «Нѣтъ, Арсаланъ-Сулпанъ, я не оставлю тебя въ опасности! Киргизъ не превзойдетъ Русскаго въ великодушіи. Ты спасъ мнѣ жизнь; ты обходился со мною не какъ съ рабомъ, но какъ съ сыномъ, какъ съ другомъ; ты научилъ меня владѣть оружіемъ, — и я былъ бы недостоинъ свободы, если бѣ былъ столько малодушенъ, что бѣжалъ отъ тебя, когда ты идешь на смерть. Я пойду съ побою; буду драться возлѣ тебя; закрывать тебя своимъ щитомъ, и, или погибну вмѣстѣ, или буду съ побой торжествовать побѣду.» Арсаланъ

поцѣловалъ меня, и сквозь слезы сказалъ :
— «Быть такъ!»

На другой день, съ разсвѣтомъ, ешо
отличныхъ наѣзтниковъ были уже во всей
готовности къ походу. Кромѣ того, около
двадцати человекъ находилось при завод-
ныхъ лошадяхъ и нѣсколькихъ верблюдахъ,
навьюченныхъ съспными припасами. Къ
удивленію моему, я не видалъ женскихъ
слезъ и не слыхалъ рыданій при прощаніи
мужей и любовниковъ. Тѣ, которыя не
могли скрыть своей горести, не показы-
вались изъ землянокъ. Другія, въ молчаніи
сложивъ руки, смотрѣли на наши пригото-
вленія къ походу. Эша тихая горестъ и
уныніе сильнѣе дѣйствовали на сердца во-
иновъ, нежели громкія изъясненія печали.
Явился Арсаланъ, въ богатой шубѣ, на ли-
хомъ конѣ. Онъ обратился къ толпѣ жен-
щинъ, спариковъ и воиновъ, остающихся
для защиты аула, и, сказавъ: «прощайте!»
понесся въ галопъ въ степь; наѣзники
послѣдовали за нимъ, прощаясь знаками съ
милыми сердцу.

Опѣхавъ опѣ аула на такое разспо-
яніе, что мы могли видѣть только одинъ
дымъ нашего кочевья, мы остановились,
чтобъ дабы приблизиться къ намъ выюч-
ному скопу, который долженъ былъ нахо-
диться всегда у насъ въ виду. На первый
ночлегъ мы расположились среди степи,
возлѣ кургана; лошадей пустили въ степь;
кругомъ разсѣпали часовыхъ, и, разложивъ
огни, помѣстились вокругъ, на войлокахъ.
На другой день мы направили путь къ рѣ-
кѣ Сырь-Дарьѣ, и продолжали шествіе од-
нимъ порядкомъ, руководствуясь курганами
и теченіемъ солнца, и повѣряя ночью наше
направленіе по положенію звѣздъ на небѣ.
Долго мы шли, не встрѣчая въ степи жи-
вой души, и наконецъ, въ седьмой день, подъ
вечеръ, увидѣли вдали дымъ. Сперва мы
думали, что это аулъ; но посланные впе-
редъ наѣзники уведомили, что это ночлегъ
каравана. Мы остановились, и Арсаланъ
рѣшился ночью развѣдать обо всемъ въ
попоспши и, если бѣ этопо караванъ былъ
попъ самый, который составлялъ пред-

мешъ нашихъ поисковъ, — напасъ упромъ и кончишь дѣло.

Восемь человекъ изъ нашихъ опличныхъ наѣзтниковъ опправились къ каравану съ трехъ сторонъ. Четверо изъ нихъ спѣшились, и подползли камышемъ со стороны небольшого озера, на такое разстояніе, что могли слышать голоса спражи, и видѣть непріятелей въ лице. Мы, между тѣмъ, стояли въ готовности къ бою, и рѣшились напасъ по первой тревогѣ, чтобъ выручить посланныхъ. Но поискъ кончился благополучно. Посланные увѣдомили насъ, что это *нашъ* караванъ, но что прикрытіе многочисленно, и что нападать ночью было бы опасно, потому, что изъ выюковъ съ товарами сдѣланъ родъ укрѣпленія, и спража, вооруженная шамхалами, бдишельно охраняетъ спанъ. Мы опспутили нѣскольکو верспъ въ сторону, и расположились на почлегъ за горою, чтобъ не было видно нашихъ огней. Арсаланъ собралъ своихъ воиновъ въ кружокъ, и сдѣлалъ слѣдующее распоряженіе. Опрядъ нашъ раздѣлился на

при часпи. Самъ онъ съ пятидесятью наѣзdnиками долженъ былъ осмаваться въ пылу. Одному опряду, изъ двадцати пяти человекъ, надлежало сдѣлать ложное нападеніе съ переди каравана, а другому опряду, равной силы, съ фланга. Когда завяжутся дѣло, тогда главному нашему опряду положено было броситься на пылъ каравана, и стараться опрѣзать часть онаго, и защищать добычу, прикрываясь наѣзdnиками двухъ малыхъ опрядовъ, которые должны тогда стараться соединиться съ главнымъ опрядомъ, отступая по обоимъ флангамъ каравана, и заманивая непріятельскихъ наѣзdnиковъ далѣе отъ онаго. Я, съ сыномъ Арсалана, Гаюкомъ, причисленъ былъ къ главному опряду.

До свѣта, два малые наши опряда выступили въ путь, а мы остались за возвышеніями, погасивъ огни, чѣмъ днемъ не видно было дыму. Около полудня слышали мы вдали конскій топотъ и клики погонщиковъ верблюдовъ. Арсаланъ, окупавшись сѣрою попоной, вползъ на гору, чѣмъ

разглядѣвъ караванъ. Когда онъ скрылся изъ виду, мы сѣли на коней, и оправились медленно по слѣдамъ его. Лишь только мы слышали выстрѣлы, тотчасъ на рысяхъ понеслись за караваномъ, и завидѣвъ его, пустились съ крикомъ въ атаку. Непріятель, не занимаясь перестрѣлкою съ двумя нашими опрядами, и презирая ихъ малочисленность, бросился на нихъ съ пиками, и опдался онъ каравана. Мы воспользовались этимъ случаемъ: ударили на оспальныхъ, смяли ихъ, завладѣли бѣльшею частью каравана, загнали всѣхъ верблюдовъ съ вьюками въ одну кучу, и рѣшились защищать свою добычу до послѣдней крайности. Сулпанъ Алшынъ, увидѣвъ нашъ успѣхъ, пересталъ преслѣдовать наши малые опряды, которые, приговорясь, что спасающагося бѣгствомъ, заманивали его далѣе въ степь. Возвратившись къ каравану, Алшынъ съ бѣшенствомъ напалъ на насъ, увидѣвъ въ толпѣ личного своего врага, Арсаланъ-Сулпана. Арсаланъ также не могъ удержаться своего гнѣва, и схвативъ копье,

опдѣлился опѣ своихъ, и бросился на Алпына. Увиваясь на лихомъ конѣ, Арсаланъ попѣснилъ своего противника, и уже готовъ былъ нанести ему ударъ, но въ самую сію мину пу раздался выстрѣлъ; лошадь Арсалана упала со всѣхъ ногъ, и подбила подъ себя всадника. Съ адскою радостью соскочилъ Алпынъ съ коня, и обнаживъ Турецкій япаганъ, бросился на лежащаго Арсалана, чшобъ опрѣзать ему голову. Я находился въ нѣсколькихъ шагахъ опѣ Арсалана, и, видя его опасностъ, выхватилъ изъ за кушака пистолетъ, прицѣлился, выстрѣлилъ — и Алпынъ палъ мертвый возлѣ своего врага, который между тѣмъ успѣлъ выбиться изъ-подъ лошади. Арсаланъ схватилъ япаганъ Алпына, и его же оружіемъ опрѣзалъ ему голову, взопкнулъ ее на пикъ, и прискакалъ къ своимъ. Лишь только наѣзники Алпына увидѣли голову своего начальника на пикѣ, свирѣпое ихъ мужество упихло въ одно мгновеніе, и превратилось въ дѣпскую робостъ. Они опрометью побѣжали назадъ съ жалосными воплями,

оставивъ намъ въ добычу цѣлый караванъ, состоящій изъ ста верблюдовъ, нагруженныхъ драгоценными Азіятскими товарами, многочисленное стадо овецъ, и множество заводныхъ и шабуиныхъ лошадей. Кроме того, намъ досталось въ плѣнъ десять человекъ Бухарскихъ купцовъ, съ пятьюдесятью погонщиками и двадцатью невольниками.

Лишь только пропивники наши ускорили изъ виду, мы тотчасъ двинулись въ походъ, взявъ направленіе къ дружескимъ ауламъ, чѣмъ избѣгнуть погони. Арсаланъ не успѣлъ даже говорить со мной во время этой суматохи; но на походъ, онъ взялъ меня за руку, и, обратясь къ своимъ наѣзникамъ, сказалъ: «Вопъ кому я обязанъ моею жизнью, а вы — побѣдою и добычею! Онъ уже свободенъ, но заслуга его превышаетъ всякую награду.» Товарищи мои окружили меня, и осыпали благодарностью и ласками. Одинъ изъ бывшихъ съ нами поэтовъ, которыхъ множество между Киргизами, тотчасъ сочинилъ пѣсню

мнѣ въ похвалу. Товарищи мои выучили эпю пѣсню, и пѣли хоромъ во время похода.

Мы шли чрезвычайно скоро, и часто перемѣняли направленіе, чѣмъ избѣгнувъ поисковъ. Чрезъ десять дней обратнаго похода, мы возвратились въ свой аулъ, измученные опѣ успалости, но съ торжествомъ побѣды. Весь аулъ выбѣжалъ къ намъ на встрѣчу, и принялъ насъ съ громкими восклицаніями радости. Арсаланъ рассказалъ передъ цѣлымъ собраніемъ о моемъ подвигѣ: восхищенные Киргизы сняли меня съ лошади, и носили на рукахъ вокругъ нашего шана, съ пѣснями и музыкою, импровизируя въ честь мнѣ стихи и пѣсни. Для меня опвели при юрты, и предоставили право выбрать въ жены первыхъ Киргизскихъ красавицъ. Я не воспользовался эпюю особенною милостію; но, признаюсь, такъ былъ доволенъ оказанными мнѣ почестями, что думалъ навсегда остаться между Киргизами.

Чрезъ нѣсколько дней начали дѣлать

добычу. Всѣ шелковые шовары, жемчугъ и другія драгоцѣнности положено было продать въ Россіи, а деньги обратишь на общія нужды аула, исключая нѣкоторыхъ вещей, которыя раздѣлили между семействомъ, такъ же какъ скотъ, лошадей и верблюдовъ. Наличныя деньги и невольниковъ раздѣлили только между наѣздниками, бывшими въ экспедиціи. Бухарскимъ купцамъ предоставили право выкупиться. По общему согласію, мнѣ дали чепыре пая въ добычѣ, и предоставили право выбрать чепырехъ невольниковъ для услугъ. Въ числѣ взявшихъ нами невольниковъ, бѣльшею частью Персіянъ и Афганцевъ, было двое Русскихъ. Разумѣется, что я взялъ ихъ на свою долю, чтобы освободить при первомъ случаѣ.

Въ хлопотахъ быспраго нашего похода, я не имѣлъ случая обращать большаго вниманія на моихъ земляковъ, и даже не имѣлъ времени распросить порядочно объ ихъ сословіи, и узналъ только, что одинъ изъ нихъ дворянинъ, а другой опшавной

солдапъ. Когда же они достались мнѣ, то я помѣстилъ ихъ въ свою палатку, и того же вечера пригласилъ ужинапъ съ собою, чшобъ узнать подробно обо всемъ, до нихъ касающемся. Одинъ изъ нихъ былъ лѣтъ тридцати пяти, видный и даже красивый. Не взирая на длинную бороду и большіе волосы, черты его лица казались мнѣ не чуждыми. Опсшавной солдапъ, человекъ лѣтъ сорока пяти, былъ ловокъ и расщорепень. «Кшо ты таковъ, любезный землякъ?» спросилъ я у перваго. — «Я дворянинъ и опсшавной офицеръ.» — «Какъ ваша фамилія?» — «Миловидинъ» — «Александръ Ивановичъ Миловидинъ!» воскликнулъ я, вскочивъ съ своего мѣста, и сплеснувъ руками. — «Неужели вы меня знаете?» спросилъ онъ въ изумленіи. — «Знаю ли? Я удивляюсь, какъ не узналъ васъ съ перваго взгляда. Но вы постарѣли, перемѣнились, похудѣли, и припомъ же эша борода, эши лахмощья! Александръ Ивановичъ, всмопритесь въ меня. Неужели вы не узнаете вашего сиротки, вашего Ваньки, котораго вы взяли

съ собою изъ дома Гологордовскаго, и оставили у Жида въ Слопимъ?» Миловидинъ бросился мнѣ на шею, воскликнувъ: — «Какъ, эшо ты..... эшо *вѣд?* Какая странная судьба!» Мы плакали отъ радости, и въ молчаніи обнимались. Опсжавной солдатъ стоялъ въ нѣсколькихъ шагахъ, и утиралъ кулакомъ слезы. Наконецъ мы успокоились, и я, выславъ солдата въ другую палашку, остался наединѣ съ Миловидинымъ, чшобъ расказаъ ему свои похождения.

Миловидинъ, выслушавъ мое повѣствованіе, обрадовался, чшо я шакъ воспитанъ и нахожусь въ свѣшѣ въ шакомъ положеніи, чшо могу бытъ его другомъ и поварищемъ. Въ шопъ же вечеръ мы произнесли взаимную кляпву не разсшавашься и дѣлишь все: горе и счастье. Съ эшой минушъ мы согласились говорить другъ другу *тызъ*, и называшься братьями. Какъ уже было поздно, шо мы легли спать, и Миловидинъ обѣщаль мнѣ на другой день расказаъ свои приключенія.

Мы встали до свѣшу, и Миловидинъ

началъ свой расказъ. — Здѣсь я долженъ предупредить моихъ чипапелей, что все помѣщенное мною на счетъ Гологордовскаго и его семейства, все, что сказано о любви, бракѣ и отношеніяхъ Миловидина къ сему семейству, заимствовано мною изъ сего расказа, и помѣщено, для порядка повѣствованія, въ первыхъ Главахъ моего жизнеописанія. Само по себѣ разумѣется, что я былъ такъ малъ и проспѣ въ домъ Гологордовскаго, что не былъ въ состояніи проникнуть всего того, что расказано мною довольно подробно. И такъ, расказъ Миловидина я начну опѣ выѣзда его изъ Слонима въ Москву съ молодою его женой.

ГЛАВА IV.

РАСКАЗЪ Миловидна. Нравственный
автоматъ и его домоправительница.
Семья старой дѣвы. Панорама Мо-
сковскаго общества. Дружескій ка-
дриль. Русская чужеземка. Общество
на теплыхъ водахъ. Взглядъ на
Венецію.

Пріѣхавъ въ Москву, въ намѣреніи уни-
лоспивишь дядю и получишь опъ него по-
мощь, я нѣсколько дней скрывался предъ
знакомыми, и чрезъ одного спараго пріяше-
ля моего опца, спаралей войны въ пере-
говоры съ прежнимъ моимъ благодѣшелемъ.
Дядя опказался даже видѣться со мною.
Всѣ усилія пріяшеля моего опца, чшобъ
помиришь насъ, оспались щещными. Вошъ
причина сего неслыханнаго упорства. Дядя
мой, человекъ холодный, равнодушный ко все-
му, шяжелый и лѣнивый, былъ рабомъ своихъ
привычекъ. Онъ шридцашъ лѣшъ сряду слу-
жилъ въ одномъ присущшвенномъ мѣспѣ,
гдѣ вся его должностъ сосшояла въ

помъ , чшобъ подписывапъ на бумагахъ :
вѣрно съ подлиннымъ: Степанъ Миловидинъ.
Почти каждый вечеръ онъ проводилъ въ
Англійскомъ клубѣ, гдѣ величайшее его на-
слажденіе состояло въ томъ, чшобъ пипъ
клюковный лимонадъ, играпъ въ виспъ, и
прислушивапъся къ сплетнямъ, которыя
онъ, возвращаясь домой, пересказывалъ сво-
ей домоправительницѣ, Авдошѣ Ивановнѣ.
Эта женщина, вдова опсшавнаго Коллеж-
скаго Регистратора, нанимала, лѣпъ за
двадцать предъ симъ, кварпиру въ одномъ
домѣ съ моимъ дядею, и узнавъ, что онъ
заболѣлъ опасно, и что за нимъ не кому
ухаживапъ, кромѣ слугъ, самовольно посе-
лилась въ его комнашахъ, при помощи Квар-
тального Надзирашеля подчинила служите-
лей своей власпи, ссорилась съ больнымъ
и съ Докшоромъ, а между тѣмъ не опхо-
дила опъ поспели дяди, лила ему въ ротъ
лекарство, и до того ему надоѣла, что
онъ выздоровѣлъ. Изъ благодарности ли,
или изъ шрусости, онъ не имѣлъ духу вы-
гнапъ Авдошью Ивановну изъ своей квар-

ширы, и, видя ея брызгливое усердіе къ себѣ и шумное раченіе въ присмотрѣ за хозяйствомъ, оставилъ въ ея распоряженіи все, касающееся до устройства дома. Дядя мой вскорѣ почувствовалъ превосходство женскаго хозяйства предъ домоводствомъ стараго холостяка. Больше его было въ исправности, чай и кофе вкуснѣе, и за столомъ всегда являлось какое нибудь любимое его блюдо. Вскорѣ привычка одолѣла моимъ дядею до такой степени, что онъ не могъ обойтись безъ Авдошѣи Ивановны, и все, что не было приготовлено и подано ея руками, казалось ему непріятнымъ. Широкое, калмыкованное, покрытое рябинами лице Авдошѣи Ивановны, безъ сомнѣнія, не могло прельстить моего дяди; но онъ такъ присмотрѣлся къ нему, что ему непременно надлежало взглянуть ежедневно на ея кошачьи глаза, какъ щеголю въ зеркало. Уши его такъ же привыкли къ ея звонкому голосу, какъ слухъ стараго солдата къ звуку барабана; и онъ бы не уснулъ спокойно, если бъ въ теченіе дня не слышалъ

ея брани съ служишелями, сосѣдками и разнощиками. Лѣнность и нерѣшительность моего дяди имѣли нужду въ возбуждательныхъ средствахъ, и Авдошья Ивановна вскорѣ до такой степени овладѣла имъ, что онъ былъ въ ея рукахъ совершеннымъ автоматомъ, не смѣлъ даже поправить своего колпака безъ ея совѣта, терпѣливо слушалъ ея бранчивыя увѣщанія, и все дѣлалъ съ ея позволенія, кромѣ подписыванія: *вѣрно съ подлиннымъ*. Дядя мой починалъ себя счастливымъ, что нашелъ существо, которое за него думало, желало, боялось и надѣялось. Онъ съ радостью отдавалъ свое имѣнье въ распоряженіе Авдошьи Ивановны, чтобъ только не имѣлъ дѣла съ старостами, управишелями и кредиторами, которые всегда выманивали у него что нибудь, а припомъ и обманывали. Онъ благодарилъ судьбу, что Авдошья Ивановна позволила ему посѣщать Англійскій клубъ, съ условіемъ: переносить ей всѣ спешны, — и съ пренебреженіемъ возвращался домой, когда, заигравшись въ карты, пропускалъ мимо ушей

занимательные рассказы, и приходилъ безъ новостей. Другой, будучи на его мѣстѣ, выдумалъ бы самъ чтонибудь для успокоенія злой бабы; но мой дядя такъ опивыкъ опъ умсшвенныхъ упражненій, что заболѣлъ бы мигренью на шрое супокъ, если бѣ подумалъ при минушѣ о чемънибудь другомъ, кромѣ наполненія желудка, козырей въ висшѣ, и своего: *вѣрно съ подлиннымъ*.

У Авдошѣи Ивановны была дочь опъ мужа ея, опсшавнато Коллежскаго Регистратора; она была по шрешьему году, когда маменька ея взяла присшупомъ домъ моего дяди. Само по себѣ разумѣется, что она послѣ шого воспитывалась на счешѣ моего дяди, и что Авдошья Ивановна непременно шребовала, чтообъ ея Лиза говорила по-Французски, играла на клавикордахъ по-Нѣмецки, пѣла по-Ишпаліянски, и танцовала всѣ заморскіе танцы. Всему этому научили Лизу за деньги, но какъ умъ господа иносшранцы привозяшъ къ намъ не на продажу, а для собсшвеннаго обиходу, шю Лиза осшалась дурочкою, какъ Богъ ее создалъ.

Отецъ мой, будучи Генераломъ въ дѣйствительной службѣ, находился всегда въ арміи; матери лишился я въ малолѣтствѣ, и такъ до десятилѣтняго возраста воспитывался у родственницы матери моей, старой дѣвицы, вмѣстѣ съ двумя дюжинами обезьянъ, попугаевъ, собаченокъ, карлицъ, калмычекъ и всякихъ другихъ диковинокъ. Величайшая справедливость царствовала въ семь звѣринцѣ: насъ всѣхъ, т. е. людей и звѣрей, равно любили, досыта кормили, ласкали и били, смотря по расположенію духа нашей благодѣтельницы. Обыкновенно, она тогда была весела, когда къ ней доходили вѣсти о разстройствѣ предположенной свадьбы, чьей бы то ни было, или о соблазнительномъ жишѣ супруговъ. Въ бѣшенство же приходила она тогда, когда слыхала о свадьбахъ, родинахъ, крестинахъ и о счастливомъ бракѣ. Разумѣется, что самое лучшее время для насъ было въ посты, когда не бываешь свадебъ. Въ дни веселья всѣхъ насъ: собаченокъ, обезьянъ, калмычекъ, карлицъ и

меня, кормили одинаковыми бисквитами и миндалемъ, а въ дни гнѣва — всѣхъ сѣкли однимъ пучкомъ розогъ. Насъ брали поочередно гулять въ карепъ: одинъ разъ меня, другой разъ марпышку, и такъ далѣе. Не даромъ говорящъ, что равная участь соединяетъ сердца: наше скопо-человѣческое общество жило въ величайшей дружбѣ и согласіи, исключая одного злаго Сибирскаго коша и одной упрямой спарой обезьяны, копорые никакъ не хотѣли приспастъ къ нашему союзу, и за то получали побой опъ меня и калмычекъ, а мы за это были бишны нашею *благодѣтельницею*. Я думаю, что я самъ бы превратился въ Сибирскаго коша или въ обезьяну, если бъ долѣе пожилъ въ этомъ домѣ. Но, по счастью, отецъ мой, пріѣхавъ въ Москку, взялъ меня опшуда, поссорившись съ *благодѣтельницею* моею за то, что выхвалялъ передъ нею супружеское сосполніе, и утверждалъ, что онъ былъ счастливъ съ моею *машерью*. Отецъ мой прожилъ въ военной службѣ часть своего родительскаго наслѣдства; а

дядя мой, подписывая *вѣрно съ подлиннымъ*, умножилъ свой учаспокъ въ-десятеро: онъ взялся плапшъ за мое воспитаніе, и содержашъ меня въ службѣ. Меня опдали во Французскій пансіонъ, какъ водилъся, — и по праздникамъ дядя позволялъ мнѣ приходилъ къ себѣ къ обѣду. Авдошья Ивановна, къ удивленію всѣхъ, не только не завидовала тому, что дядя мой раздѣлялъ свои благодѣянія между мною и ея дочерью: напрошивъ того, она очень любила меня, ласкала, дарила и обходилась со мною, какъ съ сыномъ.

По опредѣленіи моемъ въ службу, уже по смерти моего опца, Авдошья Ивановна не только принуждала дядію моего снабжать меня всѣмъ нужнымъ, но даже заставляла го давать мнѣ болѣе денегъ, нежели сколько было опредѣлено. Наконецъ опкрылась причина этой нѣжности. Авдошья Ивановна имѣла намѣреніе женить меня на своей Лизѣ, и какъ скоро я женился на другой, она заставила моего дядію вѣришь, что я впалъ въ величайшее преступленіе, оказалъ

ся неблагодарнымъ, и наконецъ, представивъ меня порочнымъ и злонаправнымъ, принудила его опречься опъ меня, и лишивъ наслѣдства судебнымъ порядкомъ. Пріятель моего отца доставилъ мнѣ копію съ сей пагубной бумаги, съ подписью моего дяди: *вѣрно съ подлиннымъ*. Это былъ приговоръ судьбы, ибо дядя скорѣе рѣшился бы уничтожить солнце, нежели свою скръпу, почитая всегда копію важнѣе подлинника.

Узнавъ о пріѣздѣ моемъ въ Москву, и о моемъ несчастіи, нѣкоторые друзья моего отца соединились, чѣмъ перемѣнить намѣреніе моего дяди. Они прибѣгнули къ Авдошѣ Ивановѣ, и, угрожая ей адомъ и Уголовною Палатою, успѣли наконецъ въ томъ, что Авдошья Ивановна, въ лицѣ моего дяди, согласилась дать мнѣ 25.000 р. съ шѣмъ однако жъ, чѣмъ я добровольно отказался опъ цѣлаго наслѣдства, которое простиралось до миліона рублей. Находясь въ крайности, я на все согласился, увѣренъ будучи, что сопротивленіемъ ничего не выиграю. Мнѣ опсчитали деньги, и я оста-

вилъ дядю моего въ покоѣ думашь и чув-
ствоваашь головою и сердцемъ Авдошѣ Ива-
новны, играашь въ виспъ, пипъ клюковный
лимонадъ въ Англійскомъ клубѣ, прислуши-
ваашься къ сплешнямъ, и подписываашь: *вѣр-
но съ подлиннымъ.*

Ты воспитывался въ Москвѣ, любез-
ный Выжигинъ; но не знаешь эшой древ-
ней нашей столицы, попому, чпо былъ
молодъ и неопытенъ. Разбойничій вершеть
развращенія юношества, Воровашина, и
пріюмъ для старыхъ чшителей прекрас-
наго пола, у швоей пешушки, супъ двѣ
непримѣшныя почки на Московскомъ гори-
зонѣ. Чпо же касается до Французскаго
пансіона, въ кошоромъ шы находился, шо
эши заведенія въ цѣлой Россіи шакъ сход-
ны между собою, какъ два бѣлые листа
бумаги. Петербургъ можно уподобить пре-
красной молодой кокешкѣ большаго свѣта,
ищущей наслажденій со всѣми приличіями,
со всѣми расчетами образованности. Мо-
сква-мапушка похожа на пожилую, богапую
вдовушку, кошорая, поживъ въ большомъ

свѣшъ, удалилась внутрь Россіи, въ провинціальный городъ, лежащій посреди ея помѣстій, чѣмъ играть первую роль въ своемъ околѣтѣ, не прерывая однако жъ сношеній съ столицею. Москва, любезный другъ, изъ всѣхъ иностранныхъ причудъ и обычаевъ умѣла сошкаться для своего покровъ свою собственную, оригинальную шкату, въ которой чужеземцы узнаютъ только нитки своей фабрики, а покрой одежды и узоры — принадлежатъ нашей родимой Москвѣ. Лучшее Московское общество составляютъ *во-первыхъ*, такъ называемые, *старикки*, опслужившіе свой вѣкъ, и опъ успалости, или другихъ причинъ, поселившіеся въ Москвѣ на временной покой, въ ожиданіи вѣчнаго. Это опъ почтенный разрядъ составляютъ живую лѣтопись послѣдняго полувѣка, или, лучше сказать, живыя ссылки (citations) въ современной Россійской Исторіи. Члены сего разряда образуютъ также Аренагъ, или верховное судилище, гдѣ обсуживаются всѣ современные происшествія. Они имѣютъ свои за-

сѣданія въ Англійскомъ клубѣ, и у почтенныхъ пожилыхъ дамъ первыхъ трехъ классовъ. Чинопочипаніе соблюдается между ними съ такою почто спрогоспью, какъ въ хорошемъ полку, подъ ружьемъ. Полишика, война, виушрение успройство Государства, опредѣленіе къ мѣспамъ, судопроизводство, а особенно награжденія чинами и пожалованье орденами, все подвержено сужденію сего крикливаго Ареопага. Въ семъ первомъ разрядѣ даются балы, обѣды, ужины и вечера для проѣзжающихъ чрезъ Москву важныхъ лицъ, первокласныхъ мѣспныхъ чиновниковъ и лучшаго дворянства. *Во-вторыхъ*: чиновники, занимающіеся дѣйствительною службой въ Московскихъ присутственныхъ мѣспяхъ, копорые оплачиваются пѣмъ только ошъ чиновниковъ Пешербургскихъ и другихъ городовъ, что живущъ роскошнѣе, имѣющъ болѣе вліянія на дѣла, и не занимающъ другими поспоронними предметами, какъ напрімѣръ литературою и науками, шакъ какъ нѣкоторыя молодые чиновники въ Пешербургѣ.

Въ-третьихъ : чиновники , неслужащіе въ службѣ , или мапушкины сынки , по еспѣ : задняя шеренга фаланги , покровишельсшвуемой слѣпою фортуной . Изъ эшихъ счастливцевъ бѣольшая часть не умѣетъ прочесть Псалпыри , напечатанной Славянскими буквами , хошя всѣ они причислены въ почесть Русскихъ Аншикваріевъ . Ихъ называютъ Архивнымъ юношесшвомъ . Это наши пепиметры , фашіонебли , женихи всѣхъ невѣсшъ , влюбленные во всѣхъ женщинъ , у которыхъ шолько носъ не на зашылкѣ , и которыхъ умѣютъ произнесшъ : *оиі* и *поп* . Они-то даютъ шонъ Московской молодежи на гульбищахъ , въ шеапрѣ и госпиныхъ . Эшопъ разрядъ шакже дошпавляетъ Москвѣ Философовъ послѣдняго покроя , у которыхъ всего полно чрезъ край , кромѣ здраваго смысла ; низашелей риомъ и опчаяпныхъ судей Словесности и Наукъ . *Въ-четвертыхъ* : огромное сшадо всякаго рода опспавныхъ чиновниковъ , принадлежащихъ къ старымъ фамиліямъ и дослужившихся до извѣстпыхъ чиновъ , изъ

копрыхъ кто проживаетъ свое имѣнье на досугъ, кто безъ большаго труда наживаетъ каршами и всякими изворотами, а кто проспо живетъ, опъ дня до дня, на счестъ Московскаго госпепріимства. *Въ-пятыхъ.* Помѣщики Замосковныхъ губерній, пріѣзжающіе въ Москву по зимнему пуши, съѣдають деревенскій запасъ и любоваются танцами своихъ дочекъ на балахъ Дворянскаго собранія, или на званыхъ вечеринкахъ, пока какой нибудь женихъ, прельсшася приданымъ, (о копоромъ словоохотныя пещушки умѣютъ весьма искусно разглашать во всѣхъ закоулкахъ Москвы) не попребуетъ прелестной руки, не знавшей опъ дѣлства никакой работы. *Въ-шестыхъ:* пріѣзжіе изъ столицы и изъ арміи искають богатыхъ невѣстъ, копорыми Москва славится издревле. Эши господа начинаютъ обыкновенно съ висока, а кончаютъ на воспитанницахъ или купеческихъ дочкахъ, съ копорыми расчестъ гораздо вѣрнѣе. Вотъ главныя части нашего Московскаго общества, копорыя, не взирая на свою

разнородность, составляющъ одно цѣлое, похожее на вѣчный маскарадъ или Венеціанскій карнавалъ. Мнѣ не къ чему теперь рассказывать тебѣ все хорошее и дурное въ этой смѣси. Ты это самъ увидишь со временемъ. Скажу только, что вѣрно нигдѣ нѣтъ столько добрыхъ людей, не взирая на ихъ спранныости, какъ въ Москвѣ. Главная черта Москвы — госпепріимство, или спрасть кормить и поить вспрѣчнаго и поперечнаго. Любезный Выжигинъ! если бѣ наша планета подверглась, по какому нибудь несчастному случаю, десятильпшему урожаю, и съѣспные припасы продавались на вѣсь золоша, то и въ то время никто не былъ бы голоденъ въ Москвѣ, кромѣ барскихъ слугъ, кошорыхъ впрочемъ и при общемъ довольствѣ не слишкомъ опкармливающъ, вѣрояпно для легкости въ услуженіи. Хотя я не Спашисникъ, но могу ручаться, что въ одной Москвѣ съѣдающъ и выпивающъ болѣе въ одинъ годъ, нежели въ цѣлой Италіи въ два года. Напоить и накормить болѣе, нежели досыща, почи-

таеися въ Москвѣ первымъ условіемъ хорошаго пріема. Напишья и наѣсься до самаго *нѣльзя* естъ родъ наслажденія, въ копоромъ не опказывающъ себѣ даже люди образованные. Но я слишкомъ заболшала о любезной нашей Москвѣ, и опспупилъ опъ расказа моихъ похожденій.

Получивъ 25.000 рублей, я посспупилъ съ ними почно такъ же, какъ со всѣми деньгами, копорья переходили чрезъ мои руки, то естъ: смопрѣлъ только на начало моего капишала, и не хопѣлъ взглянуть на прошивоположный конецъ, чпобѣ не огорчапьясь впередъ его уменьшеніемъ. Я нанялъ хорошую кварширу и экипажъ въ чешыре лошади. Завелъ изряднаго повара, назначилъ у себя одинъ день въ недѣлю, въ копорый собирались у меня знакомые и пріятшели къ обѣду и на вечеръ, и пуспила съ визитами по Москвѣ. Жена моя соспавила себѣ большую паршю между мужчинами, а я — между женщинами. Первые находили мою жену *удивительно* прелесшною, впорья называли меня *ужасно* любезнымъ,

и мы, скоро познакомившись съ лучшими домами въ Москвѣ, спали жишъ какъ слѣдуетъ людямъ *порядочнымъ*, т. е. кормишъ и поишъ другихъ, пресыщаешъ сами на чужихъ обѣдахъ и ужинахъ, танцоваешъ вездѣ, гдѣ только желали этого, наряжаешъ, играешъ въ карты въ большую игру, а въ слѣдъ за этимъ дѣлаешъ долги, не плашишъ, и прочее, и прочее!

Всякій капиталъ въ рукахъ моша имѣешъ два конца. На одномъ концѣ цѣляюща наслажденія и прихоти; на другомъ, если не помѣсишъ раскаяніе, то приспаюшъ заблужденія, копорыя доводяшъ часпо до преступленій. Я опомнися при послѣдней сто-рублевой ассигнаціи, и пробудился изъ усыпленія отъ пронзительнаго крику моихъ займодавцевъ. Къ разорившемуся человѣку, какъ къ шрупу, приползаешъ всегда множество нравспвенныхъ пресмыкающихся и гадовъ, чшобъ вовсе уничтожишъ его нравспвенное существованіе. Ко мнѣ явилось множество ложныхъ игроковъ, расповщиковъ и всякаго рода промысле-

никовъ, чшобъ увлечь меня на спезю порока. Они предлагали сдѣлать изъ моего дома игорный вершеть, надѣясь, что я привлеку къ себѣ богашыхъ людей изъ высшаго круга общесшва, а жена моя, красавица, будетъ вознаграждать проигравшихся нѣжными взглядами. Другіе хотѣли, чшобъ я позволилъ, за извѣсшныя проценшы, употреблять мое имя въ бездѣльническихъ оборотахъ, и ш. п. Сознаюсь, я часто пресшупалъ правила строгой нравсшвенности, изъ легкомыслія и спрасши къ издержкамъ, но никогда не унижалъ себя обманами и нарушеніемъ законовъ чесши. Я прогналъ всѣхъ моихъ соблазнительей, и рѣшился — я ни на что не рѣшился, только отказавшись отъ собраній въ моемъ домѣ, и вымоливъ у извощика карету въ долгъ, пущился разѣзжаать по Москвѣ болѣе прежняго, въ надеждѣ напкнутъ на счастье. Заимодавцевъ моихъ я упросилъ подождать, обѣщая уплашишь имъ долги, какъ скоро поправлюсь въ сосшояніи. Они, видя, что съ меня взяшь нечего, согласились. По счастью,

между ними не нашлось ни одного такого, который бы въ упышеніе себя за поперяныя деньги, захопѣлъ посадить меня въ тюрьму, съ тѣмъ, чтобъ имѣть удовольствіе кормить на свой счетъ.

Хотя разореніе мое не надѣлало большаго шума, но въ Москвѣ ничто не упало, и вскорѣ вѣсть эта обошла шопотомъ цѣлую столицу. Я уже сказалъ, что въ Москвѣ болѣе добрыхъ, или по крайней мѣрѣ, снисходительныхъ людей, нежели въ другомъ мѣстѣ. Поговорили, пошолковали, покрипиковали, побранили за глаза, и замолчали.

Одна изъ пожилыхъ богатыхъ дамъ, которая находила меня ужасно милымъ, предложила мнѣ свою дружбу и помощь; а мужъ ея, считавшій жену мою удивительно прелестною, не взирая на свою старость и подагру, имѣлъ весьма нѣжное сердце, и не могъ хладнокровно переносить, чтобъ прекрасная Пепронелла нуждалась въ нарядахъ. Мы подружились, сославили одно семейство, самое согласное, и опять зажи-

ли припѣваючи. Жена моя спала наряжашься богаче, нежели прежде, а я принялся угощать пріятелей чаще и лучше прежняго, играю въ большую игру, и дѣлаю новыя долги гораздо смѣлѣе, уплативъ старыя.

Родственниковъ Графа и Графини Циперинныхъ весьма не правилась наша шѣсная дружба. Они, чѣмъ развлечь и разсѣять спарика и спаруху, упросили Докторовъ присовѣшовавъ имъ ѣхать къ минеральнымъ водамъ за границу, обонмъ вмѣстѣ и къ одному цѣлебному источнику, думая, что я и жена моя, изъ приличій, останемся въ Москвѣ. Но гдѣ спросить или нужда, тамъ свѣтскія приличія не дѣйствуютъ. Спарикъ и спаруха согласились ѣхать къ минеральнымъ водамъ изъ любви къ жизни, но предложили намъ ѣхать вмѣстѣ съ ними. Мы съ удовольствіемъ приняли это предложеніе. Чѣмъ избавившись отъ докучливой дружбы Графининой въ пущи и за границею, я припворился больнымъ, а между шѣмъ охая и прихрамывая дома, пѣлъ и прыгалъ въ другихъ мѣстахъ. Въ Карл-

сбадъ мы провели время довольно весело. Общесство на водахъ состояло: изъ увялыхъ кокепокъ, ищущихъ на водахъ погибшей свѣжести; изъ игроковъ; изъ Миниспровъ и вельможъ разныхъ Дворовъ, лишившихся мѣспъ своихъ и силы, копорыхъ въ началѣ немилости обыкновенно погружаютъ въ минеральную воду, какъ въ Лешу, чпобъ у нихъ испарилась память прежняго могущесства; изъ молодыхъ женъ-красавицъ, копорыя, изъ любви къ добродѣтели, ищутъ разсѣянiя отъ печальной супружеской вѣрности, далеко отъ своего опечесства; изъ молодыхъ и старыхъ въпрениковъ, ищущихъ приключенiй по бѣлу свѣшу; наконецъ, изъ множества слабонервныхъ, исчахшихъ больныхъ обоего пола, копорые, по принятому правилу, почиали лекарствомъ на водахъ разсѣянiе и наслажденiе, и пошому всѣ, здоровые и больные, старались дѣлать какъ можно болѣе глупостей, приносящихъ пользу Докшорамъ, пракширщикамъ, игрокамъ и нимфамъ.

Я попалъ въ свою сферу, и, скучая въ

обществѣ моихъ друзей, Графа и Графини, щедро вознаграждалъ себя внѣ дома, за претерпѣнную скуку. Жена моя, съ коптой мы, между прочимъ, жили душа въ душу, искала разсѣянія своимъ чередомъ, и между нами не было ни ревности ни разстройства. Но, любезный Выжигинъ, легкомысліе и распутная жизнь рано или поздно вовлекаютъ въ бездну. Выслушай и удостовѣрься!

Между прекрасными посѣпипельницами Карлсбада, мнѣ болѣе всѣхъ нравилась Графиня Сенсibili, пріѣхавшая изъ Вѣны, съ двумя малыми дѣтьми, пользовавшаяся опть ипохондріи цѣлебными водами. Мужъ ея благородный Ишаліанецъ, занималъ важную должность въ Австрійскихъ Ишаліанскихъ владѣніяхъ, и не могъ ей сопутствовать. Какая-то томность разлила была на прелестныхъ черпахъ Графини; глубокая чувствительность выражалась въ ея взорахъ, и сообщалась сердцу пѣхъ, на копорыхъ она устремляла большіе черные свои глаза. Видѣвъ ее нѣсколько разъ въ домѣ одной

старой Австрійской Баронессы, я списалъ благорасположеніе Графини, и получилъ позволеніе навѣщать ее. Я почиалъ ее Итальянкою, но, вообрази мое удивленіе, когда я узналъ, что она Русская Княжна, хотя не знала ни одного слова по-Русски. Воспитанная въ Петербургѣ Француженкою, она, въ домѣ родителей своихъ, природныхъ Русскихъ, никогда не слыхала отечественнаго языка. Въ этомъ домѣ предпочтительно были принимаемы иностранцы, и молодая Княжна отъ дѣтства привыкла слышать, что Русскіе варвары, неспособны ни къ чему, какъ только къ плашежу оброка и мелочной торговлѣ, а что одни только чужеземцы люди, съ которыхъ Русскіе должны брать примѣръ, какъ жить въ свѣтѣ. Княжнѣ наполковали, что Русскій языкъ можетъ быть употребляемъ только между чернымъ народомъ, и что онъ такъ грубъ, что благовоспитанная дама можетъ получить боль въ горлѣ отъ произношенія остроконечныхъ Русскихъ словъ. Гувернаншка Княжны клялась, что она

цѣлую недѣлю спрадала зубною болью и опухолью языка, опѣ того, что силилась произнести слово: *пощетина*, не взирая на то, что это такъ легко производить въ дѣйство надъ Русскими служанками. Несчастливая Княжна, (говорю несчастная, пощому, что почишаю шаковыми шѣхъ, которые не знаютъ и не любятъ своего опещества) чрезвычайно была рада, когда малъ ея, по смерти своего мужа, выѣхала изъ Россіи, и проѣхавъ вдоль и поперекъ Европу, поселилась во Флоренціи. Спаруха вышла замъ за одного молодого Французскаго мѣщанина, которому купили за деньги Графское достоинство, замъ, гдѣ оно продается. На пятнадцатомъ году Княжну Маланью опдали также замъ за Графа Сепсibili, и вскорѣ наша одиоземка, принявъ всѣ Италіянскіе обычаи, позабыла даже о существованіи Россіи. Прошло десять лѣтъ опѣ ея брака, и она почувствовала ипохондрію, также, кажется, опѣ избытка супружескаго счастья; поѣхала разсѣяться въ Вѣну, а опшуда въ

Карлсбадъ, гдѣ я оказалъ ей величайшую услугу, удостовѣривъ ее, что Русскіе могутъ любить такъ же нѣжно, сильно и пламенно, какъ Италіянцы и Французы, и тѣмъ примирилъ ее съ отечествомъ. Она даже сшала учиться по-Русски, и нашла, что слово: *люблю*, чрезвычайно нѣжно и пріятно для слуха.

Графиня Сенсibili должна была ѣхать въ Венецію, къ мужу. Я упросилъ Графиню и Графа Ципериныхъ отправиться на зиму туда же. Въ этомъ городѣ я проводилъ время чрезвычайно пріятно, посѣщая ежедневно милую Графиню Сенсibili, подъ именемъ учителя Русскаго языка. Я не хотѣлъ бытъ вхожъ въ домъ ея подъ своимъ именемъ, ибо тогда мнѣ надлежало бы познакомиться Графа Сенсibili съ нашимъ кадильнымъ семействомъ, и ввести туда Графиню, что могло бы сбить съ шапку нашъ дружескій кадиль. Мы видывались съ Графинею Сенсibili также въ домъ одной старой ея пріятельницы, и на всѣхъ городскихъ увеселеніяхъ, кошорыхъ въ Ве-

неціи множество. Скажу тебѣ нѣсколько словъ объ этомъ городѣ.

Гордая, нѣкогда, Венеція, вывѣпрѣвъ опѣ полишки и происковъ аристокраціи, поперявъ силу и богатство, не лишилась спраси своей къ забавамъ: напрошивъ того, сдѣлалась средоточіемъ разсѣянiя и наслажденiй. Въ Парижѣ и Лондонѣ человекъ ошвлекается опѣ чувспвенныхъ наслажденiй Полишикою, Науками, Изящными Художествами и умными бесѣдами. Въ Венеціи, исключая музыки, располагающей душу къ нѣжнымъ ощущенiямъ, не знаютъ другихъ удовольствiй, кромѣ волокиштва и любовныхъ интригъ. Любовь — атмосфера Венеціи, и чужеземцы пріѣзжаютъ туда изъ далекихъ странъ подышать воздухомъ этого новаго Пифоса. Нигдѣ женщины не пользуются такою вольностью, какъ въ Венеціи. Подъ легкими покровами, онѣ смѣло входятъ въ кофейные дома, въ казино, и шолпясь въ народъ на площади Св. Марка, въ саду монастыря Св. Георгiя или на новой набережной. Женщинъ сопровожда-

юпъ не мужья, а кавалеры прислужники (cavalier-servente), которые опправляютъ ту же должность при Венеціанскихъ дамахъ, какъ распорочные Адъютанты при молодыхъ женахъ старыхъ Генераловъ, то есть, кавалеръ-прислужникъ долженъ неопсшупно бытъ при своей дамѣ съ утра до вечера, если ей не вздумается взять другаго спутника, на иѣкоторое время. Ты знаешь, что Венеція построена на опмеляхъ, въ морѣ, и что тамъ вмѣсто улицъ каналы, а вмѣсто экипажей крышыя лодки, или гондолы. Эпи-то гондолы суть плывучіе храмы любви, и гробы супружеской вѣрности. Прославленная ревность Италіянцевъ стараешъ при свѣпильникѣ Гименея, и превращаешъ въ дымъ и паръ, изъ которыхъ тогда только образуешъ гроза, когда поведеніе жены угрожаешъ разспройсвомъ мужнину карману. Въ Венеціи не имѣютъ понятія о госпепріимствѣ. Тамъ всѣ жишели проводятъ время вмѣстѣ только въ казино, кофейныхъ домахъ, на площади или въ театрѣ; подчиваютъ другъ

друга только мороженымъ, шоколадомъ, и
весьма рѣдко обѣдами; а въ дома посыла-
ютъ визитныя карточки. Вообще Италі-
янцы не созданы ни для тихой бесѣды, ни
для скромной семейной жизни. Величайшимъ
благомъ въ жизни починаяютъ они — ничего
не дѣлать (*far niente*), и самое наслажде-
ніе и прогулка называется у нихъ работою.
Не нужно тебѣ сказывать, что нѣтъ
правила безъ исключенія.

Я жилъ въ Венеціи какъ въ раю, около
года, какъ однажды».....

Вдругъ послышался голосъ Арсаланъ-
Сулпана, который звалъ меня къ себѣ, и
Миловидинъ долженъ былъ прекрапитъ
свое повѣспіованіе.

ГЛАВА V.

РѢШЕНІЕ СТАРѢЙШИИЪ КИРГИЗСКИХЪ ОТНОСИТЕЛЬНО МОЕГО ВОЗНАГРАЖДЕНІЯ. ПРОДОЛЖЕНІЕ РАСКАЗА МИЛОВИДИНА. ДУЭЛЬ. БѢГСТВО. ЖИДЬ-РЕНЕГАТЪ. ПРИВЫТІЕ ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛЬ. ЧТО ТАКОЕ ПЕРА? ИЗМѢНА. РАБСТВО. ОСВОБОЖДЕНІЕ.

«Любезный Иванъ!» сказалъ мнѣ Арсаланъ-Сулпанъ: «мы въ совѣтъ СтарѢйшинъ рѣшили твою участь. Я знаю, что ты помнисья грустью по опечесствѣ, и если останешься между нами, то только изъ любви ко мнѣ. Поѣзжай съ Богомъ, Иванъ! Вотъ что постановлено нами, въ разсужденіи тебя.» Арсаланъ вынулъ изъ-за пазухи доскупокъ бумаги, кошорый былъ завернутъ въ нѣсколько плашковъ, какъ величайшая рѣдкость, и прочелъ слѣдующее:

«1) Плѣнникъ непобѣдимата, вольнаго и знаменипаго Киргизскаго народа, Иванъ Выжигинъ, освобождается за оказанныя имъ великія услуги превосходному племени

Баганалы-Кипчакскому, и за спасеніе драгоцѣнной жизни Арсаланъ-Сулпана.

«2) Вольный Иванъ Выжигинъ объявляетъ сыномъ благороднаго и лучшаго поколѣнія Баганалы-Кипчакскаго. Когда бъ онъ, Иванъ Выжигинъ, прозрѣвъ очами мудросши, вздумалъ возвратишься въ благословенную и лучшую подъ солнцемъ страну, спешь Киргизскую: тогда каждый ошецъ семейства долженъ приять его въ своей юртѣ какъ роднаго сына, каждый воинъ Киргизскій какъ своего брата, а каждая дѣвица Киргизская какъ жениха или мужа, по волѣ Ивана Выжигина.

«3) Цѣлое превосходное племя Баганалы-Кипчакское обязано кормить, одѣвать Ивана Выжигина, и оплачивающъ его юрту, пока онъ не будетъ имѣть взрослыхъ дѣтей, или самъ добровольно не откажется отъ предоставленнаго ему права.

«4) Все добычу Ивана Выжигина, равно какъ лошадей его и верблюдовъ, спаршины берущся продать при первомъ случаѣ въ Оренбургъ или въ пограничныхъ

Русскихъ укрѣпленіяхъ, и деньги опослать къ нему, куда онъ прикажетъ. Между тѣмъ на дорогу собраны ему тысячи червонныхъ, и дано двѣнадцать кипъ лучшихъ товаровъ, кошорые и опдадупся ему немедленно.

5) Иванъ Выжигинъ имѣетъ право вывезти съ собою изъ степи своихъ Русскихъ невольниковъ, и получаетъ проводниковъ и военное прикрытіе до самой границы.»

«Доволенъ ли ты нашимъ постановленіемъ?» сказалъ Арсаланъ. Въмѣсто отвѣта, я бросился ему на шею, и залился слезами. При одномъ воспоминаніи объ опечесствѣ, о Россіи, все мое щеславіе исчезло какъ дымъ, и я рѣшился немедленно опправиться. «Когда же ты хочешь насъ опсавить?» спросилъ Арсаланъ. — «Завтра же,» отвѣчалъ я, попутивъ глаза, какъ будто спыдаясь своей неблагодарности. «И такъ я займусь пригопвленіемъ всего нужнаго къ твоему опъѣзду,» сказалъ Арсаланъ, и опчасъ подозвалъ къ себѣ нѣскольکو спаршинъ. Чпобъ не мѣшало имъ совѣпозаться, я удалился въ свою юртіу.

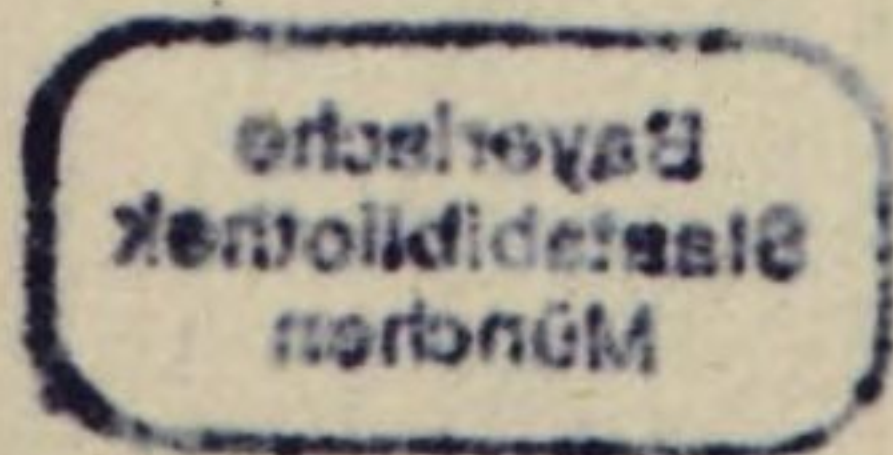
Часть II.

5

Когда я объявилъ Миловидину, что мы завтра же отправляемся въ Россію, то онъ едва не лишился ума отъ радости: онъ плакалъ, смѣялся, прыгалъ, пѣлъ, и наконецъ, успокоившись, поблагодарилъ Бога со слезами за свое избавленіе, и называлъ меня своимъ благодѣтелемъ. «Выжить!» сказалъ Миловидинъ, прижимая меня къ груди своей: «ты возвратилъ мнѣ опеченіе и свободу; но это сердце всегда будетъ твоею собственностью. Я твой навѣки!» . . . Оспавной солдатъ не менѣе обрадовался, что избавился отъ нѣхристей, и просилъ меня, чтобы я оставилъ его у себя въ услуженіи, потому, что у него на святой Руси нѣтъ ни кола, ни двора. . .

Позавтракавъ жареною на угольяхъ бараниною, и запивъ брагою, я просилъ Миловидина кончить свой рассказъ.

«Однажды,» продолжалъ Миловидинъ: «когда я вышелъ изъ дому въ сопровожденіи служителя, чтобы прогуляться въ гондолѣ по взморью, мальчикъ отдалъ мнѣ записку, и скрылся. Я думалъ, что это

любовное письмо, и спѣшилъ прочесть. Но на эпопѣ разъ обманулся въ своей надеждѣ. Записка писана была по-Русски, и заключала въ себѣ слѣдующее: «Если въ тебѣ сохранилась хоть капля Русской дворянской крови, и если честь твоя совершенно померкла на попрощѣ разврата, пояись завтра въ 12 часовъ утра на твердой землѣ, въ практирѣ Солнца, на берегу Бренпы, съ парюю писполеповъ, не объявляя никому о семъ въ домѣ. Ты узнаешь меня на мѣстѣ, гдѣ одинъ изъ насъ долженъ погибнуть.»

«Не поспигая, опѣ кого могъ бытъ эпопѣ вызовъ, я однакожъ рѣшился явишь-ся въ назначенный часъ, и пошелъ потчасъ къ одному пріятелю моему, Англичанину, просишь его въ секунданты. Переѣхавъ въ гондолѣ на площадь Св. Марка, я вошелъ въ кофейный домъ, подѣ аркады, надѣясь тамъ найти моего пріятеля, и у дверей получилъ другое письмо на Французскомъ языкѣ, слѣдующаго содержанія: «Одинъ изъ насъ долженъ погибнуть, чшобъ другой

*

былъ счастливъ. Завтра въ 3 часа пополудни ожидаю васъ со шпагою, на твердой землѣ, въ пракпирѣ Сирена, на берегу Бренпы. Мы люди знакомые, и я не имѣю нужды подписывать своего имени, потому, что при свиданіи, вы узнаете, съ кѣмъ имѣете дѣло.»

«Двѣ дуэли въ одинъ день, не шутка! Не взирая на то, что умѣю владѣть шпагою, и что я почиался въ полку однимъ изъ искуснѣйшихъ стрѣлковъ, я не могъ однако жъ преодолѣть въ себѣ смущенія, получивъ вдругъ два вызова. Какъ ни разсуждай, а весьма непріятно быть убитымъ или убійцею! Я догадывался, что волокитство мое вовлекло меня въ это непріятное положеніе, но никакъ не могъ проикнуть, какой случай вооружилъ противъ меня неизвѣснаго мнѣ земляка. Англичанинъ не только согласился быть секундантомъ, но и обрадовался, что будетъ свидѣтелемъ двухъ смертоубійствъ. Онъ признался мнѣ, что національная болѣзнь, сплинь, уже начала мучить его, и что онъ для того только пред-

принялъ путешествіе по Европѣ, чшобъ имѣшь болѣе случаевъ познакомиться со смертію, и возненавидѣшь жизнь.

«Я провелъ цѣлый день съ Англичаниномъ. Онъ спарался упоишь въ винѣ свой сплинъ, а я хопѣлъ залишь мое горе. Мы возвратились домой очень поздно. На другое утро, я побѣжалъ съ оружіемъ къ Англичанину, и мы отправились поспчасъ на мѣсто свиданія, чшобъ имѣшь время позавтракать передъ смертію.

«Около 12 часовъ утра, мы вышли на большую дорогу, ожидая нашего прошивника. Одинъ Испаліянецъ, пріятной наружности, подошелъ къ намъ, и спросилъ, кошорый изъ насъ называется Милосивидинымъ. Послѣ того, онъ предложилъ намъ прогуляться въ паркѣ, гдѣ ожидалъ меня прошивникъ. Въ концѣ роши нашелъ я моего земляка, кошорый прохаживался скорыми шагами, по небольшому лугу. Я подошелъ къ нему, и, приподнявъ шляпу, сказалъ: «Милосививый Государь! я не имѣю чеспи знашь васъ, и слѣдовашельно не могъ васъ

обидѣшь умышленно. Мнѣ кажется, что было бы весьма благоразумно, если бъ мы прежде объяснились.» — «Эпо вовсе не нужно,» отвѣчалъ мнѣ землякъ. «Обида, нанесенная мнѣ вами, такого рода, что ее ничѣмъ нельзя загладить. До моего имени вамъ также нѣтъ нужды. Довольно того, что я Русскій дворянинъ, офицеръ, и прибылъ сюда нарочно для того только, чтобы драться съ вами. Извольте становиться на позицію, и стрѣляйте. Но помните, что если вы захотите играть роль великодушнаго, то будете самоубійцею. Условіе дуэли такое: секунданты наши должны отсѣречь пятнадцать шаговъ, и мы по данному знаку вольны, или пошчасъ стрѣлять въ одно время съ черты, или одинъ изъ насъ, давъ выстрѣлить противнику, можетъ подойти на одинъ шагъ и выстрѣлить въ него, приславивъ пистолетъ ко лбу.» — «Эпо не дуэль, а убійство!» воскликнулъ я. «Что, неужели ты уже спросилъ, разврашникъ!» сказалъ мой противникъ грозно: «но если ты думаешь избѣгнутьъ

наказанія прусоспью, но я тебѣ пошчасъ
раздроблю голову!» Онъ, какъ бѣшеный,
бросился на меня съ пистолетомъ, и если бѣ
Англичанинъ не успѣлъ схватить его за
руку, то онъ вѣрно бы въ меня выпрѣ-
лилъ. Кровь во мнѣ закипѣла. «Я покажу
мою прусоспю!» воскликнулъ я, и пошчасъ
спалъ на черпъ. Подали знакъ, я прицѣ-
лился, спустилъ курокъ и — прошивникъ
мой упалъ, облившись кровью, не успѣвъ
выпрѣлить. Я бросился, чшобъ помочь
ему, узнать его имя и причину его нена-
висти ко мнѣ. Но онъ грозно возопилъ,
чшобъ я удалился и не осквернялъ своимъ
присуществіемъ послѣднихъ минутъ его жиз-
ни. Секундантъ его не хотѣлъ также
опвѣчать на мои вопросы, и просилъ насъ
удалиться. Мы —

пились въ пракширъ, изумленные симъ не-
понятнымъ происшествіемъ, и рѣшились
дожидаться срока другой дуэли, не возвра-
щаясь въ городъ.

Около условленнаго времени, мы по-
ѣхали къ другому пракширу, гдѣ нашли

также секунданта. Онъ ввелъ меня въ комнату, гдѣ, къ величайшему моему удивленію, заспалъ я Графа Сенсибили. «Ваши уроки Русскаго языка,» сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ: «произвели такое дѣйствіе надъ моею женой, что она вознамѣрилась, взявъ свою часть имѣнія и дѣшей нашихъ, отправиться въ Россію. И такъ я рѣшился, Г. Профессоръ, дать вамъ урокъ другаго рода. Я могъ бы вооружить противъ васъ наемныхъ убійцъ, какъ то дѣлаютъ другіе наши мужья; но, бывъ въ военной службѣ, я имѣю другія правила, и хочу доставить себѣ удовольствіе лично опмѣшнить вамъ за нанесенную мнѣ обиду. «Я все знаю!» — «Объ обидѣ ни слова,» отвѣчалъ я: «но если вы предполагаете, что я научилъ жену вашу опмѣшнить васъ, и отправиться въ Россію, то клянусь вамъ, что вы ошибаетесь, и что я въ первый разъ объ этомъ опъ васъ слышу.» — «Полно-те, сударь, полно-те,» отвѣчалъ Графъ: «не украшайте ложью двойной своей измѣны; женѣ вашей — и.... но я прибылъ сюда не для объясненій. Пойдемте въ садъ.»

Нельзя было опкazyваться, и я долженъ былъ драться на шпагахъ съ несчастнымъ мужемъ. Сначала я спарался только защищаться и нанести моему противнику легкую рану, чѣмъ прекратить бой; но Графъ такъ сильно напиралъ на меня, и съ такимъ жаромъ стремился лишить меня жизни, что я самъ разгорячился, и въ свою очередь спалъ нападать на моего противника. Въ отчаяніи, онъ хотѣлъ ухватиться за шпагу мою, и бросился на меня съ размаху. Но острие моей шпаги вонзилось въ грудь его, и онъ упалъ безъ чувствъ на землю.

Мы съ Англичаниномъ перенесли раненаго въ пракширъ, послали за Докторомъ и, оставивъ Графа на попеченіи его секунданца, поспѣшили въ городъ. Пріѣхавъ домой, я встрѣтилъ жену мою, которая мнѣ объявила, что Графъ и Графиня Цишерини заперлись въ своихъ комнатахъ, и находясь въ величайшей горести; что Графъ опказался даже видѣть прелестную Пепронеллу, а Графиня не велѣла пускаться

меня къ себѣ, и просила перебраться на другую квартиру. Жена моя узнала отъ камердинера, что сынъ Графа, бывшій Ромиспромъ въ Гусарскомъ полку, котораго мы прежде вовсе не знали, тайно пріѣхалъ въ Венецію, смертельно раненъ на поединкѣ, и на одрѣ смерти написалъ къ родителямъ такое письмо, отъ котораго Графиня приключилась при обморока, исперика и нервный пароксизмъ, а Графъ почувствовалъ усиленный припадокъ подагры и родъ паралича. Я догадался тотчасъ, что мой непремиримый землякъ былъ сынъ Графа Циперина, но скрылъ это передъ моею женой. Черезъ полчаса, я получилъ письмо отъ Графини Сенсибили, въ которомъ она упрекала меня въ смерти отца ея дѣшей, называла извергомъ, убійцею, и запрещала являться на глаза. Въ отчаяніи побѣжалъ я къ пріятелю моему, Англичанину, и тамъ узналъ, что правительствоваше убійцы Графа Сенсибили и пріѣзжаго иноземца, и что если къ вечеру я не уберусь за границу, то буду арестованъ и

заключенъ въ тюрьму. Я возвратился домой, собралъ всѣ наличныя мои деньги и драгоценныя вещи, написалъ къ женѣ письмо, въ которомъ уведомилъ ее обо всемъ случившемся, и совѣщавалъ возвратиться въ домъ отца, и ждать меня. Послѣ того я нанялъ гондолу, и поѣхалъ на рейдъ. Одинъ Генуэзскій корабль поднималъ якорь, чтобъ, воспользовавшись благополучнымъ вѣтромъ, отплыть въ Константинополь. Капитанъ, котораго я наканунѣ подчивалъ въ кофейномъ домѣ, согласился взять меня съ собою, не спрашивая о паспортѣ. Въ 9 часовъ вечера, я уже былъ въ открытомъ морѣ. Слезы полились у меня изъ глазъ при мысли о моей несчастной женѣ, которой я не переставалъ любить, и которую своимъ легкомысліемъ, и, сказавъ правду, безнужнымъ увлекъ въ пропасть! Но дѣлать было нечего, и я, скрѣпя сердце, рѣшился твердо перенести мое несчастіе. Раскаянье перезало меня, и я поклялся исправиться.

Въ числѣ пассажировъ находился одинъ Турокъ. Онъ говорилъ очень хорошо по-

Французски и по-Италіянски, и, видя мою задумчивость, старался развлекать меня разговорами. Онъ былъ лѣтъ пятидесяти, много путешествовалъ по Европѣ и Азіи, былъ въ Египтѣ, и пріобрѣлъ большія свѣденія чпеніемъ и наблюденіемъ. Онъ признался мнѣ, что онъ Гамбургскій Жидъ, учился Медици въ Лейденѣ, и, на шестнадцатомъ году онъ рожденія прибывъ въ Константинополь, рѣшился принять Магомешанскую вѣру, изъ убѣжденія, а не изъ какихъ либо видовъ. Не имѣя привычки спорить о религіи, я не входилъ въ распросы по сему предмету; но примѣшивъ, что онъ начинаетъ чаще заводить разговоръ о вѣрѣ, выхваляя Исламизмъ, я объявилъ ему рѣшительно, чтобы онъ никогда не говорилъ со мною объ этомъ предметѣ, если желаетъ пользоваться моею бесѣдою. Ренегатъ исполнилъ мою волю, и ограничился только похвалою Турецкаго правительсва, что я слушалъ терпѣливо, для того только, чтобы знакомиться съ нравами и обычаями Турокъ. Больше всего онъ

превозносилъ честноснѣ поклошниковъ Магомеша, ихъ твердоснѣ въ словѣ, и ушверждалъ, что Исламизмъ излечилъ его самого отъ врожденныхъ привычекъ Израильскихъ, копорые, по его мнѣнію, понынѣ не пресшали поклоняшся золотому тельцу, передѣланному въ червонцы.

Плаваніе наше было благополучно, и мы вскорѣ прибыли въ Константиннопольскую гавань. Я переѣхалъ въ Перу, къ одному Италіянцу, копорый содержалъ родъ поспоялаго двора. Разбирая мой чемоданъ, я чупъ не упалъ въ обморокъ, не нашедъ въ немъ ни денегъ, ни драгоценныхъ вещей. Въ отчаяньи, я побѣжалъ къ корабельному капитану, и объявилъ ему о покражѣ. Онъ ручался за свой экипажъ, но не отвѣчалъ за пассажировъ. «Если бѣ вы отдали деньги и вещи на сохраненіе мнѣ, то вѣрно съ вами не случилось бы этого несчастія,» сказалъ онъ. «Теперь, пеняйте на себя. Я самъ человекъ небогатый, и не могу вамъ помочь многимъ. Но вотъ десяти червонныхъ: вы мнѣ отдадите, когда будете въ

соспояніи.» Съ грустью въ сердцѣ, возвращался я на посшоялый дворъ, и на пупи встрѣшилъ знакома моего, Ренегата, которому рассказалъ мое несчастіе. «Магомешъ повелѣваетъ помогать въ бѣдспвіи, не только единовѣрцамъ, но и всѣмъ добрымъ людямъ,» сказалъ онъ. «Почишаю васъ таковымъ, и предлагаю вамъ въ моемъ домѣ кварширу и споль, безъ всякаго вознагражденія. Впрочемъ, если вы когда либо будете въ соспояніи заплашишь мнѣ, тогда я не откажусь опъ плашы. А шеперь объ эпомъ не должно и говоришь. Возьмите свои вещи изъ шракшира; я васъ провожу въ домъ мой.» Я не зналъ, какъ благодарить Ренегата за его великодушное предложеніе, и немедленно онымъ воспользовался.

Порша была тогда въ войнѣ съ Россіею, и пошому въ Констаншинополѣ не было нашего Посланника. Я никому не говорилъ, что я Русскій, и казался Славяниномъ изъ Бока-ди-Кашаро. Въ кофейныхъ домахъ въ Перѣ я познакомился съ нѣсколь-

кими изъ Хрисціанскихъ жишелей Кон-
станшинополя, что доставляло мнѣ нѣко-
торое разсѣяніе и даже пропитаніе. Въ
домѣ Ренегата я почти не видалъ людей;
онъ рѣдко говорилъ со мною, бывъ безпре-
снанно занятъ какими-то дѣлами. Мнѣ
приносили кушанье въ мою каморку; но
хлѣбъ подавній былъ не только горькій,
но и слишкомъ легковѣсный. Мнѣ на день
ошпускали столько пилаву, сколько надоб-
но было по расчету Медицины, чтобы я
не умеръ съ голоду, и если бѣ я не имѣлъ
помощи отъ Грековъ, то вѣрно бы полу-
чилъ чахотку отъ истощенія.

Жизнь въ Констаншинополѣ врядъ ли
можешь поправиться человѣку образован-
ному и чувствительному. Европейцы почти
не имѣютъ непосредственныхъ сношеній
съ Турками, которые, въ гордости своей
и невѣжествѣ, презираютъ всѣхъ Хрисці-
анъ, и тогда только удостаиваютъ ихъ
принятіемъ въ свое общество, когда пред-
чувствуютъ какую нибудь выгоду отъ сего
знакомства. Къ тому жъ образъ жизни

Турокъ удаляетъ ихъ отъ Европейцевъ. Магомешанинъ, если не занятъ какою нибудь государственною службой, то проводитъ большую часть жизни въ своемъ гаремѣ, и не знаетъ другаго наслажденія, какъ курить трубку и пить кофе въ кофейномъ домѣ, смотря на конецъ своего носа, и слушая вздоры пракширныхъ болтуновъ, или раскащиковъ, составляющихъ особый классъ. Турки весьма скупы на слова, и тогда только многорѣчивы, когда бранятъ Франковъ, т. е. Европейцевъ и всѣхъ Гіяуровъ, особенно Раевъ, или Христіанскихъ подданныхъ Поршы. Иногда и самъ Султанъ подвергается брани Мусульманъ, особенно, если онъ предпринимаетъ какія либо нововведенія, которыя всегда почищаются нарушеніемъ Ислама. Въ кофейныхъ домахъ, подъ воротами сераля, также смѣло бранятъ Султана, могущаго по произволу рубить головы, кому заблагоразсудится, какъ у насъ въ Европѣ, въ такъ называемыхъ оппозиціонныхъ журналахъ бранятъ Министровъ. Впрочемъ,

единообразная жизнь Турокъ и ихъ невѣжесство не можетъ доставить Европейцу удовольствія въ ихъ обществѣ, и если иногда путешественники ищутъ знакомства съ Турками, то это изъ одного только любопытства, для наполненія своихъ путешествныхъ записокъ полужными извѣстїями.

Всѣ дѣла въ Константинополѣ, политическія и торговыя, исправляютъ Перосы, или жители предмѣстїя, называемаго Пера, состояющаго не только отдѣльный городъ, но и отдѣльное царство, отдѣльный народъ! Здѣсь живутъ пономки Европейцевъ: Италїанцевъ (большею частию Венеціанъ), Илирійцевъ и другихъ южныхъ Славянъ, Армянъ, Каполиковъ, малаго числа Французовъ, и еще меньшаго Англичанъ и Нѣмцевъ. Перосы могутъ гордиться тѣмъ, что предки ихъ были равнаго достоинства съ первыми основателями Рима, во время Ромула, съ тою разницею, что первые основатели Рима спискивали прописаніе силою оружїя, и явно грабили на большихъ дорогахъ, а предки Перосовъ дѣлали то

же украдкою. Перопы имѣютъ и по преимуществу предъ Римлянами, что они не перемѣнили обычаевъ своихъ предковъ. Безнечность Турецкой полиціи въ отношеніи къ Европейцамъ привлекла въ Константинополь рыцарей промышленности и банкротовъ всѣхъ націй, которые спали селившись въ Перъ, подъ защитою знамени Магомешова. Языкъ Пероповъ есть Испаліанскій, всѣхъ нарѣчій Испаліи, съ примѣсю Турецкихъ, Греческихъ и Славянскихъ словъ, съ особеннымъ произношеніемъ. Невѣжество ихъ во всемъ, что касается до Наукъ и Художествъ, равняется Турецкому, но хитроснъ замѣняетъ всѣ качества, а познаніе многихъ языковъ составляетъ всю ихъ мудрость. Дѣти, едва начиная лепетать, уже пріучаются говорить по-Турецки, по-Гречески, по-Французски и по-Испаліански. Это языкознаніе ведетъ Пероповъ къ богатству и почестямъ, предавая въ ихъ руки всѣ дипломатическія дѣла Порты, ибо изъ нихъ избираются Драгоманъ, или Толмачи, при

Европейскихъ Миссіяхъ. Можно легко догадаться, съ какою вѣрностью служатъ они Европейцамъ, когда удостовѣришься, что Перопъ ничего въ міръ не знаетъ превосходнѣе своей грязной Перы, ничего величественнѣе Турка, ничего мудрѣе и могущественнѣе Султана, и ничего хуже всѣхъ народовъ и всѣхъ людей, копорые не исповѣдываютъ Римско - Каполической вѣры, или не имѣютъ чести быть Мусульманами. Честнолюбіе Пероша не простирается далѣе мѣста Драгомана, а единственная цѣль жизни — накопленіе денегъ. Они также принимаютъ на себя званіе Европейскихъ торговыхъ Консуловъ и маклеровъ, а разбогачившіе, съ грѣхомъ пополамъ, дѣлаются банкирами. Перопы ненавидятъ Грековъ, и вредятъ имъ, гдѣ только могутъ, опасаясь вліянія ихъ на дѣла общественыя. За то и Греки платятъ имъ шѣмъ же. Греки опъ того только не любятъ Римскихъ Каполиковъ, что ихъ вѣра есть вѣра Пероповъ. Между Греками называтъ кого Перопомъ, зна-

чишъ поже, что у насъ названъ въ укоризну Иезуитомъ. Европейскіе путешественники и чиновники разныхъ Посольствъ болѣе всего обращающаея съ Перошами, пошому, что образъ ихъ жизни болѣе похожъ на Европейскій, и что съ ними можно сообщаться безъ познанія Восточныхъ языковъ. Женщины играютъ главную роль въ обществѣ Перошовъ. Все ихъ упражненіе состоишъ въ томъ, чтобъ лѣтомъ сидѣшъ цѣлый день на софѣ, а зимою при тандурѣ. Эшомъ тандуръ ешъ родъ четвероугольнаго низкаго стола, покрытаго вапованнымъ одѣяломъ, а сверху зеленымъ сукномъ. Подъ столомъ находится жаровня съ раскаленными угольями, копорая сообщаемъ теплошъ честной компаніи, помѣщающейся на малыхъ софахъ вокругъ тандура, спрятавъ ноги подъ столъ, и покрывшись до половины шѣла одѣяломъ. Печей и каминовъ, какъ шобъ можетъ быть извѣшно, нѣшъ въ Константинополѣ. При сихъ тандурахъ играютъ въ карты, рассказываютъ сплешни, восхваляютъ Султана,

когда онъ рубишъ головы и берешъ въ казну имѣніе своихъ подданныхъ, немѣющихъ чеспи бышъ Перошами, и заводяшъ любовныя инприги, передавая подъ одѣялами записочки. Перошскія женщины знаменишы своею склонностью къ любовнымъ похождениямъ, и по большей часпи помогающъ своимъ мужьямъ, брашьямъ и опцамъ къ возвышенію, къ обогащенію и опкрытію полипическихъ таинствъ. По недоспашку образованнаго Европейскаго общества, Послы иностранные приглашающъ Перошокъ на свои балы, для танцевъ, и онъ-по соспавляющъ Констанѣинопольскій большой свѣшъ, смотря по доспашку и связямъ.

Меня ввелъ одинъ Грекъ въ общество Перошовъ, но какъ я не имѣлъ денегъ, и не хощѣлъ болѣе испытывать счастья въ любви, по былъ принимаемъ сухо; мнѣ самому не весьма нравилось въ сихъ бесѣдахъ, гдѣ я не находилъ пищи ни для ума, ни для сердца. Между Греками я нашель болѣе искренности, болѣе ума и болѣе обходительности, нежели между Перошами. Гречанки

почти всѣ красавицы, когда, напрошивъ того, между Перопками красота есть рѣдкость. Жены и дочери Греческихъ бояръ, или потомковъ древнихъ Греческихъ семействъ, отличающіяся умомъ и любезностью; но онѣ не появляющіяся въ Европейскихъ обществахъ, потому, что Перопки стараются удалять ихъ всѣми средствами. Армяне занимающіяся только торговлею, промысломъ и переводомъ денегъ, водятся между собою, и живутъ по своему обычаю. Жиды, какъ повсюду, вешники, брадобры, мелкіе продавцы, рассыльщики и плуны, исключая нѣсколькихъ богатыхъ ювелировъ, которые отличаются тѣмъ, что обманываютъ *en grand, оптомъ*. Полиція Турецкая весьма строго наблюдаетъ за всѣмъ, что касается до торговли и городского порядка, имѣющихъ вліяніе на спокойствіе и потребности жизни Мусульманина. На дѣла и поступки Франковъ, она не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія, пока не принесется жалоба на плутовство или на убійство. Но и тогда она позволяетъ откупаться деньгами. Отъ того

въ цѣломъ мірѣ нѣтъ такого раздолья для плушовъ, какъ въ Константинополѣ. Это ихъ опечесство, и удивительнѣе всего, что, кромѣ чиновниковъ Европейскихъ Посольствъ и путешественниковъ, самые честные люди въ Константинополѣ суть невѣрные, т. е. Турки.

Я провелъ въ Константинополѣ четыре мѣсяца весьма скучно, не зная, на что рѣшиться, какъ вдругъ пронесся слухъ, что въ нѣкоторыхъ частяхъ города показывается чума. Зная, что бѣдному человѣку и припомъ Христіанину, трудно взявъ предосторожности отъ заразы, и не желая быть жертвою оной, я намѣревался отправиться изъ Константинополя на острова Архипелага или въ Россію. Одинъ пріятель мой увѣрялъ меня, что я, какъ сынъ Восточной Церкви, буду хорошо принятъ на островахъ, гдѣ слѣдуютъ Греческому исповѣданію, но не совѣщавъ мнѣ искавъ прибѣжища у Грековъ Римско-Каполиковъ. Я объявилъ моему хозяину о семъ намѣреніи. Но онъ сильно вопрошивилъ этому.

«Ты не знаешь Грековъ,» сказалъ онъ мнѣ: «выгода есть одно ихъ божество, которому они постоянно поклоняются, а раздоры и несогласія одни только ихъ занятія въ жизни. Безъ денегъ, ты будешь принятъ какъ нищій, хотя бы ты одаренъ былъ всѣми талантами въ свѣтѣ. Послушай меня: я давно уже пекусь о своемъ жребіи, и наконецъ нашелъ для себя мѣстечко. Здѣсь находишься Персидскій купецъ, одинъ изъ первыхъ богачей на Воспокѣ. Онъ имѣетъ нужду въ Европейскомъ прикащикѣ, для своей торговли. Отбрось на время свое дворянство, и послужи у купца. Черезъ пять или шесть лѣтъ ты будешь самъ милліонщикомъ, возвратишься въ опечесство, снова прикроешься своею дворянскою мантиею, и заживешь по обычаю вашей касы, переливая цѣлый вѣкъ изъ пустаго въ порожнее.» Подумавъ нѣсколько, я согласился на предложеніе Ренегата, и на другой день мы условились идти къ Персіянину.

Персіянинъ говорилъ немного по-Русски, и бывалъ нѣсколько разъ въ Москвѣ и въ

Петербургъ. «Мнѣ нуженъ человекъ, знающій Французскій и Италіянскій языки,» сказалъ Персіянинъ: «но тѣмъ лучше, что ты сверхъ того знаешь еще по-Русски. Завтра будь готовъ къ отъѣзду съ моимъ караваномъ. Если ты будешь хорошо вести себя, то тебѣ будетъ у меня хорошо.» Я хотѣлъ узнать, на какихъ условіяхъ купецъ принимаетъ меня къ себѣ въ службу. Но Ренегатъ запрешилъ мнѣ это, увѣряя, что я испорчу все дѣло видомъ корыстолюбія. Во всѣхъ необразованныхъ по-Европейски странахъ,» примолвилъ онъ, по-Французски: «купцы не плащяшъ извѣснаго годового жалованья своимъ прикащикамъ, но дѣляшъ съ ними барыши. Ты не долженъ показываться сребролюбивымъ; напропивъ долженъ радѣть только о выгодахъ своего хозяина, будпо не помышляя о своихъ. Тогда купецъ приметъ тебя въ долю, и ты сдѣлаешься его товарищемъ. Но, пока онъ тебя узнаетъ и полюбитъ, ты долженъ обходиться съ нимъ раболѣпно, какъ водишся на Воспокъ, между господами и слугами. Рѣшайся, лю-

безный другъ, на малыя непріятности для обезпеченія твоего состоянія на всю жизнь. Ты самъ сказалъ мнѣ, что у тебя нѣтъ состоянія въ твоемъ отечествѣ, и что ты даже не имѣешь никакой надежды пріобрѣсти тамъ богатство. Нельзя же всегда жить на чужой счетъ, и лучше всего быть самому себѣ обязаннымъ своимъ достаткомъ.» Слова Ренегата: нельзя жить на чужой счетъ, заставили меня на все рѣшиться. Въ тотъ же вечеръ я перешелъ въ караванъ-сарай къ Персіянину, и на другой день отправился съ нимъ въ путь.

Я не буду тебѣ описывать ни городовъ, ни странъ, чрезъ которые мы прошли, ни обычаевъ разныхъ племенъ Азіатскихъ, копорыхъ я видалъ на пути; это заняло бы много времени. Опишу тебѣ все видѣнное въ нѣсколькихъ словахъ. Невѣжество, жестокость, грубость нравовъ составляютъ главнѣйшія свойства сихъ народовъ, съ тою разницею, что въ Азіатскихъ городахъ, гдѣ торговля процвѣтаетъ, нѣга и малодушіе замѣняютъ въ жителѣхъ лю-

бовъ къ познаніямъ, художествамъ и упо-
ченной роскоши, и что кочующія Азіяп-
скія племена, напрошивъ того, оплеча-
ются дикою храбростью и хищничествомъ.
Любезный другъ! между Европейцами есть
люди, которые вопіюшъ противу просвѣ-
щенія. Пусть они взглянушъ на Малую
Азію, и сравняшъ состояніе, въ которомъ
она была подъ владычествомъ мудрыхъ
Халифовъ, любившей и покровительшей про-
свѣщенія, съ нынѣшнимъ ея положеніемъ.
Невѣжество унижаетъ человѣчество до со-
стоянія безсмысленнаго живошнаго, и са-
мый опасный родъ звѣрей на земномъ ша-
рѣ есть полупросвѣщенный народъ, кото-
рый, отступивъ отъ первой дикости,
разбираетъ однѣ только буквы *въ великой*
книгѣ просвѣщенія, и беретъ слова за ве-
щи, а вещи за слова. Только одни порочные
себялюбцы могутъ желать невѣжества,
чтобъ, пользуясь мракомъ, обманывать въ
промѣнѣ своихъ поддѣльныхъ товаровъ и
фальшивой монеты. Но, любезный другъ,
я не могу лучше изобразить тебѣ пользы

просвѣщенія, какъ рассказавъ анекдотъ, который оспался у меня въ памяти опъ дѣшсшва.

«Съ какимъ намѣреніемъ заводишь ты Академіи, школы, распроспраняешь Науки?» сказалъ Визирь Муссаферъ Халифу Аарону-Аль-Рашиду: «не думаешь ли ты, Государь, что просвѣщенный народъ будетъ лучше повиноваться тебѣ?» — «Безъ сомнѣнія, опвѣчалъ Халифъ: «просвѣщенный народъ будетъ лучше судить о справедливости моихъ законовъ и чиспотъ моихъ намѣреній.» — «Но лучше ли онъ спанетъ плащипъ подаши?» — «Конечно: онъ въ просвѣщеніи найдетъ болѣе средствъ къ своему обогащенію, и сверхъ того пойметъ, что я не пребую лишняго.» — «Воины швои лучше ли будутъ сражаться?» — «Гораздо лучше, постигая, что счастье каждаго семейства зависишь опъ блага и славы опечесшва, и припомъ они будутъ сражаться успѣшнѣе, подъ предводительствомъ искусныхъ начальниковъ.» — «Но швои умники, швои мудрецы не вздумаюшъ ли вмѣши-

вашся въ правленіе? не дерзнутъ ли они
искашь ошибокъ въ дѣлахъ своихъ?» —
«Пусть ищутъ, находятъ и скажутъ мнѣ:
я буду осторожнѣе въ будущемъ времени
и поступлю лучше.» — «Какъ! ты позво-
лишь, о свѣшльникъ міра! мудрецамъ сво-
имъ говоришь смѣло обо всемъ, что имъ
придетъ на мысль?» — «Иначе они не мог-
ли бы просвѣщать людей.» — «Но развѣ
самые мудрецы не могутъ ошибаться, не
могутъ принявъ заблужденія за истину?»
— «Одинъ ошибется, а другой замѣшитъ
и поправитъ ошибку.» — «Государь! я на-
конецъ долженъ открыть тебѣ все: съ то-
го времени, какъ народъ твой спалъ про-
свѣщаясь, нѣкоторые дерзкіе люди осмѣ-
ливаясь даже осуждать поступки своихъ
любимцевъ, облеченныхъ своею довѣрен-
ностію и даже меня, меня самого!» — «По-
нимаю,» сказалъ Халифъ, и вышелъ изъ
комнаты.

Эту прищучу я велѣлъ бы написать
золотыми буквами на какомъ нибудь пу-
бличномъ памятникѣ, для обличенія ханжей

и плушовъ, желающихъ водворишь невѣжесство, чшобъ въ мупной водѣ ловить рыбу. Желашельно, чшобъ всѣ законодашели имѣли передъ глазами примѣры Халифа Ааронъ-Аль-Рашида, кошорый, водворивъ просвѣщеніе въ грубомъ Азіяпскомъ народѣ, доставилъ ему силу, богапство и славу. Упало просвѣщеніе въ Азіи, — упала и Монархія Халифовъ!

Множесство купцовъ и спранниковъ соединились съ нами для безопаснаго пушешествія: ибо въ спранахъ невѣжесства нельзя иначе пушешествовать, какъ съ прикрытіемъ вооруженныхъ воиновъ. Мы нанмали спражу опъ города до города. Хозяинъ мой поручилъ мнѣ смопрѣніе за караваномъ, и обходился со мною весьма ласково, какъ съ равнымъ. Но когда мы пріѣхали въ Персидскія владѣнія, то онъ объявилъ мнѣ, чшо я его невольникъ, и чшо онъ купилъ меня у Жида-Ренегата. Тщешно я увѣрялъ его, чшо Ренегашъ не имѣлъ права продавать меня, попому, чшо я никогда не былъ взятъ въ плѣнъ, но пріѣхалъ

въ Константинополь добровольно, какъ пущеннеспвенникъ, подъ покровительствомъ законовъ и правъ народныхъ. Персіянинъ возражалъ мнѣ, что нынѣ война между Турками и Русскими, что Ренегату извѣстно, что я Русскій, слѣдовательно каждому Турку позволено брать въ неволю Русскаго, гдѣ ни попало, и что, кромѣ того, я долженъ Ренегату за кварширу и пищу столько, что во всю жизнь не въ состояніи выплашить. «Ты не торговался съ Ренегатомъ,» примолвилъ Персіянинъ: «слѣдственно онъ воленъ пославить на твой счетъ милліонъ секиновъ!» Для большаго убѣжденія меня въ законности моего рабства, Персіянинъ показалъ мнѣ какую-то бумагу, копорую онъ назвалъ купчею крепостью, засвидѣтельствованною Кадіемъ, въ Константинополь. Надобно было молчать и повиноваться! Проѣхавъ чрезъ знаменитые Персидскіе города, Тавризъ и Тегеранъ, мы прибыли наконецъ въ городъ Аспрабадъ, гдѣ мой хозяинъ имѣлъ постоянное свое пребываніе, и велъ обширную

торговлю съ Бухарою, Хивою и Россією. Онъ вовсе не употреблялъ меня по торговымъ дѣламъ, но поручилъ мнѣ обучать языкамъ сына своего, мальчика лѣтъ двѣнадцати, объявивъ, что всякое мое покушеніе, избавишься рабства, будетъ наказано смертію, а безропотное повиновеніе и смиреніе будутъ вознаграждены хорошимъ содержаніемъ и ласковымъ обхожденіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, со мною обходились въ домѣ довольно человѣколюбиво, какъ наши помѣщики, находясь въ хорошемъ расположеніи духа, обходясь съ дядьками ихъ сыновей, или приходскими учителями.

Однажды, я былъ въ комнатѣ моего хозяина, когда пришелъ къ нему купецъ покупать галантерейныя вещи. Мой господинъ разложилъ на столѣ кучу персидскихъ, серегъ и ожерелій Европейскихъ, и я весьма удивился, увидѣвъ между оными всѣ мои вещи, украденныя на корабль. Когда покупатель, попортовавъ и посмотрѣвъ вещи, вышелъ изъ комнаты, я сказалъ Персидянину: «Хозяинъ! между этими драгоценностями

ми, я вижу вещи, мнѣ принадлежащія. Я не могу подозрѣвать себя въ дурномъ поступкѣ, пошому, что ты не былъ на кораблѣ, на кошоромъ у меня похишили мою собственность. Но скажи, пожалуйста, какимъ образомъ ты досталъ эти вещи?» — «Я купилъ ихъ въ Констаншинополѣ у прежняго твоего хозяина, Жида-Ренегата,» отвѣчалъ Персіяннъ. «И такъ вошъ честность, кошорой научился Жидъ въ Магомешанской вѣрѣ!» воскликнулъ я невольно. «Пріятель!» возразилъ Персіяннъ: «не вѣра виновата, а человекъ. Даю тебѣ совѣтъ: остерегайся всегда доморощенного волка и человека, изъ подлыхъ видовъ своекорыстія перемѣнившего вѣру.»

Я слишкомъ при года пробылъ въ неволѣ, и наконецъ рѣшился бѣжать, не взирая на угрожающую мнѣ смерть. Я познакомился съ однимъ Бухарскимъ купцомъ, и обѣщалъ ему богатый выкупъ, если онъ проведетъ меня въ Россію. По счастью, эшопъ Бухарецъ бывалъ въ Москвѣ, и зналъ моего дядю, продавъ ему нѣсколько шалей,

для его домоправительницы. Бухарецъ вывезъ меня съ собою изъ Аспрабада, и присоединилъ къ каравану, идущему въ Россію, чрезъ Киргизскую степь. Остальное ты знаешь. Тебѣ обязанъ я свободою. Возвратясь въ Москву, я намѣренъ отыскашь жену мою; исправлюсь совершенно отъ двухъ несчастныхъ слабостей: волокитества и мотовства; опредѣлюсь въ службу, и трудами снискивать хопя бѣдное, но честное пропитаніе.» — «Аминь!» сказалъ я: «похваляю твое намѣреніе, а между тѣмъ, пора изготовляться въ путь.»

ГЛАВА VI.

Выѣздъ изъ стени. Опять Капитанъ-Исправникъ! Мытари. Пиръ приказныхъ.

Не стану описывать прощанья нашего съ Арсаланъ-Султаномъ, его семействомъ и цѣлымъ ауломъ. Скажу только, что изъ сплюснутыхъ карихъ глазъ Киргизовъ

текли слезы гораздо искреннѣе тѣхъ слезъ, кошорыми орошающся наши праурныя плашья съ плѣрезами, и хопя на Киргизскій языкъ не переведено ни прощаній Абельярда и Элоизы, ни прощаній Гекшора и Андрوماхи, ни дружескихъ объясненій Ореста съ Пиладомъ; но простодушныя прощальныя выраженія добраго Арсалана и моихъ товарищей, наѣздниковъ, распрогали меня до глубины сердца. Правду сказать, Киргизскія красавицы нѣсколько гнѣвались на меня, за то, что я рѣшился оставить шепъ, украшенную ихъ прелестями; но въ послѣднюю минуту все было забыто. Спарики упѣшали другихъ, повсюряя: «онъ возвратишся къ намъ; увидишя, что онъ возвратишся. Невозможно, чтобы такому славному малому правилось что нибудь болѣе Киргизской шепи!»

Мы съ Миловидинымъ ѣхали верхами. Ошставной солдатъ, Никиша Пешровъ, кошораго я принялъ въ услуженіе, велъ трехъ верблюдовъ, съ нашими вещами. Тридцать удалыхъ наѣздниковъ составляли

мое прикрытіе, и слѣдовали за нами въ пѣ-
кошоромъ разстояніи. Погода была теплая,
и странствіе наше было весьма пріятно.

Свѣтскій человѣкъ съ добрымъ серд-
цемъ и умомъ, только въ удаленіи отъ об-
щества познаетъ истинную его цѣну. Ме-
лочныя заботы, связи, знакомства, иска-
тельствва, отвлекающъ умъ отъ предме-
товъ важныхъ, и только ударъ несчастія
или уединеніе снимающъ съ глазъ очарова-
тельную завѣсу. «Теперь я чувствую въ
полной мѣрѣ все ничтожество того, что
почишалъ благами,» сказалъ мнѣ однажды
Миловидинъ: «и благодарю Провидѣніе, что
оно извлекло меня изъ пронаси порока
посредствомъ несчастія, которое я заслу-
жилъ своимъ легкомысліемъ, или, лучше
скажешь, дурнымъ поведеніемъ. Вотъ я въ
свѣтѣ одинокъ, безъ жены, безъ родныхъ,
безъ друзей, безъ всякаго состоянія, и да-
же не имѣю права возбуждать жалость
моимъ положеніемъ, и утѣшаюсь воспо-
минаніемъ моей невинности. Горькая участь!
Чѣмъ бы я могъ быть теперь, если бѣ

продолжалъ службу, употреблялъ мои способности на пользу общую, и старался снискивать вниманіе и уваженіе людей почтенныхъ, вѣрныхъ сыновъ опечеснва? Я искалъ въ жизни однихъ наслажденій, одного разсѣянія, не помышляя о будущемъ, не заботясь о настоящемъ. Чѣмъ оспалось мнѣ опѣ эпихъ пуспыхъ знакомствъ, опѣ связей, основанныхъ на разврашѣ? Пустота въ сердцѣ и раскаяніе въ душѣ. — Я погубилъ жену мою, копорой одинъ порокъ—вѣшренность. Я могъ сдѣлать изъ нее добрую и счастливую супругу, украшеніе своего пола. Любезный другъ! пусть мой примѣръ послужишь тебѣ урокомъ. Въ юности моей, я не имѣлъ надежнаго пушеводителя — вопѣ причина всѣхъ моихъ несчастій! Живое мое воображеніе и пылкость характера не имѣли никакой узды. Никто не думалъ о томъ, чѣмъ въпериль въ меня какія нибудь правила, копорыми бы я могъ руководствоваться въ жизни. Въ юности моей, я почиталъ синонимами: нравственность и скуку. Выжигишь! ты на-

ходишься почто въ такомъ положеніи, въ
какомъ я былъ въ твои лѣта. Тебя так-
же научили всему, кромѣ того, что тебѣ
необходимо знать должно. Осперегайся
людей, которые будутъ искашь твоего
дружества, для того только, чтобъ вмѣ-
стѣ искашь наслажденій. Не слѣдуй нико-
гда первымъ внушеніямъ, и обдумывай сред-
ства прежде, нежели примешься за испол-
неніе. Ты красавецъ! берегись женщинъ. . . .
Но ты зѣваешь, Выжигинъ! Вижу, что
нравоученіе болѣе дѣйствуетъ на насъ при-
мѣрами, нежели словами.» Въ самомъ дѣлѣ,
не имѣя привычки слушать нравоученія, я
едва не заснулъ на сѣдлѣ, когда Миловидинъ
изливалъ чувства свои изъ глубины души.
«Любезный другъ!» примолвилъ онъ: «волею,
или неволею, но я долженъ быть твоимъ
посредникомъ въ свѣтѣ. Если не про-
шедшая моя нравственность, то опы-
тность, желаніе исправиться и любовь моя
къ тебѣ даютъ мнѣ на то право.» Я по-
далъ ему руку, и онъ, хлопнувъ по ней,
сказалъ: «навѣки!»

За часъ пупи опть перваго Русскаго форпоспа, мы простились съ Киргизскою сшражей. Когда мы увидѣли Русскаго часоваго, сердца наши забились сильнѣе, и мы сквозь слезы молились, благословляя любезное опечесство. Надобно бытъ въ оплучкѣ, чпобѣ чувсшвовашъ пріятность возвращенія на родину. Первая минуша, когда переходишь чрезъ рубежъ, испинно очаровашельна. Будущее предсшавляешся въ самомъ блисшашельномъ видѣ, всѣ шѣни исчезающъ въ каршинѣ, и каждый человекъ, копорый говоришъ роднымъ языкомъ, кажешся другомъ, брапомъ!

Начальникъ форпоспа, казачій офицеръ, принялъ насъ очень ласково; но припомъ объявилъ, чшо какъ мы не имѣемъ пашпортовъ, и возвращаемся въ Россію съ вещами, небывшими еще въ употребленіи, шо онъ долженъ предсшавишъ насъ вопервыхъ мѣспшному начальсшву, гдѣ мы получимъ виды для свободнаго прожитья; во-вшорыхъ въ шамсжню, гдѣ пересмошряшъ наши шовары, возмущъ пошлину, и приложашъ клей-

ма. На другой день мы отправились въ пущь, въ сопровожденіи урядника и шесши казаковъ.

Пріѣхавъ въ уѣздный городъ, мы явились къ Капитанъ - Исправнику. Михайло Ивановичъ Шшыковъ былъ Маіоромъ въ пѣхотномъ полку, и, вышедъ въ отставку за ранами, принялъ должность Капитанъ - Исправника на своей родинѣ, по просьбѣ дворянъ. Онъ былъ человекъ лѣтъ сорока. Въ чертахъ лица его изображалась нѣкоторая угрюмость и важность. Примѣтно было, что онъ, сдѣлавъ привычку начальствовать и повиноваться, требовалъ почтительности отъ тѣхъ, которыхъ почиталъ младшими. Когда мы вошли къ нему, онъ едва приподнялся съ своего стула, и, въ вознагражденіе за наши поклоны, только кивнулъ головою. Потомъ взялъ бумагу отъ урядника, и когда вычиталъ въ ней, что Миловидинъ отставной Поручикъ, а я недоросль изъ дворянъ, привсталъ въ другой разъ, поклонился вѣжливо, хотя весьма сухо, и, какъ говорится,

съ высока; попомъ сѣлъ, и, указавъ на рядъ спульевъ возлѣ прошиволежащей стѣны, сказалъ пропяхно: «Милости просимъ садиться.» Между тѣмъ явился писецъ, который, выпянувшись спруной, руки пошвамъ, смопрѣлъ въ глаза начальнику, ожидая приказаній. «Милоспивые государи!» сказалъ Шпыковъ: «бывали случаи, что бѣжавшіе изъ Россіи люди, даже преступники, укрываясь въ степяхъ Киргизскихъ, возвращались опшуда, прибирая себѣ другія прозванія, и даже сказываясь чиновными. Для пресѣченія сего злоупотребленія, нынѣ постановлено, выдавать не прежде пашпорты Русскимъ выходцамъ, какъ удостовѣрившись, что показанія ихъ справедливы. И такъ извините, что я долженъ удерживать васъ въ нашемъ городѣ, пока не придутъ опвѣпы изъ Москвы и изъ губернскаго города на мои бумаги, копорыя я опправляю сегодня же. Знаю, что если бѣ я спалъ дожидаться, пока получу судебное разрѣшеніе на выдачу вамъ пашпортовъ, то вамъ пришлось бы здѣсь посѣ-

дѣшь съ горя и опѣ старости. Но я позволяю себѣ нѣкоторыя опсупленія на пользу общую. Къ Губернатору я писалъ прямо въ собственныя руки, а въ Москву — къ пріятелю моему. Если увѣрюсь въ истиннѣ вашихъ показаній, то пройду шпурмомъ чрезъ всѣ формы. Теперь прошу одного изъ васъ удалиться на другую половину, пока съ другаго возьмупѣ изустное показаніе.» Служитель провелъ меня въ другую комнату, чрезъ сѣни, и я опѣ скуки спалъ разсмаприваніи карпинки, висѣвшія на спѣнахъ въ деревянныхъ рамочкахъ, выкрашенныхъ черною масляною краской. Болѣе всего обрапила на себя мое вниманіе надпись за спекломъ, написанная на пергаминѣ буквами, соспавленными изъ человѣческихъ фигуръ въ разныхъ положеніяхъ, верхъ ногами, на колѣняхъ, ползкомъ и ш. п. Надпись гласила: *таковъ нынѣ свѣтъ!* Далѣе висѣли раскрашенные пальцемъ и гравированные гвоздемъ эспамны: *четыре сремени года, четыре части свѣта, приключенія Женева-евы Брабантской*, а въ самомъ почешномъ

мѣстѣ, надъ большимъ спуломъ, портретъ Петра Великаго. Въ небольшомъ шкафикѣ стояло за стекломъ нѣсколько десятковъ книгъ, между коими я замѣтилъ: *Библію и Носый Заветъ; Ядро Россійской Исторіи Хилкова; Россійскую Исторію Татищева; Памятникъ изъ Законовъ; Сочиненія Ломоносова и Адресъ-Календарь*. Чрезъ четверть часа позвали меня въ комнату Исправника, гдѣ я долженъ былъ отвѣчать на вопросы пункшы. Я объявилъ только, что выѣхалъ изъ Москвы опъ шепки моей съ Воровапинымъ въ Оренбургъ; что заболѣлъ въ этомъ городѣ, и, пришедъ въ чувство, очутился въ плѣну у Киргизовъ, самъ не зная, какимъ образомъ. Я не хотѣлъ высказывать моихъ догадокъ на счетъ Воровапина и Ножова, и того, что Арсаланъ-Султанъ спасъ меня изъ рукъ изверговъ, хотѣвшихъ лишить меня жизни. Это слишкомъ далеко завлекло бы меня, и могло бы навязать уголовное дѣло. Миловидинъ совѣщивалъ мнѣ помолчать до времени, пока мы не развѣдаемъ чего нибудь сами, или

не вступимся съ Вороватымъ. Когда кончился допросъ, Исправникъ потребовалъ, чшобъ я опдалъ ему въ сохраненіе всѣ свои деньги, и объявилъ, что онъ пріискалъ для насъ дешевую и покойную кварширу, гдѣ намъ будутъ давать все въ долгъ. «Деньги опдамъ я вамъ тогда,» примолвилъ онъ: «какъ получу опвѣщаніе изъ Москвы и опъ Губернатора!» При сихъ словахъ Миловинъ не могъ удержати своего гнѣва, и воскликнулъ: «Какъ вы смѣете грабити насъ?» — «Грабити!» повторилъ Исправникъ, покраснѣвъ опъ досады. «Государь мой! я бралъ города штурмомъ, завоевывалъ провинціи — и никогда не грабилъ. Благодарите судьбу, что ваше положеніе и мое званіе не позволяющъ намъ расчитаться другимъ образомъ. Я дѣйствую по закону. Понимаете ли: по закону! Вы безпашпортные; я не знаю, кто вы, и пошому не могу оставить у васъ денегъ, чшобъ вы не уничтожили всѣхъ предосторожностей, взятыхъ мною на вашъ счетъ. Это все равно, если бъ я опдалъ плѣннымъ Туркамъ ключи опъ пороховаго магазина въ

крѣпости. Извольте ипши въ свою квар-
тиру!» Вспомнивъ о Савѣ Савичѣ, и думая,
что всѣ Капитанъ-Исправники на одинъ
покрой, я сказалъ ему: «Послушайте, Г.
Маіоръ, кончимъ миролюбиво! Возьмите се-
бѣ двѣсти червонцевъ, и опустите насъ,
сегодня же, въ Москву, безъ дальнихъ хло-
потъ.» Исправникъ снова покраснѣлъ, усп-
ремплъ на меня свои большіе глаза, и мол-
чалъ. «Если вамъ мало,» примолвилъ я: «возь-
мите еще сто, и избавьте насъ отъ вся-
кихъ припязаній.» Тутъ Исправникъ вспых-
нулъ, и, проговоривъ дюжины при руга-
тельствѣ, неопносящихся однако жъ ни къ
чьему лицу, а повсюрюемыхъ нами иногда,
въ родъ поговорекъ, закричалъ какъ испу-
щенный: «Молодой человекъ! замолчи, или я
не выдержу! Какъ ты смѣешь предлагать
мнѣ деньги? Ты вѣрно провелъ молодость
свою съ плутами, или» Опъ опъ доса-
ды не могъ кончить своей рѣчи. Я отвѣ-
чалъ хладнокровно: «Извините, я знаю Ка-
питанъ-Исправниковъ, Судей и даже Про-
куроровъ!» — «Чортъ ихъ всѣхъ побери и

съ вами!» воскликнулъ Исправникъ: «Опдай-
те деньги и убирайтесь.» Дѣлать было
нечего, и я опдалъ мой мѣшокъ съ червон-
цами. Исправникъ пересчиталъ въ молчаніи
деньги, далъ мнѣ расписку въ полученіи
опыхъ на сохраненіе, и велѣлъ инвалиду
проводить насъ на кварширу, сказавъ,
что эиопъ служивый останется при насъ
для почешной спражи. Когда мы вышли на
улицу, Миловидинъ сказалъ: «Вопъ, брапъ,
нопали мы изъ одной сшепи въ другую!
Эпопъ Г. Исправникъ право не вѣжливѣе
Киргизскихъ наѣздниковъ. Не видашь намъ
червонцевъ, какъ ушей своихъ! Золото рас-
таешъ какъ масло, когда только спанешъ
переходишь по рукамъ приказныхъ. Про-
кляшый Капишанъ-Исправникъ!» — «Не сер-
дись, любезный другъ, и не сѣши въ суж-
деніяхъ,» отвѣчалъ я: «правда, что эпопъ
Исправникъ грубъ, какъ дикая лошадь, но
ты видѣлъ, какъ онъ сердился, когда мы
подозрѣвали его во взяпкахъ.» — «Все это
однѣ только уловки, возразилъ Миловидинъ:
«я давно уже переспалъ вѣришь безкоры-

ещію приказныхъ, и гошовъ бышся обѣ
закладъ, что намъ не видашь болѣе червон-
цевъ! У этого грубіяпа и пушечными вы-
стрѣлами не выбьешь денегъ изъ кармана.
На что ему было брать опѣ тебя часпѣ,
когда онъ схватилъ цѣлое; а ты знаешь
математическую аксіому, что часпѣ не
можешъ бышъ равна цѣлому.» — «А распис-
ка?» — «Важна ли расписка на доскупкѣ,
когда и гербовая бумага въ рукахъ подъячихъ
стараешъ, какъ на угольяхъ. Тебя пакъ
опушашъ, что ты самъ опречешся опѣ
своей собственности, ради спасенія души и
сохраненія шѣла.» — «Увидимъ!» — «Увидимъ!»

Для насъ наняли двѣ чистыя комнаты
въ домъ купца, торгующаго винами, саха-
ромъ, чаемъ и вообще пряными кореньями.
Мы заспали уже Гг. таможенныхъ чинов-
никовъ, копорые расхаживали вокругъ на-
шихъ кипѣ съ поварями, какъ лисицы во-
кругъ курятника, а нашъ опсшавной сол-
дашъ, какъ вѣрный песъ, спорожилъ нашу
собственность, сидя на одной кипѣ, и по-
глядывая искоса во всѣ стороны. Лишь

только мы вошли въ комнату, таможенные чинovníки явились къ намъ: одинъ съ клеймами, молоткомъ и шнурками, другой съ бумагою, претпй съ большою книгою подъ мышкою. «Извините, милостивые государи, что мы должны обезпокоить васъ,» сказалъ одинъ изъ нихъ съ нѣжною ужимкой. «Но мы скоро кончимъ,» возразилъ другой. «И кончимъ какъ вамъ угодно, полагаясь на ваше слово,» примолвилъ претпй.»— «Должность наша сопряжена съ большими непріятностями,» сказалъ первый: «но между честными и образованными людьми есть средства, есть способы смягчить и ускорить скучное и непріятное производство дѣла. Особенно въ пеперешнемъ случаѣ должно быть снисходительными: вы не купцы, вы не знаете, что вамъ надобно подать объявленіе, приложить списокъ товаровъ, означить цѣну, написать и подписать многое множество разныхъ бумагъ.»— «Все это я беру на себя,» сказалъ другой, свершывая бумагу въ трубку, и вѣжливо поклонившись. «Потомъ клейма, оцѣнка,»

примолвилъ первый. «Эпо мое дѣло,» сказалъ претій, поклонившись. «Наконецъ оплаша пошлнѣ: мое дѣло,» сказалъ первый, возвыся голосъ, и посмопрѣвъ значительнѣ на двухъ прочихъ. «Господа!» сказалъ я: «дѣлайте, что вамъ слѣдуетъ. Мы ничего не понимаемъ въ эпомъ ремеслѣ; но, видя вашу вѣжливостъ, надѣемся, что вы насъ не обидите.» — «Обидѣшь, сохрани Богъ!» воскликнули всѣ прѣе вмѣстѣ. «Теперь позвольте намъ заняшь дѣломъ,» сказалъ первый: «и прошу быть свидѣтелями, пошому, что мы чужды всякихъ прижимокъ, и не хопимъ даже возбудишь подозрѣнїя въ честныхъ людяхъ.»

Мы вышли всѣ вмѣстѣ подъ навѣсъ, гдѣ лежали кипы съ товарами. Нѣсколько сторожей принялись ихъ развязывать, и я, не зная самъ, что въ нихъ находнтся, весьма обрадовался, увидѣвъ цѣлыя кучи шелковыхъ шканей, Бухарскихъ плашковъ, и даже одну кипу шалей Турецкихъ, опличной доброшы. Я примѣнилъ, что краска выступила на лицахъ шаможенныхъ чинов-

никовъ, при видѣ эпихъ поваровъ.» Первый изъ нихъ взялъ подъ руку меня и Миловидина, отвелъ въ сторону, и сказалъ: «Пошлины за эти товары будутъ вамъ стоить ужасно дорого, почти половины всей цѣны. Но мы все это сладимъ такъ, чтобы и волкъ былъ сытъ, и овцы цѣлы. Однако жъ для оцѣнки, позвольте намъ взять на домъ по нѣскольку штукъ изъ всѣхъ поваровъ: ибо оцѣняя при людяхъ, вы понимаете, нельзя будетъ сдѣлать что либо въ вашу пользу.» Я посмотрѣлъ на Миловидина; онъ улыбнулся и пожалъ плечами. «Дѣлайте, что хотите, только кончите поскорѣе,» сказалъ я. Чиновникъ поклонился вѣжливо, и, возвращаясь къ кипамъ, прошепталъ своимъ товарищамъ по нѣскольку словъ, и сталъ откладывать товары на сторону. Между тѣмъ другой писалъ, а прешій клеймилъ. Дѣло горѣло въ рукахъ. Наконецъ смерклось, и господа шаможенные чиновники ушли, оставивъ при товарахъ своихъ часовыхъ. Когда же сдѣлалось темно, то прѣхалъ чрезъ заднія ворота ямщикъ, уло-

жилъ въ повозку опложенные на сторону
повары, и повезъ ихъ со двора — для
оцѣнки!

На другой день, со свѣшомъ, явился
одинъ изъ таможенныхъ чиновниковъ со
множествомъ бумагъ, на копорыхъ мнѣ
должно было подписаться. Наконецъ онъ
представилъ оцѣнку товаровъ и счесть слѣ-
дующихъ съ меня пошлинъ. Я написалъ за-
писку къ Исправнику, прося его удовле-
творить Таможню, что онъ поспѣшь ис-
полнилъ, и, пришедъ къ намъ на кварширу,
сложилъ всѣ повары въ амбаръ, и запеча-
талъ, сказавъ: «Товары ваши подвергаю-
ся одной участи съ червонцами: вы будете
имѣть право распоряжатъ ими тогда, какъ
я получу отвѣтъ.»

Когда вся эта операція кончилась, хо-
зяинъ нашъ, почтенный старикъ съ сѣдою
бородой, вошелъ въ нашу комнату, и сказаъ,
что если мы будемъ имѣть въ чемъ нужду,
то относимся бы къ нему. Я просилъ его
сходить къ Гг. таможеннымъ чиновникамъ,
и попросить ихъ, чтобы они отдали намъ

повары, взяшые на домъ для оцѣнки. «Что съ возу уцало, то пропало!» примолвилъ, улыбаясь, спарикъ. «Не взирая однако жъ на это, съ васъ взяли пошлину вдвое противъ тарифу. Эти господа не забыли ни себя, ни казны.» — «Это называется умѣнье соединять полезное съ пріятнымъ!» сказалъ Миловидинъ. Я хотѣлъ было сердиться, жаловаться, но купецъ успокоилъ меня, и удержалъ отъ всякихъ покушеній, предсказавъ, что все это будетъ напрасно, пошому, что я подписалъ квишанціи.

«Надобно терпѣливо покоряться обстоятельствомъ, когда невозможно ихъ избѣгнуть, почтенные господа!» сказалъ купецъ. «Напримѣръ, если въ домъ двери низки, то каждый, кто чрезъ нихъ желаетъ войти, долженъ непременно наклониться, чтобы не удариться лбомъ. Если на мосту одно бревно положено выше другихъ, то каждая повозка непременно должна встряхнуться, проѣзжая чрезъ него. Такъ точно, въ нѣкоторыхъ дѣлахъ человеческихъ, есть всегдашній злоупотребленіи, раждающіися отъ

удобности дѣлашь ихъ; ни время, ни законы, ни сила не могутъ ихъ искоренить. Еще во времена Апостольскія, мытари славились своимъ ремесломъ, которое доставляло имъ богатство вмѣстѣ съ нареканіями народа. До сихъ поръ собиратели пошлинъ, во всѣхъ странахъ міра, поддерживаютъ съ блескомъ древность своего происхожденія, и подражаютъ знаменитымъ предкамъ своимъ, какъ достойныя поминки. Вы сегодня испытывали это на себѣ, господа; а я испытываю цѣлую жизнь. Впрочемъ, милоспивые государи, не судите о всѣхъ по нѣкоторымъ. Каждая вещь имѣетъ лицевую сторону и изнанку, и между нынѣшними мытарями вы найдете людей, достойныхъ всякаго уваженія. Но, по несчастію, свѣтъ идетъ такимъ порядкомъ, что гдѣ болѣе случаевъ къ грѣху, тамъ болѣе грѣха. Трудно кузнецу не обжечься, трудно рыбаку не замочиться. Вы понимаете меня, господа!»

Первымъ нашимъ спараніемъ было одѣться по-Европейски, ибо у насъ не бы-

ло другой одежды, кромѣ Киргизской. Имѣя деньги, я хотѣлъ одѣшся по модѣ. Пока хозяинъ доспавалъ намъ сукна, мы нѣсколь-ко дней провели, не выходя изъ дому, и смотрѣли въ окно на прохожихъ. Домъ былъ на площади, на которой находился Нѣмецкій пракширъ. Здѣсь толпились чиновники и дворяне, пріѣзжающіе въ городъ за дѣлами, или опѣ бездѣлья. Мы хотѣли присмотрѣшся модамъ, но никакъ не могли добиться толку: въ уѣздномъ городѣ, всякой молодецъ на свой образецъ, въ полномъ значеніи сего выраженія. Молодые люди носили ужасные бакенбарды, усы закопѣлые опѣ табачнаго дыму, и Испанскую бородку. Распрепанная голова покрыва была карпузомъ, или фуражкой. Венгерка, ш. е. серпукъ, убранный шнурками по-гусарски, или казачій чекмень, длинные плисовые или нанковые шаровары и чернѣй галспукъ, составляли весь нарядъ уѣзднаго щеголя. Фраки хранились на важные случаи, балы, свадьбы и званые обѣды. Каждый помѣщикъ запасался одеждою въ столицѣ,

когда случалось ѣздить туда для займа денегъ въ Опекунскомъ Совѣтѣ, или выписывалъ плащье чрезъ пріятелей изъ губернскаго города. Опъ того въ уѣздномъ городѣ не было постоянного покроя, и не возможно было узнать, кошорая изъ запоздалыхъ модъ была послѣдняя. Кромѣ того, модные фраки и жилеты весьма часто переходили изъ рукъ въ руки посредствомъ мѣновой торговли, съ помощію 52 раскрашенныхъ листиковъ, и опъ того плащье не у всякаго было по росту и по объему. Словомъ, мы были такъ несчастны, что не могли увидѣть въ теченіе шести дней ни одного человѣка, одѣшаго по модѣ, а шрое городскихъ поршнихъ, кошорыхъ мы пригласили на совѣтъ, разногласили между собою. Наконецъ, пріѣхавшій изъ Москвы управитель одного вельможи, вывелъ насъ изъ недоумѣнья. Мы, взявъ его за образецъ, одѣлись кое-какъ, на первый случай, и спали выходить изъ дому.

Первоспепенныя особы въ городѣ были: Городничій, Уѣздный Спряпчій, Казна-

чей и Члены Уѣзднаго Суда: послѣдніе однако жъ не имѣли сильнаго вліянія на общество, пошому, что жили по деревнямъ, и прїѣзжали въ городъ только на сроки засѣданія Суда. Представителемъ ихъ былъ Секретарь, копорый въ своемъ лицѣ соединялъ всю важность судилища въ юридическомъ и свѣтскомъ отношеніяхъ. Капишанъ - Исправникъ, хошя имѣлъ большое значеніе въ уѣздѣ, но въ городѣ власпъ его уступала власпи Городничаго, и пошому онъ былъ ни первымъ, ни вторымъ, но равнымъ Городничему, слѣдовательно естественнымъ его соперникомъ. Въ семъ небольшомъ кругу, большой свѣтъ, (со всеми своими интригами, причудами и спранностями) отражался:

„Какъ солнце въ малой каплѣ водъ!“

Попрошесствіи двухъ недѣль, Капишанъ - Исправникъ, будучи доволенъ скромнымъ нашимъ поведеніемъ, укропилъ гнѣвъ свой, и заспавилъ сеспру свою, жену Спряпчаго, пригласилъ насъ къ себѣ на именины. Мы пришли къ самому обѣду, и заспали уже

многочисленное общество. Дамы, разряженные въ блондовыхъ чепцахъ, въ богатыхъ плащяхъ, въ Турецкихъ шаляхъ, украшенные жемчугомъ и бриліанпами, сидѣли особо, и говорили громко между собою. Дѣвицы составляли особый кружокъ, и перешепывались, пошупивъ взоры. Хозяйка не занималась сама съ гостями, но перебѣгала по всѣмъ комнатамъ, суешилась и заботилась. Блондовый чепецъ ея нѣсколько почернѣлъ отъ кухоннаго дыма, и локоны распустились отъ жару. Какъ скоро новая гостья входила въ комнату, то маленькая дочь хозяйки тотчасъ давала ей знать объ этомъ; она выбѣгала въ попрыгахъ изъ кухни, вся раскраснѣвшись; потомъ поздоровавшись съ новопріѣзжею и указавъ ей мѣсто, снова поспѣшала къ хозяйству.

Другія гостьи съ жадностью осматривали новоприбылую пріятельницу съ головы до ногъ, и, казалось, взорами срывали съ нея наряды. Мужчины, по большой части чиновники, были всѣ въ мундирахъ: они важно расхаживали по комнатамъ, ча-

сто оспанавливаясь возлѣ сполика, на которомъ споляла водка и закуски. Всѣ знали о нашемъ приключеніи, и о томъ, что у меня естѣ деньги и шовары, а пошому всѣ обращались съ нами довольно вѣжливо, однако жъ съ видомъ покровительствва, ибо не извѣстно еще было, буду ли я просишелемъ или свободнымъ опѣ слѣдствія и суда.

Я хопѣлъ послушать, о чемъ разговаривающѣ между собою провинціальныя чиновницы, и, оспановясь въ дверяхъ небольшой госпиной, услышалъ слѣдующее:

«Ахъ, мапушка, какой у васъ пребогатый чепецъ! Неужели это съ ярмарки?» — «Нѣшъ, мапъ моя; прямехонько изъ Москвы, съ Кузнецкаго моспу, опѣ мадамы Француженки.» — «А ваше плашье, сударыня, здѣсь ли шипо?» — «Помилуй Богъ! Ужъ мнѣ эпи доморощенныя швеи нашей Дворянской Предводишельши! Рѣжущѣ да шьющѣ, а фасону-шо, мапушка, не могушѣ никакъ сняшѣ съ модныхъ карпинокъ.» — «Да вѣдъ журналы-шо писаны по-Французски!» — «Что за бѣда: сама Мапрена Ива-

новна, вѣдь только и дѣла, что сидишь за Французскими книгами. Могла бы располоквашь своимъ швеямъ.» — «Да вѣдь для швей-то пишушь поршныя, такъ не всякой поймешь, когда масперовые заговоряшь своимъ языкомъ.» — «И по правда: недавно сынокъ Андрея Кузьмича чиналъ мнѣ описаніе моднаго плащя. Носишь такъ сношу, а поняшь право мудрено!» — «Ужъ нечего сказашь, мудреный народъ эшн Французы, откуда слова берущся для названія каждаго шва, каждой пепельки, каждой складочки!» — «Да вы, милая моя, и не похвастались новою своею шалью? Пребогата!» — «А гдѣ купили?» — «Мой Сидоръ Ермолаевичъ привезъ ее съ опкамандировки.» — «Дай Богъ ему здоровья!» — «А вашъ фермуаръ гдѣ купленъ, милая кумушка?» — «Въ Пешербургѣ.» — «Да я видала его у жены опкупщика.» — «Мой Карпъ Карпычъ взялъ его за долгъ, и въ дорогой цѣнѣ, мапушка.» — «Такъ ужъ опкупщикъ входишь въ долги?» — «Ужъ не Спряпчему же бышь должнымъ опкупщику!» — «И по правда,

мапушка.» — «Ахъ, ксшапи, была ли у васъ Акулина Семеновна Падчерицына: вѣдь идепъ слѣдствіе по дѣламъ ея мужа.» — «Была.» — «И у меня была.» — «И у меня.» — «Ахъ, мапушка, что за женщина! Ужъ ей бы родиться приказнымъ. Такъ и сыплетъ указами! Все охаетъ, да жалуется на бѣдность, на припѣсненія, а какія шали, какіе жемчуги!» — «Сказываюпъ, что она не забывала себя, когда муженекъ ея былъ при мѣспѣ.» — «Какъ забывашъ, вѣдь она не дура!» — «Сошлись по праву и по сердцу!» — «Слыхали ли вы анекдотъ про эти большіе жемчуги, копорые у нее висяпъ на шеѣ, какъ хомушъ, проси Господи!» — «Нѣпъ!» — «Ахъ, раскаише, раскаише!» — «Какъ мужъ-то ея былъ въ силѣ, по Секретарь не смѣлъ написать заключенія, не спросясь Акулины Семеновны, а просипели должны были являпъся прежде къ ней, чѣмъ въ Судъ съ челобитьемъ. Однажды пришла къ ней спарушка, въ плапочкѣ и въ худенькой шубейкѣ, просипъ за внука, копорого общество опдало въ рекрушы.

Поклонясь въ ноги, спарушка подала Акулинѣ Семеновнѣ шавлинку, примолвивъ: — «возьми, мапушка: не тебѣ, шакъ дочкѣ пригодится.» — Акулина Семеновна думала, что спарушка даритъ ей шавлинку съ табакомъ, разсердилась, закричала во все горло, чтобъ помѣщики, копорые были въ другой комнаѣ, услышали о ея безкорыстїи, и ударила спарушку по рукѣ. Шавлинка упала на землю, и по полу рассыпался жемчугъ. Вошъ шущъ-то суешы! Акулина Семеновна сама бросилась на полъ, и давай подбирать жемчугъ, да кричать изо всей силы, чтобъ дочка ея, Ашенька, подоспѣла къ ней на помощь. Ашенька прибѣжала къ ней изъ другой комнаѣ, и позабыла прихлопнуть дверь, шакъ дворяне-то и увидѣли всю комедию. Одинъ изъ нихъ спросилъ спарушку на улицѣ, да и выпустилъ вѣсть по цѣлой губернїи». — «Ха, ха, ха!» — «Вошъ-ше и наука, чтобъ не пренебрегать малымъ. Не даромъ Сидоръ Карпычъ всегда повѣряетъ: «всякое даянїе есть благо, и всякъ даръ совершенъ.»

Въ это время насъ позвали къ обѣду. Дамы усѣлись на одной сторонѣ, на верхнемъ концѣ стола, а мужчины помѣстились особо. Я занялъ мѣсто возлѣ Капишанъ-Исправника. Обѣдъ начался огромнымъ пирогомъ съ рыбою, въ кошоромъ могла бы выпасться сама почтенная хозяйка. Наливки всѣхъ цвѣтовъ и названій поспѣшили на помощь пирогу, и бросились опрометью и въ большомъ количествѣ въ горло гостей, чѣмъ предохранить ихъ отъ вредныхъ слѣдствій недопеченаго шѣща и полусырой рыбы. Въ слѣдъ за пирогомъ слѣдовали холодныя: поросенокъ съ хрѣномъ, спудень, вепчина, и ш. п. Холодное надлежало разогрѣть, и опять прибѣгнули къ наливкамъ и къ мадерѣ, кошорая весьма пріятно свѣпилась въ пивныхъ спаканыхъ. Вкусныя Русскія щи надлежало также развесить въ желудкѣ мадерою, и шакъ, пока дошли до перваго кушанья послѣ щей, уже лбы почтенныхъ собесѣдниковъ покрылись блестящимъ лакомъ, а носы зардѣлись какъ клюковки. Здѣсь-то я выразумѣлъ на-

стоящій смыслъ Русской пословицы: «первая чарка коломъ, а вторая соколомъ.» Разница въ томъ, что лепали соколомъ не чарки, а спаканы и бупылки. Пока нѣсколько блюдъ съ соусами обошли кругомъ до появленія жаркаго, всѣ госпи (исключая Капишанъ-Исправника, меня и Миловидина) были въ такомъ расположеніи духа, что гошovy были лѣзть на бапарею. Вино размочило пвердыя приказныя сердца, и опкровенность поднялась изъ нихъ въ видѣ густаго пара, и осѣла на языкъ. «Маршынычъ!» воскликнулъ Секретарь Земскаго Суда такъ громко, что окна запряслись въ домъ: «Маршынычъ!... Измѣнилъ ты мнѣ, окаанный: выпустилъ медвѣдя изъ моихъ пенешъ. Вѣкъ бы тебѣ не проспиль, если бѣ не жена твоя, моя кумушка.» — «Полно не сердись, Карпычъ,» опивчалъ Уѣздный Спряпчій: «когда бѣ ты одинъ содралъ шкуру съ медвѣдя, то намъ не доспалось бы ни куска шерсти. Нечего сказать, ты мастеръ попрошиться просишелей, Карпъ Карпычъ, а у меня вѣдь также жена и

дѣшки хлѣба просятъ.» Всѣ засмѣялись. «Нечего сказать, масперъ попрошишь, Карпъ Карпычъ!» воскликнули со всѣхъ сторонъ. Секретарь гордо перевалился на спулъ, погладилъ себя по головѣ и по брюху, и важно сказалъ: «Дѣло маспера боишься.» — «Почтенные господа!» воскликнулъ съ конца стола сухощавый, лысый и черномазый подъячій, тонкимъ и звонкимъ голосомъ: «вся мудрость человѣческая выписана на Голландскомъ червонцѣ. Вся Латынь, копорой обучался я въ Семинаріи, не сподишь одной эпой надписи: *Concordiâ res parvae crescunt*, сирѣчь: *согласіемъ вещи держатся*. Это означаетъ, что если господа Судьи хошятъ имѣть червончики, то должны жить мирно, согласно, рѣшятъ дѣла единодушно, и слушать Секретаря. Вѣдь кавалеръ-шо, изображенный на червонцѣ, естъ не кто иной, какъ Секретарь, а пукъ спрѣлъ въ рукѣ его означаетъ шо, что онъ долженъ всѣхъ Судей и всѣ дѣла держать въ рукахъ!» — «Браво, Климычъ, браво!» воскликнули приказные въ воспоргѣ.

«Держать въ рукахъ,» примолвилъ Секретарь: «да еще и въ ежовыхъ рукавицахъ!»

Между тѣмъ внесли корзинку съ Шампанскимъ, и начались тоспы. Выпивъ за здоровье хозяйки, хозяина и наконецъ cadaго гостя и опдѣльно жены его, чада и домочадцевъ, принялись за пишье какъ за работу, какъ за очищеніе бушелока по порядку. Когда корзины кончили, тогда вспали изъ-за спола, и кое-какъ побрели въ гостиную.

Я не упоминалъ до сихъ поръ о сосѣдѣ моемъ, Капитанѣ-Исправникѣ. Онъ не принималъ никакого учасшья ни въ пишьѣ, ни въ разговорахъ почпенной компаніи, и молчалъ въ продолженіе обѣда. Госпи также не обращались къ нему съ рѣчами, потому, что зная нравъ его, опасались, что онъ не сказалъ имъ въ глаза какой нибудь жестокой правды, обыкновенно называемой грубосшью. Послѣ обѣда Капитанъ-Исправникъ пригласилъ меня и Миловидина въ садикъ, лежащій къ споловой залѣ, гдѣ, между разсыянными въ безпорядкѣ фрукто-

выми деревьями, произрастали подсолнечники, макъ и пивоніи. Мы съѣли на дерновой скамьѣ, и Капишанъ-Исправникъ сказалъ: «Я съ удовольствіемъ замѣшилъ, что вы не любите осушать стекло, по примѣру любезныхъ моихъ сослуживцевъ. Вы можете судить о моемъ горестномъ положеніи,» примолвилъ онъ, обращаясь къ Миловидину, «видя, съ какими людьми долженъ проводить жизнь спарый служивый. Но нужда добить камень. Эти приказныя пѣвицы давно бы задушили меня, если бъ по счастью, или по несчастью, я не породнился бракомъ сестры моей, съ однимъ изъ ихъ шайки, и не былъ въ милости у Губернатора, прежняго моего Генерала. Пропиву печенія мудрено пить. Довольно и того, что я успѣлъ оградить свою часть управленія отъ ихъ вліянія. Дворянство меня выбрало, и положило мнѣ содержаніе, едва достаточное для прожитія. Поживите здѣсь, услышите болѣе о Шпыковѣ, а между тѣмъ, прошу васъ не заключать по видѣнному и слышанному о цѣломъ уѣздѣ. Здѣсь

есть честные и благородные люди между помещиками и выбранными опшъ дворянства чиновниками; но какъ, по несчастію, наши дворяне не учашия Русскому законовъдѣнію, и немногіе изъ нихъ привыкли къ письменной работѣ, а тѣ, копорые служили въ гражданской службѣ, уклоняюпся опшъ выборовъ, удаляясь въ деревню на покой: по само по себѣ разумѣется, что дѣлами ворочаюпъ приказные. Это особая порода на свяшой Руси, копорая живишся, какъ моль, указною пылью. Совѣшую вамъ иппи домой, чшобъ не бышъ свидѣтелями еще большаго соблазна. Можешъ случишся, чшогоспода блюспипели правосудія вцѣпяшся другъ другу въ волосы, когда дойдешъ дѣло до объясненій.» — Исправникъ вспалъ, и мы послѣдовали его совѣшу. Между пѣмъ въ садъ вошли многіе изъ госшей, держась за руки и напѣвая пѣсни. Вошедъ въ комнашы, чшобъ опыскашъ наши фуражки, мы увидѣли, чшопуже на одномъ столикѣ играли въ банкъ, а на другомъ въ горку, и пучки ассигнацій начали переходишъ изъ рукъ въ руки.

Пришедъ домой, мы попросили къ себѣ хозяина, чѣмъ онъ объяснилъ намъ нѣкоторыя непонятныя для насъ вещи: «Располкуйше, пожалуйше,» сказалъ я: чѣмъ заспранный челоѣкъ вашъ Исправникъ?» — «Онъ слыѣшъ у насъ *тудаколи*,» отвѣчалъ хозяинъ. Въ самомъ дѣлѣ, Михайло Ивановичъ Шпыковъ непохожъ на своихъ поварищей, онъ того и кажется всѣмъ заспраннымъ. Онъ происходитъ изъ мелкопомѣстныхъ дворянъ здѣшняго уѣзда. Въ военную службу вступилъ онъ съ молодыхъ лѣтъ, и по смерти своихъ родителей, опдалъ часть своего наслѣдства сиротамъ, дѣтямъ покойной своей сестры, бывшей замужемъ за однимъ честнымъ, но бѣднымъ чиновникомъ. Другую сестру его вы знаете. Дослужившись до Маіорскаго чина и вышедъ за ранами въ отсѣлку, онъ жилъ здѣсь у меня въ домѣ, небольшимъ своимъ пенсіономъ, пока дворяне не предложили ему мѣста Исправника. Михайло Ивановичъ объявилъ рѣшительно, чѣмъ онъ взятокъ брать не умѣетъ, и не хочетъ этому

учишься, а пошому не можешъ и не желаешъ принятъ мѣста, съ копорымъ сопряжены излишніе расходы. Дворянство упростило его наконецъ принятъ мѣсто, и положило даватъ ему извѣстную сумму на канцелярію и на разъѣзды, съ вѣдома начальства. Вотъ ужъ десятъ лѣтъ, какъ онъ Исправникомъ, и всѣ честные люди его благословляють. Всѣ земскія повинности, починка дорогъ, подводы, поштой распредѣляються у насъ съ величайшею точностью, по очереди и по числу душъ. Взиманіе подапей и недоимокъ производится безъ всякаго послабленія, но съ величайшимъ снисхожденіемъ къ бѣднымъ. Бѣглые и праздношатающіеся не смѣють появишься въ нашемъ уѣздѣ; поселяне, зная, что поимкою ихъ могутъ угодишь доброму своему Исправнику, котораго они называютъ опцомъ, все опреклись опъ приспанодержательства, и пошчасъ представляють бѣглыхъ въ Судъ. Слѣдствія производятся безъ угрозъ и побоевъ, но съ неумышленною справедливостію. На ярмаркахъ, Михайло Ивановичъ не бе-

решъ съ купцовъ денегъ за позволеніе пор-
говашъ конпрабандою, или обманывашъ не-
свѣдущихъ дурными товарами, но наблю-
даешъ за порядкомъ, за вѣсомъ, мѣрою и
качествомъ товаровъ. При рекрутскихъ
наборахъ, старослы и выборные въ казен-
ныхъ волостяхъ не смѣютъ отдавать
въ солдаты не въ очередь, и лишаютъ
последней поддержки беззащитныхъ родите-
лей. Управители частныхъ имѣній, кошо-
рыхъ хозяева живутъ въ столицахъ, не
могутъ угнетать крестьянъ, и обманывать
своихъ господъ. Даже порочные, или злые
господа, копорые, слава Богу, весьма рѣдки,
не могутъ обращаться пропивузаконно
съ своими крѣпостными людьми, однимъ
словомъ, Михайло Ивановичъ денно и ночно
печется объ искорененіи злоупотребленій,
водвореніи истины и исполненіи законовъ.
Правда, онъ грубъ въ обхожденіи, не лю-
битъ терять напрасно словъ, не умѣетъ
смягчать горькой истины сладкими рѣчами,
и исполняетъ свой долгъ съ комплимен-
тами. Онъ спрогъ съ порочными, неумолимъ съ

злыми и снисходительнѣе къ однѣмъ слабостямъ, но на дѣлѣ, а не на словахъ. Онъ бы давно погибъ отъ козней приказныхъ и замысловъ злоупотребителей власти, если бы его не поддерживалъ нашъ Губернаторъ, человекъ честный и благонамѣренный, также изъ военныхъ, который зналъ его еще въ полку. Всѣ честные люди любятъ и уважаютъ Михайла Ивановича, злые ненавидятъ его и боятся какъ чумы. Впрочемъ, онъ не вмѣшивается въ чужія дѣла, и пренебрегаетъ только, чтобы другіе не мѣшались въ его управленіе. Вотъ каковъ нашъ чуждакъ! Онъ послушалъ съ вами нѣсколько спорого; но послушалъ законно, и хотя обошелся грубо, однако жъ и не обидѣлъ васъ, и не лишилъ васъ собственности, какъ наши вѣжливыя мышари.» «Согласенъ,» примолвилъ Миловидинъ: «что горькое лекарство лучше, нежели сладкая оправа.»

ГЛАВА VII.

ДѢЛОВАЯ БЕСѢДА У РУССКАГО КУПЦА. БЕЗПО-
КОЙНЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ. КОНЧИНА ЗЛОДѢЯ.

Хозяинъ позвалъ насъ къ себѣ, опку-
шашъ чаю. Мы заспали у него приходска-
го Священника и одного порядочно одѣша-
го человѣка среднихъ лѣтъ, пріятной на-
ружности, котораго обращеніе и пріемы
показывали, что онъ привыкъ жить въ хо-
рошемъ обществѣ. Хозяинъ познакомилъ
насъ, назвавъ своего гостя Пепромъ Пепро-
вичемъ Вирпупинымъ. Мы сѣли вокругъ
дубоваго стола и попивая чай, спали раз-
суждашъ о предметахъ, которые показа-
лись мнѣ чрезвычайно важными, пошому,
что я въ первый разъ слышалъ разговоры
о дѣлахъ общественныхъ.

— «Не казалось ли бы вамъ страннымъ,
даже непостижимымъ, господа!» сказалъ ку-
пецъ: «если бъ во всѣхъ Французскихъ пор-
тахъ одни Нѣмцы и Голландцы, а въ Ан-
глійскихъ портахъ, Испанцы и Италіянцы,

производили внѣшнюю торговлю, и чѣмъ Французы и Англичане, какъ верблюды, только перетаскивали на своихъ спинахъ товары изъ внутренности государства къ морскому берегу, для того только, чѣмъ чужеземцы пользовались неимоверными выгодами, безъ труда, безъ заботъ, безъ ответственности, пошому единственно, что на дверяхъ ихъ жилищъ прибита мѣдная дощечка съ надписью: *Контора?* — «Я бы сказалъ рѣшительно,» отвѣчалъ Пётръ Петровичъ: «что если туземцы работаютъ какъ быки, позволяя изъ себя вырывать бифшексъ иноземцамъ, то есть, если туземцы трудятся для обогащенія пришлецовъ, торгующихъ ихъ трудами, то вѣрно эти коренные жители не имѣютъ ни довольно ума, ни довольно денегъ, и даже ни довольно честности, чѣмъ самими быль купцами.»

— «Это слишкомъ строга,» отвѣчалъ Священникъ: «я бы сказалъ, что вѣрно какая нибудь другая господствующая страсть отвлекаетъ туземцовъ отъ внѣшней тор-

товли, предоспавляя всѣ выгоды въспрѣчно-
му и поперечному.»

— «Вы оба имѣли бы право такъ думать», сказалъ купецъ: но, къ счастью, вы правы, батюшка. Приведемъ дѣло въ ясность. Я говорю о нашемъ любезномъ опечистивѣ. Не странно ли, не унизительно ли для народнаго самолюбія, что въ Россіи вся почти внѣшняя торговля производится посредствомъ иностранныхъ конторъ и факторій, находящихся во всѣхъ Русскихъ портахъ и даже въ столицахъ, какъ будто бы Россія была Китаемъ, или Японіею? Чужеземные купцы и фабриканты имѣютъ дѣло только съ этими конторами; а мы, Русскіе, должны смотрѣть въ глаза Гг. конторщикамъ, доставлять имъ, чего они потребуютъ для отсылки за границу, и покупать у нихъ чужеземныя произведенія по цѣнамъ, какія имъ угодно назначать въ общемъ ихъ совѣтѣ. Эти Гг. иноземные конторщики, которыхъ мы величаемъ негоціантами, не выше почитаютъ Русскихъ купцовъ, какъ своихъ артельщиковъ, или биржевыхъ

дрятелей, и какъ будто ради Христа дѣ-
лялся съ нами сопою часпью своихъ ба-
рышей. Скажите, господа, неужели этотъ
порядокъ дѣлъ будетъ вѣчно продолжаться,
и неужели въ отношеніи къ торговлѣ мы
будемъ всегда на той самой степени, какъ
во время открытія Архангельскаго порта
Ричардомъ Ченселоромъ, при Царѣ Іоаннѣ
Васильевичѣ? Кажется, у насъ есть всѣ
средства, чѣмъ составить почтенное ку-
печеское сословіе. Уму, проницательности
и смѣливости нашего народа отдающъ
справедливостъ сами иностранцы. Честъ
наша въ торговлѣ, право, не ниже добро-
дѣтелей Гг. иноземныхъ конпорщиковъ, а
въ капиталахъ мы всегда будемъ имѣть
преимущество, имѣя въ своихъ рукахъ сы-
рыя произведенія нашей земли и Русскій
товаръ. Напрошивъ того, у конпорщиковъ
при началіи ихъ дѣлъ, все богатство со-
ставляешь мѣдная дощечка съ надписью:
контора, и нѣсколько рекомендабельныхъ
банкирскихъ писемъ.»

— «Нѣсколько рекомендабельныхъ бан-

кирскихъ писемъ! Вотъ въ эпомъ-шо и вся сила,» воскликнулъ Пепръ Пепровичъ. «Скажи, любезный Сидоръ Ермолаевичъ, кому бы ты болѣе повѣрилъ: старожилу ли здѣшнему, котораго ты знаешь давно съ хорошей стороны, или прїѣзжему торговцу, котораго ты вовсе не знаешь?»

— «Разумѣется, я скорѣе бы повѣрилъ старожилу,» отвѣчалъ купецъ. «Но позвольте, Пепръ Пепровичъ, если это сравненіе клонится къ нашей рѣчи, то, кажется мнѣ, что Русскихъ купцовъ скорѣе можно сравнивать съ старожилами.»

— «Такъ бы слѣдовало, но не такъ въ самомъ дѣлѣ,» возразилъ Пепръ Пепровичъ. «Ты, Сидоръ Ермолаевичъ, лѣтъ пятьдесятъ какъ торгуешь и знаешь всѣхъ лучшихъ купцовъ въ Москвѣ и Пешербургѣ. Насчидай же мнѣ, пожалуйста, полдюжины Русскихъ семей, которыя извѣстны въ торговлѣ отъ прадеда?»

— «Признаюсь, я не знаю ни одной,» отвѣчалъ Сидоръ Ермолаевичъ. «У насъ, какъ скоро купецъ разбогатѣетъ, то или

обанкрутившись опъ того, что перестаетъ водиться съ своею брашней, пренебрегаетъ дѣлами, живетъ на барскую спашь, и отдастъ дочекъ за голенькихъ Князей и Графовъ; или спивается съ кругу, опъ чванства и радости, оставляя имѣнье на расхищеніе плутамъ прикащикамъ и мотамъ дѣшкамъ, копорые уже спыдятся бытъ купцами и лѣзущъ въ чины; или, наконецъ, самъ добивается до личнаго дворянства разными проселочными пущами, подъ вывѣскою усердія и пожертвованій! Правда, у насъ нѣтъ старыхъ купеческихъ домовъ, и едва ли есть одинъ знаменитый торговый Русскій домъ въ Россіи, копорый начинается свою родословную далѣ царствованія Императрицы Екатерины II.»

— «Торговля поддерживается кредитомъ, а кредитъ извѣстностью и древностью рода,» сказалъ Пепръ Пепровичъ. «Въ Англіи, во Франціи, въ Нѣмецкихъ Ганзеатическихъ городахъ, въ Голландіи, въ Швеціи, въ Даніи, вы найдете купческіе дома, копорыхъ фирма извѣстна въ пече-

ніе цѣлыхъ сполѣпій, и возбуждаешъ болѣе довѣренности, чѣмъ гербы Княжескіе. А у насъ купцы, перелепныя пшцы въ коммерціи. Нашъ купецъ покажется на сцену, разжирѣешъ, пуснишся въ гору, а попомъ падаешъ, или разгуливаешъ, напудрившись геральдическою пылью.»

— «Правда, совершенная правда!» примолвилъ купецъ, поглаживая бороду.

— «Замѣчу еще одно обобщительство,» сказалъ Пепръ Пепровичъ! «У насъ не многіе Русскіе богатѣютъ опъ биржевой торговли, а по большей части опъ подрядовъ въ казну. Подрядчики же и опкупщики, по моему мнѣнію, не могутъ называться купцами, или, какъ говоришся, негоціантами. Ибо опъ только приносятъ существенную пользу опечественной торговлѣ, кто имѣшъ дѣла за границею, и спомоществуетъ сбыту нашихъ произведеній въ чужихъ краяхъ. И пакъ иноземные богатые купеческіе дома и фабриканшы, по неволѣ, должны производить свои дѣла въ Россіи посредствомъ конпорщиковъ, реко-

мендованныхъ имъ *старыми* купеческими почтенными фамиліями, у которыхъ эпи-копторщики прежде были прикащиками. Какъ заводить большіе обороты съ Русскими купцами, когда они появляются неизвѣстно откуда, и исчезаютъ, неизвѣстно какъ и куда, съ поприща коммерціи?»

— «И то правда!» сказалъ Священникъ. «Однако жъ не обвиняйте слишкомъ купцовъ. Есть весьма много обстоятельствъ, которыхъ заставляють ихъ выходить изъ своего званія, при первомъ удобномъ случаѣ. Во первыхъ»...

Вдругъ поднялся шумъ въ сѣняхъ. Хозяинъ хотѣлъ поспѣшить туда; но едва онъ вскочилъ со стула, какъ дверь отворилась съ трескомъ, и въ комнату вбѣжала съ лаемъ ужасная медяная собака. Потомъ явился какой-то господинъ, одѣтый по-дорожному, съ трубкою въ зубахъ, а за нимъ лакей его и полицейскій служитель. Между тѣмъ какъ собака обнюхивала углы, и господинъ ея раздвигался безъ околичностей, полицейскій служитель сказалъ: «Вотъ

тебѣ поспой, Сидоръ Ермолаевичъ. Его Высокоблагородіе пріѣхалъ изъ Петербурга, по казенной надобности, и ты такъ счастливъ, что ему понравился съ виду твой домъ.» — «Помилуйте, у меня уже квартируютъ шесть человѣкъ служивыхъ,» возразилъ хозяинъ: «да сверхъ того, Капитанъ-Исправникъ велѣлъ мнѣ принять въ домъ вошъ этихъ двухъ господъ.» — «Молчи, борода!» сказалъ чиновникъ, посмопрѣвъ грозно на почтеннаго старца. «Я знаю не хочу твоего Капитанъ-Исправника и тебя, и останусь здѣсь попрежнему, что мнѣ такъ угодно.» Хозяинъ обратился къ полицейскому служивому, и сказалъ: «Но сосѣдніе дома не имѣютъ поспоя.»... «Какъ тебѣ равняться съ сосѣдями, Сидоръ Ермолаевичъ?» возразилъ полицейскій служивый. «Эти господа чиновные, знашныя дворяне; ты знаешь, что у нихъ останавливается Губернаторъ, Прокуроръ.... Да полно, полно, Сидоръ Ермолаевичъ; вѣдь если не купцамъ отвѣчать за всѣхъ, такъ и порядку не будетъ. Вѣдь

сильному-то и мѣшокъ на плечи, а вы богаче всѣхъ.»

Полицейскій служишель вышелъ, а чиновникъ сказалъ: «Шевелись, старина! Видно вашу брашью здѣсь балуютъ крѣпко, что вы еще смѣете спорить!» — «Я не спору, сударь,» отвѣчалъ купецъ: «но у меня съ семействомъ оспались только при небольшія комнаты, и я не знаю, гдѣ помѣститься вамъ.» — «Я займу двѣ, а вы помѣщайтесь въ прешней,» сказалъ чиновникъ: «а если тебѣ шѣсно, такъ спускай въ чуланъ. Смори, пожалуйста, какъ это пошлый мужикъ чванился!» — «Я не мужикъ, сударь, а купецъ.» — «А развѣ это не все равно?» возразилъ чиновникъ съ насмѣшкою: «не дворянинъ — такъ пошлый же мужикъ!»

Мы вышли изъ комнаты, и хозяинъ послѣдовалъ за нами. «Господа!» сказалъ онъ: «мы исчисляли причины, почему купцы не любятъ оспаваться въ своемъ званіи. Вотъ вамъ малый образецъ того уваженія, которое имѣютъ къ намъ другія сословія. Но вы еще не видѣли и тысячной доли, а когда

увидите, вспомните добромъ — и не пейте на насъ!»

Священникъ пожалъ плечами, и, не сказавъ ни слова, пошелъ къ себѣ домой; хозяинъ долженъ былъ осматриваться у себя, чѣмъ помѣстить новаго жильца; а мы съ Пешромъ Пепровичемъ пошли прогуляться за городъ.

«У насъ шакъ, какъ и вездѣ, до шѣхъ поръ все будетъ итти не своей колеей,» сказалъ Пётръ Пепровичъ: «пока просвѣщеніе не разольется на всѣ сословія. Только просвѣщенный, образованный человѣкъ можетъ въ полной мѣрѣ чувствовать свои обязанности въ отношеніи къ другимъ, и уважать всѣ сословія. Просвѣщенный человѣкъ знаетъ, что въ благоустроенномъ государствѣ каждое званіе почтено и спольже нужно, какъ всѣ струны въ инструментахъ, для общаго согласія. Невѣжество полагаетъ претраду къ сближенію, и шочно шакъ же, какъ Турокъ [почитаетъ Христіанскаго подданнаго Порты нечеловѣкомъ, шакъ наши гордые невѣжды пренебрегаютъ

всѣми, кто имъ не родня, и кто не можетъ давать имъ чиновъ и орденовъ. Напримѣръ, вашъ хозяинъ, не почтенный ли человекъ во всѣхъ отношеніяхъ? Онъ чего же это? Онъ того, что онъ уменъ и образованъ. Жаль, что онъ не получилъ систематическаго образованія въ юности; тогда бы онъ былъ отечеству полезенъ во сто разъ. Сидоръ Ермолаевичъ происходитъ изъ экономическихъ черносошныхъ крестьянъ. Онъ остался сиротою послѣ родителей, пошелъ въ прикащики къ дальнему своему родственнику, купцу, и трудами, прилежаніемъ и хорошимъ поведеніемъ составилъ себѣ порядочное состояніе, образовавъ себя чтеніемъ, обхожденіемъ съ умными людьми, размышленіемъ и опытностью. Сыновей своихъ онъ воспитывалъ въ Университетѣ, убѣдившись, что первое благо на земли, первая потребность души безсмертной — просвѣщеніе. Вы видѣли почтеннаго Священника, отца Евгенія. Онъ также можетъ служить примѣромъ, что просвѣщеніе не препятствуетъ исполненію священныхъ обязанностей его званія: напро-

тивъ того, возвышая духовную особу въ глазахъ народа, утверждаетъ его болѣе въ вѣрѣ и нравственности, краснорѣчиво объясняемыхъ пастырями Церкви, и подкрѣпляемыхъ примѣромъ безпорочной ихъ жизни.»

Разговаривая о различныхъ предметахъ, мы дошли по порядку до обстоятельствъ жизни самого Пепра Пепровича Виртушина. Мы крайне удивились, когда онъ сказалъ намъ, что онъ не здѣшній уроженецъ, но живетъ здѣсь противу своей воли. Мы просили его объяснить намъ причину сей странности, и Пепръ Пепровичъ рассказалъ намъ слѣдующее:

«Отецъ мой былъ бѣдный дворянинъ, и не имѣлъ къ пропитанію никакого средства, кромѣ небольшого своего жалованья. Онъ женился на дочери досматочнаго купца, и получилъ въ приданое около пятидесяти тысячъ рублей. Мать моя скончалась, родивъ меня на свѣтъ; отецъ мой оставилъ службу, и занялся моимъ воспитаніемъ. Для преподаванія Наукъ имѣлъ я учителей, но отецъ мой самъ былъ настав-

никомъ моимъ въ отношеніи къ нравствен-
ности. Онъ вперилъ въ меня безпредѣльную
преданность къ пресполю, съ убѣжденіемъ,
что пространная Россія, составленная изъ
разнородныхъ племенъ, не можетъ быть ни
счастливою, ни сильною иначе, какъ подъ
властію монархическою, единодержавною.
Съ юныхъ лѣтъ отецъ мой внушилъ мнѣ,
что въ мирѣ нѣтъ возвышеннѣе нравствен-
ности — какъ Евангельское ученіе. Онъ
позволялъ мнѣ читать всѣ философскія
сочиненія, но повсюду частно: «Сынъ мой!
Апостоль Павелъ говоритъ въ Посланіи
къ Тессалонійцамъ: *«Все испытывайте; хо-
рошаго держитесь.»* Въ твореніяхъ мудре-
цовъ ты найдешь много ума, еще болѣе
оспроумія, но нигдѣ не найдешь такихъ
правилъ для жизни, какъ въ Евангеліи. Въ
твореніяхъ мудрецовъ ты найдешь также
совѣты добродѣтели, но нигдѣ не найдешь
такой возвышенной нравственности, сколько
ушѣшительныхъ истинъ, какъ въ уче-
ніи Апостольскомъ. Вся нравственность,
разлиная мудрецами въ тысячахъ книгъ,

заключена Апостолами въ немногихъ словахъ: «*И какъ хотите, чтобы поступали съ вами другіе, такъ и вы поступайте съ ними.*» (Еванг. отъ Луки, Глава VI.) «*Но говорю вамъ, слушающимъ: любите враговъ вашихъ, творите добро ненавидящимъ васъ.*» (Тамъ же.) Любезный сынъ! исполняя сіи два правила, ты исполнишь всѣ свои обязанности.» Отецъ мой былъ не святошею, не ханжею, но истиннымъ Христіаниномъ и примѣромъ собственной жизни укрѣплялъ меня въ преподаваемыхъ имъ правилахъ.

«Кончивъ мое воспитаніе, я вступилъ въ военную службу. При отправленіи въ полкъ, отецъ благословилъ меня образомъ Спасителя, съ надписью изъ Апостола: «*Посему отвергнувъ ложь, всѣ говорите истину предъ ближними своими.*» (Посл. Ап. Павла къ Ефес. Гл. IV).

«Съ лѣтами, я болѣе утверждался въ правилахъ, посѣянныхъ въ сердце моемъ достойнымъ моимъ родителемъ, и болѣе убѣждался въ истинѣ, что человекъ для того только созданъ на свѣшъ, чтобы по

могашь своимъ ближнимъ всѣми зависящими отъ него средствами. Каждая несправедливость, оказанная кому бы то ни было, и кѣмъ бы то ни было, производила во мнѣ сильное впечатлѣніе: по несчастію, я не могъ воздержашь языка своего, и вопіялъ громко противу всякихъ злоупотребленій. Мы спояли въ плодоносной Украинѣ, и богатые поселяне дѣлились своею пищею съ нашими добрыми солдатами, которые въ свободное отъ службы время, помогали имъ въ полевыхъ работахъ. Поселяне не хощѣли получаць казеннаго провіанта, и я наснаивалъ, чшобъ онъ всегда былъ продаваемъ въ пользу солдатъ. При расчетѣ амуничныхъ и аршельныхъ денегъ, при уплатѣ жалованья, я, какъ говоришся, рѣзался за солдатскую копѣйку. Правду мудро всегда облекашъ въ нѣжныя, мягкія формы, и я часто принужденъ былъ говорить горькія истины, спорить и жаловаться, когда меня не слушали. Я прослылъ *безпокойнымъ человекомъ*, и принужденъ былъ выйти въ отставку.

«Отецъ мой, который былъ сиротъ и слабъ, хотѣлъ, чтобы я жилъ при немъ. Я опредѣлился въ гражданскую службу въ столицу, по судной части, чтобы не терять времени безъ пользы обществу. Здѣсь-то открылось обширное поле для моей дѣятельности. Отецъ мой нимало не сокрушался тѣмъ, что я невольно долженъ былъ оставить военную службу. «Ты исполнялъ свой долгъ — вопль твой награда и утѣшеніе,» сказалъ онъ, обнимая меня. Когда мнѣ надлежало знать новую мою должность, онъ призвалъ меня къ себѣ въ кабинетъ, и указавъ на раскрытый Новый Заветъ, велѣлъ прочесть въ Посланіи Павла къ Тимофею, въ главѣ V, стихъ 20: *«Согрѣшающихъ оближай предъ всѣми, дабы и прочіе страхъ имѣли.»* Потомъ онъ прижалъ меня къ сердцу, благословилъ и сказалъ: «Спупай съ Богомъ радоваться за истину!»

«Я былъ какъ песъ на скалахъ у храма Правосудія: лаялъ на безсовѣстныхъ злоупотребителей законовъ, не пускалъ сильного злодѣя во внутренность святилища, и

защищалъ отъ грабителей несчастную вдову и сироту. Ябеда и лихоимство возстали противу меня съ ожесточеніемъ. *Дѣловые люди*, безъ которыхъ начальники не могли обойтись, не зная сами дѣла, объявили, что они не могутъ жить съ такимъ *безпокойнымъ* человекомъ, какъ я. Мнѣ вѣрно было удалиться.

«Между тѣмъ отецъ мой скончался, и я остался на свѣтѣ одинокъ, съ порядочнымъ состояніемъ. Отецъ мой не старался умножать своего капитала, полагая, что мнѣ довольно будетъ приданого моей матери, и употреблялъ остальную отъ прожитыхъ часть доходовъ на вспоможеніе бѣднымъ. Я послѣдовалъ его примѣру, и дѣлился по-братски съ неимущими и спраждущими, и защищалъ ихъ также отъ притѣсненія сильнаго. Я не могъ отказать несчастному въ совѣтѣ, и даже самъ писалъ просьбы для беззащитныхъ, неумѣющихъ опразить ябеды и угнетенія силою краснорѣчія и юридическихъ доводовъ; я самъ хлопоталъ за бѣдныхъ, и иногда успра-

шалъ самыхъ закоренѣлыхъ лихоимцевъ моею наспойчивостью. Тысячи непріятностей сносилъ я ежедневно; но, проводя день въ трудахъ, утѣшалъ себя тѣмъ, что исполняю волю моего родителя, и что моею горестью доставляю сладкое утѣшеніе страдающимъ. Я былъ счастливъ! Нѣсколько добрыхъ друзей, Науки и Литература услаждали жизнь мою, которую злобные люди хопѣли оправдать клеветою.

«Облака образуются изъ паровъ; дождь состоитъ изъ капель: бѣда образуется изъ клеветы, извѣстовъ и наущеній, и злобныя слова въ совокупности составляютъ громовую тучу въ нравственномъ мірѣ, извергающую перуны на безвинныхъ. Я не давалъ обѣдовъ, полагая, что лучше отъ избытковъ кормить бѣдныхъ, нежели насыщать сластолюбцевъ; не давалъ въ займы денегъ мошамъ: меня называли *скупымъ*. Я ходилъ молиться въ церкви общественныя, вмѣстѣ съ народомъ, а не являлся въ мундирѣ, въ домашнихъ церквахъ вельможъ, — меня называли *безбожникомъ*. Зная, что

монархическое правленіе не можетъ имѣть другой цѣли, какъ благо подданныхъ, я никогда не ропсалъ на Правительство, но громко вопіялъ прошиву злоупотребителей власти, которые, почитая мѣста свои какъ бы опкунами, помышляющъ единственно о своемъ обогащеніи и помѣщеніи своихъ родственниковъ, — меня называли *возмутителемъ*. Я опъ всего сердца хвалилъ добрыхъ вельможъ, честныхъ чиновниковъ, и выславлялъ ихъ въ примѣръ, въ противоположность злымъ и корыстолюбцамъ, — меня называли *интригантомъ* и *пристрастнымъ*. Часто, не будучи въ состояніи умѣришь моего негодованія, я обнаруживалъ истину въ выраженіяхъ сильныхъ, въ писанныхъ мною для другихъ просьбахъ, и называлъ вещи ихъ настоящими именами, — меня называли *ябедникомъ*. Изъ всѣхъ приписанныхъ мнѣ качествъ составилось одно названіе: *безпокойнаго человека*, и меня выслали на житье въ эпошъ городъ, подъ надзоръ полиціи. Признаюсь, я сперва сокрушался, но добрый Священ-

никъ Евгеній ушѣшилъ меня и успокоилъ. «Вы прудились не для міра, а для души своей,» сказалъ отецъ Евгеній: «слѣдовательно въ душѣ своей найдете награду. Вспомните, что говоритъ Апостоль Лука: *«Но вы любите враговъ вашихъ и благотворите и въ займы давайте, ничего не ожидая; и будетъ вамъ награда великая, и вы будете сынами Всевышняго: ибо Онъ благу и къ неблагодарнымъ и злымъ.»* Не смущайтесь несчастіемъ и не ослабѣвайте на пути къ добру, помня слова Апостола Павла: *«Правда, всякое наказаніе въ настоящее время кажется не радостію, а печалью; но въ послѣдствіи доставляетъ мирный плодъ праведности тѣмъ, кои посредствомъ онаго образовались.»*

«Теперь я спокоенъ и счастливъ, ибо счастье у всякаго въ сердцѣ, а на землѣ нѣтъ населеннаго мѣста безъ добрыхъ людей. Я нахожу наслажденіе въ дружбѣ честнаго Капитанъ - Исправника, почтеннаго Священника Евгенія и купца, вашего хозяина; провожу время въ чтеніи и прогулкѣ,

и дѣлаю столько добра, сколько позволяюшъ мнѣ средства мои. Не примите моего рассказа за самохвальство. Нѣтъ! я чуждъ этого порока, и объявилъ вамъ истину для вашего поученія, по тому только, что вы этого требовали. Прійдетъ время — и правда всплыветъ наверхъ, какъ елей надъ водою, и рано или поздно, но всегда воспоржествуетъ надъ злобою и ложью!»

Возвратясь въ городъ съ прогулки и проходя мимо городского оспрога, почтенный Пётръ Петровичъ предложилъ намъ зайти туда, и бросить сѣмена утѣшенія въ жилище плача, какъ онъ изъяснялся. У меня было въ кошелькѣ нѣсколько червонцевъ, и я съ радостью согласился пойти въ оспрогъ, чтобы облегчить подавнѣмъ участь несчастныхъ. Этотъ оспрогъ былъ не иное что, какъ простая изба, обнесенная плетнемъ. За плетнею невозможно было раздѣлить содержащихся подъ стражею по роду преступленій, и опять того случилось, что молодой легкомысленный

мальчикъ, бѣжавшій изъ шалости опѣ господина, помѣщался на нарахъ возлѣ законѣлаго въ порокахъ вора или разбойника, и нечувствительно заражался правилами злодѣйства. Чиспошы также не возможно было требоваць при недоспапкѣ помѣщенія. Караульные солдаты расположены были въ сѣняхъ, а по обѣимъ сторонамъ, въ двухъ избахъ содержались колодники, какъ сельди въ бочкѣ. Мнѣ сдѣлалось дурно опѣ духошы и опѣ сильного впечатлѣнія, произведеннаго видомъ звѣрскихъ лицъ. Я просилъ моихъ поварищей выйши скорѣе на свѣжій воздухъ. Вдругъ услышали мы въ чуланчикѣ пронзительные стоны и спрашные вопли. Любопытство повлекло насъ туда, и ужасное зрѣлище представилось взорамъ моимъ. Въ темномъ углу, на соломѣ, лежалъ полуобнаженный человекъ, изсохшій какъ скелеть, и скованный по ногамъ и по рукамъ. Лишь только свѣтъ проникъ въ его кануру, онъ приподнялся, присѣлъ и успремилъ на насъ ужасный взглядъ. Взоры наши встрѣпились, и я запрепечалъ всѣмъ

пѣломъ, какъ опѣ взгляда василиска. Черные волосы и борода у несчастнаго были всключены, лице покрыто смертною блѣдностью, и глаза, налившіеся кровью опѣ безсонницы и спраданій, свѣпились какъ раскаленные уголья. Помолчавъ немного, несчастный прикоснулся скованными руками сперва ко лбу, а послѣ къ сердцу, и сказалъ попихоньку: «огонь, огонь!» Потомъ, разинувъ ротъ, прошепшалъ: «воды!» Унперъ-офицеръ подалъ ему деревянную кружку, и онъ напившись, шолкнулъ его опѣ себя, и громко воскликнулъ: «Прочь, прочь, кровь! кровь!» Вдругъ волосы его поднялись дыбомъ, лице скривилось опѣ судорожныхъ движеній, глаза сдѣлались неподвижными, пѣна появилась на устахъ; онъ заскрежесалъ зубами, быстро приподнялся и воскликнулъ: «Я Ножовъ — берите меня!» — «Ножовъ!» воскликнули мы въ одинъ голосъ съ Миловидинымъ. Это былъ злодѣй Ножовъ, котораго я не могъ сперва узнать въ такомъ положеніи; но когда онъ произнесъ свое имя, я тотчасъ при-

помнилъ его черты. Между тѣмъ несчастный снова упалъ на солому, и завопилъ ужаснымъ голосомъ: «Не жгите меня, не жгите, а убейте однимъ ударомъ!» Ноги мои чуть не подкосились отъ ужаса; кровь присхупила къ сердцу, и голова закружилась; но я споялъ на мѣсѣ, ожидая, что Ножовъ прійдетъ въ себя изъ безпамятства, и скажетъ мнѣ имя Графини, моей непріятельницы. Преступникъ снова замолчалъ и закрылъ глаза; тогда Миловидинъ кликнулъ его по имени. Ножовъ открылъ глаза, и какъ будто прислушивался. «Ножовъ!» сказалъ Миловидинъ: «Выжигинъ прощаетъ тебя за все зло, которое ты ему сдѣлалъ.» Ножовъ опять присѣлъ на солому, и, озираясь кругомъ, сказалъ: «Гдѣ Выжигинъ? Онъ умеръ въ сѣпи. Я самъ бросилъ его въ яму! Графиня не велѣла убивать его» При сихъ словахъ Ножовъ снова упалъ навзничъ, закрылъ глаза и спрашно захрипѣлъ. Я не могъ долѣе выдержавъ этого ужаснаго зрѣлища, и вышелъ изъ острога.

«Вы знаете этого злодѣя?» спросилъ Пепръ Пепровичъ. «По несчастію!» отвѣчалъ я. «Завтра я расскажу вамъ подробности моего съ нимъ знакомства; но теперь я такъ разспрошенъ, что не могу собрать мыслей.» Пепръ Пепровичъ проводилъ насъ до дому. Я весь вечеръ не выходилъ изъ комнаты, и провелъ ночь безъ сна, мучась неперпнѣемъ узнать ошъ Ножова шайну моего преслѣдованія. Поупиру, я послалъ въ острогъ узнать о здоровьѣ несчастнаго, но мнѣ сказали, что онъ испустилъ духъ въ ужасныхъ мученіяхъ, вскорѣ послѣ нашего ухода.

Пепръ Пепровичъ, которому я рассказалъ часть моихъ приключеній, и копорый зналъ по наслышкѣ Воровашина, совѣтовалъ мнѣ бытъ весьма оспорожнымъ, при открываніи шайны, чшобъ не попасть въ бѣольшую бѣду. «Судебнымъ порядкомъ вы ничего не выиграете съ Воровашиннымъ,» сказалъ онъ: «попому, что у васъ нѣтъ свидѣтелей; Воровашинъ можетъ сказать, что Киргизы взяли васъ въ плѣнъ силою.

Къ тому жъ, если вы замѣшаете въ ваше дѣло какую нибудь значную фамилію, то не оберетесь опъ хлопотъ. Лучше всего старайтесь поразвѣдать спороною, и если только узнаете имя своей гонимельницы, то тайна опкроется сама собою. Вы видѣли изъ примѣра Ножова, что дерзость порока и закоснѣлость въ злодѣяніи кончится на одрѣ болѣзни, и въ ту мину, когда для добродѣтельнагоспрадальца сіяетъ въ полномъ блескѣ надежда на лучшую жизнь, и улаждаетъ его послѣднія мину, для злодѣя вмѣстѣ съ гробомъ предстоятъ угрызенія совѣсти, ужаснѣйшія самыхъ адскихъ мукъ. Воровашинъ, при первой пляжкой болѣзни или при первой опасности окажетъ сполько же малодушія, какъ и всѣ злодѣи, и опкроетъ вамъ истину. Закознѣлому пороку есть конецъ — пвердосць свойственна одной добродѣтели!»

ГЛАВА VIII.

Помѣщикъ, какихъ дай Богъ волѣе на Руси. Каковъ попъ, таковъ и приходъ.

Поведеніемъ нашимъ и предшашельствомъ добраго Пепра Пепровича, мы снискали благорасположеніе Капитанъ-Исправника, копорый иногда заходилъ къ намъ, приглашалъ къ себѣ на чай, и позволялъ оплучаться за городъ. Однажды, когда мы были у него съ Пепромъ Пепровичемъ, рѣчь зашла о томъ, какъ трудно Земской Полиціи соблюдатьъ порядокъ на обширномъ пространствѣ, въ странѣ малонаселенной, пересѣкаемой непроходимыми болотами и лѣсами. «Прошу поймашъ бѣглаго,» сказалъ Капитанъ-Исправникъ: «если помѣщикъ и поселяне захопятъ скрышь его! Надобно нѣсколько тысячъ войска, для поимки одного человѣка, въ лѣсу, проспирающемся верстѣ на полпорасша!» — «Вообще на помѣщикахъ лежишъ большая отвѣственность предъ Богомъ, Государемъ и

опечеспвомъ за все, что дѣлается въ ихъ помѣстьяхъ,» сказалъ Пётръ Петровичъ. «Опѣ помѣщика зависить все счастье его поселянъ, ихъ нравспвенность, просвѣщеніе и благосостояніе, слѣдовательно опѣ помѣспнаго дворянспва въ совокупности зависить нравспвенность, просвѣщеніе и благосостояніе цѣлой Россіи. Правительспво ничего не щадить, чпобъ открывать дворянспву все пути къ просвѣщенію и къ благосостоянію. Ни одинъ чадолубивый отецъ не печется сполько о воспитаніи и счастьѣ своего любимаго сына, какъ Русскіе Государи пекутся о Русскомъ дворянспвѣ. Но неужели Русское дворянспво должно уподобляться тому человѣку въ припѣтъ Евангельской, копорый зарылъ въ землю талантъ, полученный имъ опѣ господина для умноженія его богатспва? Дворянинъ, получая, долженъ дѣлаться, долженъ водворянъ въ народѣ привязанность къ престолу, любовь къ опечеспву, и своимъ примѣромъ побуждать къ нравспвенности.» — «Справедливо,» сказалъ Капитанъ-Исправ-

никъ: «а въ прошивномъ случаѣ, дворянинъ похожъ будешъ на ту безплодную смоковницу, о копорой упоминается въ Евангеліи опъ Луки, въ главѣ XIII. Дворянинъ, какъ избранный сынъ чадолубиваго опца, долженъ бытъ всю жизнь на службѣ, для исполненія воли и благихъ намѣреній общаго опца Россіи. Дворянинъ, проживая въ своихъ помѣстьяхъ, долженъ почиашъ себя въ ешоль же дѣйствительной службѣ, какъ если бъ опъ засѣдалъ въ Совѣтѣ Государевомъ, или предводительствовалъ войскомъ. Дворянинъ есть первый Полиціймейстеръ въ своемъ помѣстьѣ, сборщикъ государственныхъ податей, надсмотрщикъ за исполненіемъ земскихъ повинностей, мирный судья между своими крестьянами, попечитель объ ихъ здоровьѣ, охранитель ихъ имущества, надзирашеть приходскаго училища.» — «Прекрасно, прекрасно, Пепръ Пепровичъ! воскликнулъ Капитанъ-Исправникъ, и бросился обнимашъ Виршупина, примолвивъ: «почно шакъ! Земская Полиція была бы тогда шѣмъ, чѣмъ она бытъ дол-

жна, властью исполнительною, которая по востребованію помещика водворяла бы порядокъ и благочиніе силою закона тамъ, гдѣ бы не дѣйствовала сила убѣжденія!» — «Такъ и будешь со временемъ,» сказалъ Пётръ Петровичъ: «когда созрѣютъ плоды просвѣщенія, непрерывно насаждаемые мудрыми нашими Монархами; когда мы будемъ имѣть достаточное число опличныхъ Русскихъ учителей для образованія нашего юношества въ Русскихъ нравахъ, а не на Англійскій или Французскій манеръ.» — «Ужъ мнѣ эти Русскіе чужеземцы сидятъ костью въ горлѣ!» сказалъ Капитанъ-Исправникъ. «Я болѣе уважаю Французскаго кучера или повара, нежели Русскаго Князька, подражающаго Лордамъ и Маркизамъ въ ихъ причудахъ и странностяхъ. Недавно поселился у насъ въ уѣздѣ, въ своихъ помѣстьяхъ, молодой вертопрахъ, который почелъ себя обиженнымъ по службѣ опшюго, что начальникъ сказалъ ему, что онъ не можешь занимать значительнаго мѣста и получаешь награду, потому, что

не умѣетъ написать прехъ спрокъ съ Логикою и Грамматикою. Князь Слабоголо-винъ, прочитавъ нѣсколько книжонокъ Французскихъ о Полиникъ, при помощи своего гувернера, и подписываясь на нѣсколько Англійскихъ газетъ, вообразилъ себѣ, что онъ самъ великій Полиникъ, и рожденъ бытъ законодательемъ своего опечеснва. Вмѣстѣ съ парами Шампанскаго, онъ вбивалъ въ голову своихъ незрѣлыхъ товарищей правила филантропіи и мудроснѣ Философическаго Словаря Вольперова, и прослылъ либераломъ, ораторомъ, защитникомъ чловѣчеснва. Когда же онъ, споткнувшись на пути честіюлюбія, пріѣхалъ въ свою деревню, то — знаете ли, чѣмъ кончилась его Философія? — «Безъ сомнѣнія, онъ началъ учреждать сельскія школы, радѣлъ о благѣ своихъ крестьянъ,» сказалъ Миловидинъ. «Не шутъ-то было!» воскликнулъ Капитанъ-Исправникъ, громко засмѣявшись. «Правительство, пекущееся о благѣ подданныхъ, на дѣлѣ, а не на словахъ, принуждено было взять въ опеку

имѣніе краснорѣчиваго орашора чловѣчсва, за жестокое обхожденіе съ креспьянами и разорительное управленіе имѣніемъ. Послушайте всѣхъ эшихъ крякуновъ за вкуснымъ обѣдомъ, или на вечерѣ, въ толпѣ молодыхъ людей: они вопіюшъ о благѣ чловѣчсва, о законахъ; а дома у себя и въ каждомъ мѣстѣ, подчиненномъ ихъ начальсву, хопяшъ бытъ самовласными Пашами. Истинный другъ чловѣчсва не кричишъ, не вопіешъ прошивъ законовъ и учрежденнаго порядка; но, еообразуясь съ оными, дѣлаешъ сполько добра, сколько можешъ, а добра всегда и вездѣ можно много сдѣлашъ, была бы охота! У насъ же, еще много можно и должно сдѣлашъ добра на пракшикѣ, прежде, чѣмъ придется подумашъ о теоріяхъ. Знаете ли что, Пешръ Пешровичъ! 'Свозите эшихъ господъ къ пріятелю нашему, Александру Александровичу Россіянинову. Вы увидите, какіе у насъ люди скрывающся въ захолустѣ. Я вамъ дамъ своихъ лошадей. Прогуляйтесь, господа; вы засидѣлись въ нашемъ городишкѣ!»

На другой день, упрямъ, мы отпра-
вились въ гости къ Г. Россіянинову, жив-
шему въ своей деревнѣ, въ 25 верстахъ
отъ города. Прѣхавъ верстъ 15, мы за-
мѣтили удивительное различіе въ обрабо-
ткѣ полей. Вездѣ на низкихъ мѣстахъ вы-
копаны были каналы, для спуска излишней
воды съ нашихъ. Поля были порядочно раз-
межеваны и унавожены; луга очищены отъ
кочекъ и бесполезныхъ кустарниковъ. На
берегу крутого ручья, на пашбищѣ сдѣ-
ланъ былъ, мощный камнемъ, спускъ для
испущенія спада, чтобъ скопина не вязла въ
грязи, и не засыпала землею источникъ.
Дорога по обѣимъ сторонамъ усажена бы-
ла деревьями; мосты были въ исправно-
сти, и топкія мѣста устланы фашинами.
«Примѣчаете ли?» сказалъ Пётръ Петро-
вичъ: «что мы вѣхали во владѣнія поря-
дочнаго человека?» Прѣхавъ въ деревню,
Миловидинъ всплеснулъ руками отъ удив-
ленія, и воскликнулъ: «вопъ какова можетъ
и должна быть цѣлая Россія!» Деревянные
прочныя избы выстроены были въ одинъ

рядъ, по обѣимъ сторонамъ дороги. Окна обложены были рѣзными украшеніями, дворы всѣ загорожены высокими заборами, съ красивыми воротами съ навѣсомъ. Дома построены были на нѣкоторое разстояніе одинъ отъ другаго, изъ предосторожности отъ пожара. Между домами находились садики съ плодовыми деревьями. Позади крестьянскихъ дворовъ были овощные огороды, а за ними гумны. Въ концѣ деревни возвышалась прекрасная каменная церковь, осыренная высокими липами. Домъ Священника отличался чистою и красивою наружностью. Возлѣ церкви находилось нѣсколько красивыхъ домиковъ, для общественной пользы. Въ одномъ изъ нихъ была учреждена госпиталь и аптека; въ другомъ богадѣльня для безродныхъ, больныхъ и престарѣлыхъ; въ третьемъ запасный сельскій магазинъ и лавка съ товарами, необходимыми въ крестьянскомъ быту, и съ первыми потребностями жизни; въ четвертомъ сельское училище и Словесный Судъ. Въ концѣ деревни была кузница,

а по срединѣ большой колодезь. Поселяне обоего пола имѣли здоровый видъ, и молодая женщины отличались красою, ибо наружная красота бываетъ слѣдствіемъ довольства. Мы не встрѣчали на улицѣ ни грязныхъ дѣшей, ни оборванныхъ бабъ, ни пьяныхъ мужиковъ. Крестьянскія лошади и скотъ были отличной породы, упряжь и земледѣльческія орудія въ исправности. Мы вошли въ одинъ крестьянскій домъ, чѣмъбы увидѣть домашнее устройство. Домъ былъ съ подваломъ, и раздѣлялся на двѣ половины: свѣплую и курную. Въ первой, состоящей изъ трехъ перегородокъ, помещалось семейство хозяина, а во второй пекли хлѣбъ, варили кушанье и поило для скота, просушивали мокрую одежду, возвращаясь съ работы въ ненастную погоду, и т. п. «Я знаю нѣкошорыхъ помещиковъ», сказалъ Миловидинъ: «которые, прельщаясь иноземщиною, вздумали строитъ для Русскихъ мужиковъ Нѣмецкіе дома, и требовашъ отъ нихъ такой же чистоты, какъ въ Германіи. Эшо невозможное у насъ дѣло

и не только не составляет счастья поселянина, но спѣсняетъ его въ жизни. Нашъ климатъ и мѣстные обстоятельства требуютъ другой постройки домовъ, чѣмъ въ Германіи и Англіи. Каменныхъ обширныхъ домовъ для поселянъ у насъ строить не возможно, потому, что не вездѣ есть матеріалъ для этого, что содержаніе дома стоитъ дорого, и что у насъ поселяне не живутъ большими семействами, а потому и не имѣютъ нужды во множествѣ комнатъ, которыя должно отопливать, въ большей части Россіи, 8 мѣсяцевъ въ году. Безъ курной избы также трудно обойтись Русскому крестьянину въ нашемъ сыромъ и холодномъ климатѣ, въ сѣверныхъ губерціяхъ; безъ этого онъ не будетъ имѣть мѣста, гдѣ обсушиться. Желаніе добра часто не приноситъ пользы, если выполнено безъ познанія мѣстностей. Но знаютъ Г. Россіяниновъ, видно, масперъ всего дѣла.» Въ сѣняхъ мы увидели лапти. «Вотъ это называется еще варварствомъ,» сказалъ Миловидишъ. Пётръ Петровичъ раз-

смопрѣлъ прилежнѣе эту обувь, и сказалъ: «Эпо не лапти, а шмоны (*), то есть, обувь изъ пеньки. Употребленіе лаптей невыгодно по тому болѣе, что эпимъ испребляеся много лѣса.» — «Когда ваши мужики носятъ шмоны?» спросилъ онъ у крестьянина: «я вижу, что на улицѣ они всѣ въ сапогахъ.» — «На рыбной ловлѣ, родимой, въ мокрое время на лугахъ, да въ лѣсной работѣ: вѣдь сапоговъ-то не наносишься; да и ноги-то не убережешь въ сапогъ пакъ, какъ въ смоленомъ веревочномъ лаптѣ.» Видите ли, что они употребляютъ эту обувь только при работѣ, и она гораздо удобнѣе деревянныхъ башмаковъ Французскихъ и Нѣмецкихъ поселянъ. Если крестьянинъ, будучи въ довольствѣ, не отказался отъ эпой обуви, то эпо знакъ, что она ему полезна и удобна.»

Вокругъ крестьянскаго двора былъ навѣсъ, гдѣ стояли шельги, сани, сохи и

(*) Обласное выраженіе, котораго нѣтъ въ Словаряхъ.

бороны, и гдѣ спавили лошадей на время. Въ концѣ двора были хлѣва и конюшня, а за домомъ баня. Я спросилъ у хозяйки, чѣмъ они зимою освѣщаютъ избу. «Сосѣди наши,» отвѣчала она: «кресстьяне другихъ помѣщиковъ, жгутъ лучину, бапюшка, а мы освѣщаемъ избу почникомъ съ коноплянымъ масломъ. Вѣдь коноплянаго-то масла не покупаешь-спашь, родимой; а у насъ всякая баба сама дѣлаешъ масло изъ сѣмени.» — «Есть ли у васъ питейный домъ въ селѣ?» спросилъ Миловидинъ. — «Избави Богъ отъ эшого, опцы родные!» — отвѣчала поселянка. — «Въ старые годы, при спаромъ господинѣ, былъ здѣсь питейный домъ: пакъ мужики только и знали, что пировали въ праздничные дни, да опохмѣлялись въ будни. А нынѣ, слава Богу, вывелось эшо. И Священникъ-шо нашъ, дай ему Господь здоровья, толкуешъ намъ въ церкви, что великій грѣхъ упиваться виномъ, и подлекарь нашъ говоритъ, что съ виномъ жить не долго, и господинъ нашъ запрещаетъ пить, и не любитъ пьяницъ; пакъ

пьянство-то и вывелось, а за эшимъ и копѣйка не такъ скоро кашился изъ дому. Иное дѣло Свѣплый праздникъ, или свадьба, или крестины, тогда варятъ пиво, а вино самъ баринъ отпускаетъ со двора. Въ осеннюю работу или зимой, баринъ также велитъ рабочимъ людямъ пить по чаркѣ вина, но не больше. Дай Богъ ему здоровья — опецъ родной, а не господинъ!»

Верстахъ въ пяти отъ деревни, на возвышенномъ берегу рѣки, стоялъ господскій домъ, деревянный на каменномъ фундаменшѣ, выкрашенный зеленою краской, съ красною кровлей. Позади дома, къ рѣкѣ, простирался обширный садъ. Вокругъ двора расположены были хозяйственные заведенія. Соразмѣрность частей составляла все достоинство архитектуръ, чистота и прочность — все наружное украшеніе зданій. На крыльцѣ встрѣшилъ насъ служитель, одѣтый чисто, хотя весьма просто. Онъ сказалъ намъ, что самъ хозяинъ поѣхалъ въ поле, а хозяйка присутствуетъ при урокахъ своихъ дочерей. Въ комнатахъ

вспрѣшилъ насъ старшій сынъ хозяина, юноша лѣтъ шестнадцати и просилъ насъ подождать терпѣливо, пока мать его кончитъ свое занятіе. Высокій ростъ юноши, румяныя его щеки и ловкость показывали, что объ его физическомъ воспитаніи имѣли сколько же раченія, какъ и о нравственномъ. Пётръ Петровичъ, который былъ корешко знакомъ въ домъ, предложилъ намъ осмопрѣсть комнаты и садъ. Сынъ хозяйскій, Алеша, взялся быть нашимъ путеводителемъ. Прошедъ чрезъ пригоспінныя комнаты и залу, которыхъ все убранство составляла необыкновенная чистота, мы вошли въ кабинетъ Г. Россіянинова. Это была обширная комната, вокругъ которой стояли огромные шкафы съ книгами на Латинскомъ, Греческомъ, Французскомъ, Нѣмецкомъ, Англійскомъ, Испаніанскомъ и Русскомъ языкахъ. Посреди комнаты находились три стола; на одномъ лежали новыя Журналы и Газеты, на другомъ бумаги, на третьемъ новополучаемыя книги. Въ другой комнатѣ, прилегающей къ каби-

несту, находились, въ шкафахъ же, физическіе инструменшы, химическіе апарашы, модели разныхъ машинъ; на столахъ стояли глобусы; на одной стѣнѣ развѣшены были географическія карты. Небольшой шкафъ вмѣщалъ въ себѣ собраніе минераловъ. «Здѣсь пахнетъ Европою!» сказалъ Милонидинъ. Изъ этой комнаты мы вошли въ садъ. Въ немъ не было ни искусственныхъ прудовъ, заражающихъ воздухъ вредными испареніями, ни дорогихъ мостиковъ на сушѣ, ни причудливыхъ бесѣдокъ варварской архитектурѣ, ни новыхъ развалинъ. Садъ наполненъ былъ плодовыми деревьями и разными ягодами, посаженными съ необыкновеннымъ искусствомъ. Ореховыя и липовыя рощицы доставляли пріятное убѣжище въ жаркіе дни, а большая аллея вокругъ сада, осыпанная высокими деревьями, служила для прогулки. Въ куртинахъ устроены были качели и разныя игры для дѣтей. Въ концѣ сада, на полуденной сторонѣ, находилась оранжерея, не большая, но прекрасно устроенная. «Это ужъ роскошь!» сказалъ Ми-

ловидишь. «Роскошь, не только извинительная, но даже полезная,» отвѣчалъ Пешръ Пешровичъ. «Можетъ ли быть что пріятнѣе для сѣвернаго жишеля, какъ лѣтнія и нѣжныхъ произведеній благословенныхъ климатовъ? Самое возрѣніе на разнообразіе, богатство и щедрость природы возвышаетъ душу, и сближаетъ человека съ Творцемъ. Среди этихъ растений различныхъ странъ, мысль летаетъ по Земному шару. Скажу болѣе: зачѣмъ лишать себя удовольствія, отвѣдавъ иногда нѣжныхъ плодовъ, въ которыхъ намъ отказала сѣверная Природа? Это не есть удовлетвореніе поспыднаго обжорства, но успокоеніе позволишительнаго любопытства. Впрочемъ, мнѣ кажется, что гораздо лучше заниматься воспитываніемъ растений, нежели держать въ неволѣ множество животныхъ, и править слабыхъ звѣрей.» Вдругъ послышался голосъ позади насъ. Мы увидѣли человека, съ веселымъ и здоровымъ лицомъ, въ сафьяномъ картузѣ и зеленомъ камлоповомъ серпукѣ, копорый поспѣшалъ къ намъ. Это былъ самъ

хозяинъ. «Здравствуй, другъ!» сказалъ онъ, проспирая руку къ Петру Петровичу, который представилъ насъ хозяину, и въ крапкихъ словахъ рассказалъ наши похождения. «Я уже слыхалъ опчаспи,» примолвилъ хозяинъ. «Здѣсь по неволѣ услышишь шо, чего бы и не хопѣлъ слушать. Словесныя Газеты у насъ въ лучшемъ обращеніи, нежели печатныя. Если кпо хочепъ знапъ испину, шопъ долженъ вѣримъ шолько сошой часпи провинціальныхъ вѣсней. Мнѣ рассказали, что двое Русскихъ дворянъ прибыли чрезъ Киргизскую степь изъ Индіи гдѣ одинъ былъ Владѣтельнымъ Княземъ, а другой его Министромъ, и что они привезли съ собою цѣлыя бочки червонцевъ и цѣлые возы шалей. Я увѣренъ, что если эта вѣсь долепишъ до другой губерніи, то одного изъ васъ произведупъ въ Великіе Моголы, а другаго въ спрашныя заведеапели; сокровища ваши умножапся до милліоновъ червонцевъ, и бочки наполняпся брилліаншами. Но милоспи просимъ въ комнапы. Пора обѣдапъ.»

Въ комнапахъ любезный хозяинъ представилъ насъ своей женѣ и двумъ дочерямъ, изъ коихъ старшей было четырнадцать, а меньшей двѣнадцать лѣтъ отъ рожденія. Меньшой сынъ былъ лѣтъ десяти. Къ удивленію нашему, хозяйка заговорила съ нами по-Русски, и вовсе не была разряжена въ деревнѣ, какъ на куршагѣ, хотя принимала въ домъ своемъ, въ первый разъ, гостей, копорые прослыли миллионщиками. Хозяинъ представилъ намъ также училей дѣшей своихъ, Француза Мосье Энспрюи и Нѣмца Г. Гупмана, копорыхъ онъ назвалъ своими друзьями. Миѣ показалось страннымъ, что Г. Россіяниновъ, котораго Пепръ Пепровичъ описалъ миѣ необыкновеннымъ папріотомъ и врагомъ иноземнаго воспитанія, держитъ у себя чужеземцевъ, для образованія своихъ дѣшей. Пепръ Пепровичъ примѣшилъ мое удивленіе изъ косыхъ взглядовъ, копорые я бросалъ на чужеземцевъ, и сообщилъ мое наблюденіе хозяину. Г. Россіяниновъ вывелъ меня и Миловидина въ другую комнату, и ска-

валъ: «Не удивляйтесь, господа, что я употребляю иностранцевъ при воспитаніи своихъ дѣтей. Повѣряя юношей безусловно на руки иностранцевъ, есть величайшая глупость наша, отъ которой произошло все зло для Русскаго дворянства; отъ сего оно сдѣлалось почти чужеземною колоніею въ Россіи, не зная почти языка отечественнаго, ни обычаевъ, ни Исторіи, пріучившись отъ дѣтства любить все Французское и Англійское, и презирать все Русское. Но употребляя иностранцевъ подъ надзоромъ родителей, можно и должно, избирая для этого людей почтенныхъ нравственнымъ своимъ характеромъ и образованіемъ, а не искателей приключеній, не шарлатановъ. Безъ познанія чужеземныхъ языковъ, человекъ никогда не можетъ образоваться, какъ прилично Европейцу. Другіе народы опередили насъ въ просвѣщеніи, и имѣютъ болѣе средствъ подвигаться безпрестанно впередъ, на поприщѣ Наукъ. Переводить все, что появляется важнаго и любопытнаго въ чужихъ краяхъ, невозможно. Выдумь-

вашь самимъ по, что давно уже открыто и обдумано, было бы смѣшно, и шакъ надобно пріобрѣсти легчайшее средство, однимъ взглядомъ обнимать обширное царство просвѣщенія, и это средство есть познаніе чужеземныхъ языковъ. Зная многіе языки, вы дѣлаетесь гражданиномъ міра: согласитесь, что прежде надобно бытъ *человѣкомъ*, а потомъ уже Русскимъ или Французомъ. Я люблю Россію болѣе моей жизни; желаю ей блага болѣе, нежели собственнымъ своимъ дѣшамъ, и готовъ принести ей въ жертву жизнь мою и дѣш моихъ, имѣнье и всѣ блага жизни, но изъ этого не слѣдуетъ, что я долженъ не любить иностранцевъ, и не пользоваться произведеніями ихъ ума и промышленности. Это было бы варварство, достойное Турокъ, Кипайцевъ и Алжирцевъ. Первые предметы при воспитаніи моихъ дѣшей суть познаніе отечественнаго языка, Исторіи и Статистики Россіи, и первое и главное мое стараніе состоитъ въ томъ, чтобы вперить въ дѣшей моихъ безпредѣль-

ную привязанность ко всему отечественному. Этимъ занимаюсь я самъ. При всемъ этомъ я не скрываю предъ ними, чего намъ не достаесть еще къ доспигенію той степени образованности, на которой находятся другіе народы, а напрошивъ того возбуждаю желаніе спремиться къ возвышенію отечества распроспраненіемъ въ ономъ всего добраго и полезнаго. Теперь домашнее воспитаніе моего старшаго сына кончено, и я будущею зимою отправляю его въ Университетъ.» Насъ позвали къ столу, и Г. Россіяниновъ прекратилъ свое объясненіе.

Обѣдъ состоялъ изъ четырехъ блюдъ, приготовленныхъ со вкусомъ и изобиліемъ. Вина не лились чрезъ край, какъ говорится; но послѣ каждаго блюда всѣмъ собесѣдникамъ (исключая дѣшей и дамъ) наливаемо было по большой рюмкѣ опличнаго вина. Кромѣ того, на столъ спояли графинъ съ водою, легкимъ пивомъ, квасомъ, яблочникомъ и вкуснымъ питьемъ изъ разныхъ ягодъ, которое искрилось и пѣнилось въ

рюмкѣ какъ Шампанское, и показалось мнѣ гораздо вкуснѣе вина. Для десерта подали прекрасные, спѣлые плоды. Кромѣ семейства Г. Россіянинова, двухъ учителей и насъ, за споломъ было двое опснанныхъ за ранами, пожилыхъ офицеровъ, двѣ спарушки, дальнія родственницы хозяйки и приходскій Священникъ. Я съ удовольствіемъ замѣтилъ, что всѣмъ госпямъ и домашнимъ, безъ исключенія, подносили одни блюда, и всѣхъ подчивали однимъ виномъ. Это не всегда дѣлають господа, дающіе за своимъ споломъ мѣсто бѣднымъ людямъ. Г. и Г-жа Россіяниновы, напрошивъ того, обходились съ ними необыкновенно вѣжливо, и хозяинъ не изощрялъ своего остроумія на счетъ бѣдныхъ людей, которымъ онъ предложилъ госпепріимство.

За споломъ разговоръ былъ общій. После обѣда мы всѣ вышли въ садъ, и въ ожиданіи кофе помѣстились подъ тѣнью густыхъ липъ. Вдругъ у Миловидина навернулись слезы на глазахъ. Всѣ обратили на него вниманіе, съ участіемъ, и хозяева при-

или въ безпокойство. «Вамъ грустно?» сказала хозяйка. — «Нѣтъ, сударыня, это слезы умиленія, а не грусти. Я восхищаюсь семейнымъ вашимъ счастьемъ, благополучіемъ вашихъ крестьянъ, порядкомъ, устройствомъ вашего имѣнья, и радуюсь, что вы Русскіе!» Хозяинъ пожалъ руку Миловидина, и примолвилъ: — «Ваша правда: мы, или по крайнѣй мѣрѣ я, счастливы моимъ семействомъ!» Г-жа Россіянинова, вмѣстѣ отвѣща, съ нѣжностью поцѣловала своего мужа, дѣти бросились ему на шею, восклицая: — «Папенька, ты составляешь все наше счастье, всю нашу радость!» Одинъ изъ отставныхъ офицеровъ пожалъ руку Г-на Россіянинова, другой возвелъ взоры на небо, и перекрестился; воспитанницы бросились цѣловать руки почтенныхъ супруговъ. Старый служитель, принесшій кофе, прослезился въ молчаніи. Г. Россіяниновъ былъ пронутъ до глубины сердца. — «Вы видите теперь, счастливъ ли я!» воскликнулъ онъ. «Можешь ли быть блаженство выше, какъ быть любимымъ добрыми существа-

ми? Не думайте однако жъ, чѣобы счастье споило мнѣ большихъ трудовъ. Нѣтъ, это милость Провидѣнія, за которую я не престаю благодарить Его. Я старался только по возможности исполнять мои обязанности, — ничего болѣе. Если вы любопытствуете, я въ краткихъ словахъ расскажу вамъ мою исторію:

«Отецъ мой служилъ въ морской службѣ, женился по любви, и не имѣлъ никакихъ способовъ къ содержанію своего семейства, кромѣ своего жалованья. Онъ дослужился до генеральскаго чина въ семъ положеніи дѣлъ, и пошому не могъ дать мнѣ и двумъ моимъ сестрамъ блистательнаго воспитанія. Храбростью своею онъ пріобрѣлъ богатство, взявъ нѣсколько богатыхъ призовъ въ Турецкую войну. Разстроенное его здоровье не позволяло ему служить долѣе: онъ вышелъ въ отставку, купилъ это имѣнье, состоящее въ 500 душахъ, и поселился въ деревнѣ. Сестры мои вышли замужъ, какъ скоро родители въ состояніи были дать имъ хорошее приданое. Я опре-

дѣлился въ Гвардію, но имѣлъ несчастіе ушибиться, упавъ съ лошади, и долженъ былъ, по совѣсу врачей, выйти въ отставку. Мнѣ тогда было не болѣе 19 лѣтъ отъ роду. Мнѣ совѣщали прожить нѣсколько лѣтъ въ тепломъ климатѣ, для укрѣпленія силъ и пользованія минеральными водами. Я употребилъ это время на образованіе себя, и слушалъ курсы въ Болонскомъ Университетѣ, а потомъ довершилъ свое перевоспитаніе въ Парижѣ. Возвратясь въ отечество съ возстановленнымъ здоровьемъ и новыми познаніями, я хотѣлъ быть полезнымъ отечеству службою гражданской. Въ это время я имѣлъ несчастіе лишиться моихъ родителей, и остался одинокъ въ свѣтѣ. Прослуживъ нѣсколько лѣтъ въ незначущей должности, и видя, что ни спаранія мои, ни усердіе и, смѣю сказать, ни способности и познанія высшія, нежели познанія моихъ товарищей, не могли выдвинуть меня изъ толпы, я сталъ охлаждать въ моей ревности къ общей пользѣ. Одинъ старый пріятель моего отца, которому я жало-

вался на мое положеніе, вывелъ меня изъ заблужденія, и указалъ истинный путь къ счастью. «Любезный другъ!» сказалъ онъ мнѣ однажды: «ты не имѣешь никакихъ родственныхъ связей, не принадлежишь къ числу тѣхъ счастливицевъ, которыхъ все достоинство состоитъ въ имени, следовательно ты вѣчно будешь осужденъ вывозишь на своихъ плечахъ, изъ канцелярской грязи подъ гору фортуны, чужую неспособность, для увѣнчанія ея своими заслугами. Надобно дождаться необыкновеннаго случая, одного изъ тѣхъ чудесъ, которое записывается въ календаряхъ, чтобы лучи солнца проникли сквозь густую атмосферу *племени нигества* (*pérotisme*), и озарили тебя, безроднаго дворянина. Бываютъ примѣры, не спорю, но на это надобно желѣзное терпѣніе, а у тебя его нѣтъ. Чего ты ищешь? Былъ полезнымъ Государю и опеческву; не правда ли? Средство у тебя въ рукахъ. Ты имѣешь 500 душъ крестьянъ. Посвяти себя ихъ счастью. Вѣрь мнѣ, что тебѣ долго ждешь, чтобы достигнуть до такого

мѣста, гдѣ бѣ счастье 500 душъ мужескаго и, вѣроятно, столько же женскаго пола, зависѣло отъ твоей воли. Ты хорошо учился, много читалъ, путешествовалъ, следовательно имѣешь много способовъ устроить твое хозяйство, сдѣлавъ благополучными твоихъ крестьянъ, и, что болѣе, быть примѣромъ для другихъ. Хозяйство есть вещь непрудная, и твой старосна, при познаніи мѣстныхъ обстоятельствъ, будетъ тебѣ полезенъ, нежели два курса Агрономіи. Главное дѣло, соразмѣрять расходъ съ приходомъ, и все излишнее, остающееся отъ необходимаго, употреблять на улучшеніе имѣнія и благосостоянія крестьянъ. Ограничь нужды твои, отбрось прихоти, и ты будешь имѣть излишнее; употреби излишнее на полезное, и оно принесетъ тебѣ довольство, спокойствіе и счастье!»

«Подобно слѣпому отъ рожденія, которъ, прозрѣвъ послѣ счастливой операціи, восхищается и удивляется видомъ предметовъ, о коихъ онъ имѣлъ превращ-

ное понятіе, я прозрѣлъ умомъ ошъ словъ истиннаго моего друга. «Вопшъ дочь его!» примолвилъ Г. Россіяниновъ, указывая на жену свою. «Я женился, вышелъ въ опспавку, и поселился въ деревнѣ. Опець мой, будучи спаръ и хворъ, въ то время, когда удался въ деревню, не могъ самъ занимашся хозяйствомъ, и оспавилъ мнѣ имѣнье въ шакомъ видѣ, какъ купилъ. Поля были не удобрены, кресшьяне въ бѣдности и въ полудикомъ состояніи, въ опношеніи къ нравственности. Въ 20 лѣтъ, при помощи Божьей и при усердныхъ нашихъ съ женою трудахъ, мы успѣли довести имѣнье до шакого состоянія, въ какомъ вы его видите. Я не имѣлъ капиталовъ, и усовершалъ имѣнье изъ однихъ доходовъ, посшепенно, посшъшая безъ поропливости, занимаясь сперва существеннымъ. Богъ благословилъ мои начинанія. Нынѣ, всѣ молодые люди въ моемъ имѣнѣ знаютъ грамошу, и посшгаютъ свои обязанности въ опношеніи къ Богу, къ Государю, къ помѣщику и къ своимъ равнымъ. Безъ грамошы, господа, не

возможно посѣять ни нравственности въ народѣ, ниже возбудить понятія объ его обязанностяхъ къ власнымъ, для собственнаго же его блага. Людей нельзя обучать по слуху и по привычкѣ, какъ дрессируютъ пуделей. Надобно, чтобы человекъ могъ *читать*: тогда только онъ будетъ *поинимать*; и кромѣ того, время, употребленное на чтеніе, не есть потерянное, ибо большая часть людей только отъ праздности предаются разврату. Добрые мои крестьяне вскорѣ постигли, что я желаю имъ добра, и усердно принялись помогать мнѣ. Въ этомъ я обязанъ также и почтенному нашему Священнику, который, при всей своей бѣдности, велъ себя такимъ образомъ, что крестьяне не могли не уважать его. Онъ не участвовалъ въ ихъ пиршествахъ и забавахъ, но посѣщалъ ихъ только для поданія духовной помощи, для совѣща, увѣщанія или исполненія церковнаго обряда. Почтенный пастырь въ пошъ чела снискивалъ свое пропитаніе, обрабатывая небольшой участокъ земли; но, кромѣ поло-

женнаго по закону, никогда не бралъ ничего отъ поселянъ. Онъ мирилъ ссоры, самъ никогда не подавая повода къ неудовольствію, и пресѣкалъ своимъ присутствіемъ всѣ непристойныя шушки, а не возбуждалъ ихъ. Однимъ словомъ, отецъ Симеонъ былъ и есть таковъ, какимъ быть должно сельскому Священнику: крошкѣ, воздерженъ, челоуѣколюбивъ и важенъ въ обхожденіи. Вы видѣли его за споломъ, господа. Теперь состояніе его улучшилось, вмѣстѣ съ состояніемъ всѣхъ насъ. Я полагаю первымъ долгомъ помѣщика, привести Священника въ такое состояніе, чѣмъ онъ могъ жить, не занимаясь ничѣмъ отъ крестіянъ: тогда только онъ будетъ уваженъ прихожанами, и можетъ дѣйствовать на ихъ правспвенность.

«Слѣдуя совѣту моего тещя, я началъ хозяйничать не на Англійскій или Нѣмецкій манеръ, но сообразуясь съ нашимъ климатомъ, съ почвою земли и обычаями. Всѣ нововведенія не иначе приводимы были мною въ исполненіе, какъ послѣ многихъ опытовъ.

Наконецъ, всѣ мы обстроились, удобрили свои поля, и теперь только остается намъ поддерживать то, что мы сдѣлали.»

Мы провели время въ обществѣ добраго Г-на. Россіянинова и его семейства самымъ пріятнымъ образомъ, и при закатѣ солнца отправились въ городъ, хотя хозяева старались удержать насъ. Я шоропился въ городъ, ибо завтрашній день былъ почтовый, и я съ нетерпѣніемъ ожидалъ писемъ изъ Москвы. Мы обѣщались въ другой разъ прѣхать на нѣсколько дней къ почтенному Александру Александровичу, и отправились съ грустью въ сердцѣ, какъ будто изъ родительскаго дома. Когда мы ѣхали за воруша, Миловидинъ перекрестился и, возведя взоры къ небу, произнесъ: «Господи, благослови Россію, и дай ей побольше такихъ помѣщиковъ!»

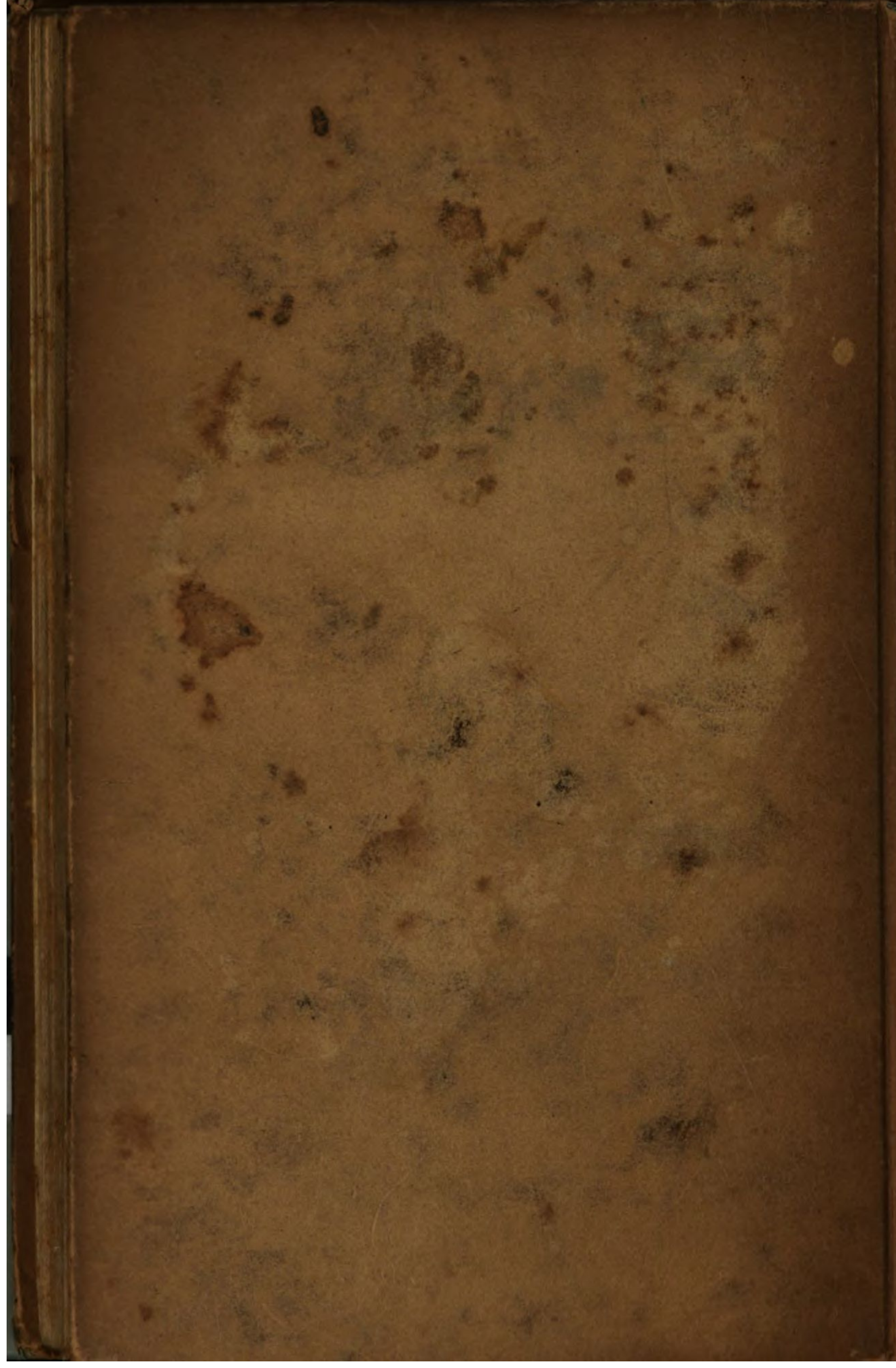
КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

О Г Л А В Л Е Н І Е

ВТОРОЙ ЧАСТИ.

	Стр.
Глава I. Плѣнь у Киргизцевъ. Киргизскій Философъ Арсаланъ - Сулшанъ. Я сдѣлался наѣздникомъ.	1.
— II. Расказъ Арсаланъ-Сулшана о пре- бываніи его въ Россіи.	21.
— III. Слѣдствія жестокой зимы. въ сшепи Набѣгъ. Радостная встрѣча съ пер- вымъ моимъ благодѣтелемъ.	47.
— IV. Расказъ Миловидина. Нравствен- ный авантюристъ и его домопрати- тельница. Семья старой дѣвы. Па- норама Московскаго общества. Дружескій кадрили. Русская чуже- земка. Общество на теплыхъ водахъ. Взглядъ на Венецію . . .	67.
V. Рѣшеніе Спаръишинъ Киргиз- скихъ, относительно моего возна- гражденія. Продолженіе расказа Миловидина. Дуэль. Бѣгство. Жидъ-Ренегатъ. Прибытіе въ Константинополь. Что такое Цера? Измѣна. Рабство. Освобо- жденіе	95.

- Глава VI. Вывздь изъ степи. Опяпъ Ка-
пишанъ - Исправникъ! Мытари.
Пиръ приказныхъ 130.
- VII. Дѣловая бсѣзда у Русскаго купца.
Безпокойный челоѡкъ. Кончина
злодѣя 168.
- VIII. Помѣщикъ, какихъ дай Богъ бо-
лѣе на Руси. Каковъ попъ, ша-
ковъ и приходъ 195.

Bulgarin, Faddej Venediktovič,

Ivan Vyzigin npravstvenno-satiričeskij roman

Bd.: 2

Sankt Peterburg (1830)

P.o.rel. 2988-2

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10036245-2